

И. К. Смирнов, О. И. Смирнова

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОБСТВЕННОСТИ

СТАНОВЛЕНИЕ,
РАЗРЕШЕНИЕ,
РАЗВИТИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 65.01
С50

Рецензенты: д-р экон. наук *В. Н. Воловин*
(С.-Петерб. гос. горн. ин-т),
д-р филос. наук *М. В. Попов*
(С.-Петерб. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Смирнов И. К., Смирнова О. И.

С50 Противоречия собственности: становление, разрешение, развитие. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. — 160 с.

ISBN 5-288-03391-9

В монографии на основе междисциплинарного подхода рассматриваются философские, правовые, экономические и организационные проблемы становления и развития собственности как всеобщего социально-го института. Раскрываются содержание, формы проявления и разрешения противоречий отношений собственности. Анализируются процессы социально-ориентированной рыночной экономики.

Для преподавателей, аспирантов, студентов, практических работников и всех интересующихся данной проблемой.

ББК 65.01

© И. К. Смирнов,
О. И. Смирнова, 2004
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2004

ISBN 5-288-03391-9

Введение

Проблема собственности — одна из древнейших и сложнейших фундаментальных и универсальных проблем. Она стала объектом и предметом пристального и всеобщего внимания с момента **становления** человечества и гуманитарного знания. Это и понятно, поскольку именно с отношения собственности начинается *homo sapiens* (лицо, личность, гражданин). Отношения собственности лежат в основе семейных и общественных, государственных и межгосударственных отношений и **определяют** их. Данной тематике посвящены многочисленные работы выдающихся мыслителей-философов, юристов, историков, экономистов.

О практической значимости решения проблемы отношений собственности свидетельствует то обстоятельство, что на их радикальном изменении базируется экономическое и социальное реформирование современной России.

Несмотря на многочисленность работ по данной тематике, собственность как предмет гуманитарного знания далеко не исчерпала себя. Отдавая должное результатам ее рассмотрения в пределах специальных гуманитарных наук, следует отметить, что наименее изученными оказались отношения собственности в пограничной зоне этих наук. Анализ этих отношений как универсального социального явления оказался разорванным, ограниченным предметом специальных наук.

Так, в экономической теории собственность с самого начала рассматривается как **ставшее, непосредственно данное зрелое и завершённое** экономическое явление.

Еще не утихли споры по поводу того, можно ли считать собственность отдельной самостоятельной экономической категорией. В то же время вне рамок дискуссии остался вопрос о ее месте в системе **неэкономических** категорий собственности. Конечно, догмат экономического детерминизма предполагал, что экономические отношения собственности являются исходными, базисными для всех общественных отношений. Но это предположение не было обосновано.

Доказать, обосновать какое-либо научное положение — значит указать на его основу, вывести его из нее. Допустим, что отношения соб-

ственности являются исходными для всех экономических отношений. Что же образует основу **самого** экономического отношения собственности, откуда оно проистекает, выводится?

Если собственность выступает исходной, начальной **экономической** категорией, то она должна быть выведена из **неэкономической** категории. Если же она выводится из экономической категории, то она не первая, не исходная, не основная. Какая же экономическая категория является базисной и каково ее происхождение? Вот вопрос, без ответа на который невозможно начать рассмотрение **экономических** отношений собственности.

Зародившиеся экономические отношения собственности не остаются неизменными. Они, как и все сущее, находятся в движении.

В своем развитии собственность достигает зрелости, предела и преодолевает его. Поэтому приграничные отношения собственности обнаруживают себя не только при ее становлении, рождении, но и при ее отрицании, умирании. **Важно** исследовать область не только **происхождения** экономической категории собственности, но и ее прехождения.

Если собственность есть движение и раскрывается в своем развитии, то необходимо рассмотреть источник этого процесса. Это, конечно, противоречие. Другой движущей силы просто нет. Однако, признавая это, экономисты уделили недостаточно внимания исследованию **противоречий собственности**. В лучшем случае изучалось противоречие собственности с чем-то **внешним** ей. Например, непререкаемым признавалось положение о том, что основным противоречием капитализма выступает противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения (собственности). Противоречие же самого присвоения, самой собственности, в данном случае ее частнокапиталистической формы вообще не рассматривалось.

Одной из причин такого невнимания экономистов к проблеме противоречий собственности, ее всеобщего и основного экономического противоречия является, на наш взгляд, упрощенный подход к понятию противоречия вообще, всеобщего и основного противоречия в особенности. Признавая, что противоречие есть источник экономического развития, многие исследователи лишали развития **само** противоречие.

Противоречие рассматривалось как ставшее, готовое единство противоположностей. Его становление, основа, рождение из тождества, почему-то не привлекало должного **внимания**. Проблема разрешения противоречия в большинстве случаев сводилась только к его устранению, простому отрицанию, но не к одновременному рождению на основе этого разрешения нового противоречия.

Незавершенными, на наш взгляд, являются классификация и систематизация экономических противоречий. Различные критерии группировки экономических противоречий определяли их как **рядоположенные**,

как скоординированные, но не субординированные. Правда, среди экономических противоречий выделялось главное, или основное. Парадоксально, но основное противоречие рассматривалось только по отношению к экономической системе (способу производства) **в целом**. Все другие экономические явления и категории были лишены основного противоречия, поэтому вопрос об основном противоречии такого экономического явления, как собственность, даже не ставился. Складывалась странная ситуация. Собственность признавалась основной экономической категорией, а ее противоречие, о существовании которого можно было лишь догадываться, не считалось основным экономическим противоречием.

Актуальность и недостаточная изученность противоречий собственности и прежде всего ее всеобщего и основного экономического противоречия определили предмет и содержание настоящей монографии.

Возможности всестороннего и многопланового изучения собственности в советский период истории нашей страны были жестко ограничены абсолютизацией теории **формационного** развития общества и вульгаризацией диалектического метода исследования.

Не меньший ущерб истинности знания о собственности наносит и неоклассическая теория с ее претензией на универсализм и готовностью единообразно с помощью модели рационального поведения хозяйствующего субъекта объяснить все сложнейшие социально-экономические явления **современности**.

Новые подходы к познанию собственности и прежде всего эволюционная экономическая теория и институционализм открывают современные гетеродоксальные направления экономической теории. Главная заслуга институционалистов состоит в преодолении пренебрежения неоклассиков к неэкономическим факторам, определяющим содержание экономической жизни. Значительно расширив предмет экономической науки, они открыли широкие возможности междисциплинарного исследования социально-экономических институтов, в том числе такого всеобщего социально-экономического явления, как **собственность**.

Глава 1

ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ИХ СИСТЕМЫ

1.1. Общее понятие противоречия

Анализ противоречий собственности следует начать с рассмотрения понятия противоречия вообще.

По В.Далю, «противоречие», происходящее от слов «против» и «речь», означает спор, прекословие, опровержение чего-либо, различие, два несовместных обстоятельства¹. Такова же семантика английского и французского «*contradiction*» и немецкого «*widerspruch*».

В традиционной (формальной) логике, берущей начало с Сократа, Платона и Аристотеля, под противоречием (*enantion*) понималось умозаключение, допускающее в качестве истинных все отрицающие, не слагающие друг друга мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении. «Там, где одно мнение противоположно другому, — писал Аристотель, — имеется противоречие ...»². Он же сформулировал знаменитый закон противоречия, согласно которому «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» .

Таким образом, противоречие, если оно имело место, признавалось чем-то негативным, либо логической ошибкой. Аристотель называл невеждами тех, кто утверждал обратное. В число этих невежд зачислялись Гераклит, Плутарх, Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит. Именно Гераклит «по невежеству» предложил первую значительную концепцию противоречия как **единства противоположностей**. Борьбу противоположностей Гераклит утверждал как общий закон для всего сущего. Понимаемое таким образом противоречие, названное диалектическим, получило дальнейшее разви-

¹Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. М., 1955. С. 519-520.

²Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 125.

³Там же. С. 125.

тие в учении Н. Кузанского, Дж. Бруно и особенно в классической немецкой философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель).

В отличие от Аристотеля, утверждавшего, что противоречие — заблуждение, логическая ошибка, Гегель высказал парадоксальное положение: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения»⁴.

Конечно, учение о противоречии со времен Аристотеля и Гераклита ушло далеко вперед. Тем не менее спор между теоретиками формально-логического и диалектического противоречия не утихает, принимая подчас самые острые формы. Если Аристотель называл невеждой Гераклита, то в наше время невеждами называют Гегеля, марксистов и всех, кто разделяет их учение.

«Именно неосведомленностью немецкого философа Гегеля в области формальной логики, — пишет Н.И. Кондаков, — и непониманием существа закона противоречия объясняется безосновательная критика им закона противоречия ... Если бы Гегель знал о законах тождества и противоречия не из плоских учебников, то он не сказал бы этого» .

Столь же резко и «аргументированно» критикуют марксистскую теорию диалектического противоречия позитивисты, неопозитивисты, иррационалисты (экзистенциалисты, «философы жизни») и другие представители новейших направлений в философии и теоретической экономике. Не остаются в долгу и критикуемые.

Что же понимают под противоречием современные философы и экономисты, в чем они видят различие между формально-логическим и диалектическим противоречием?

В «Логическом словаре-справочнике» приводится определение формально-логического противоречия, мало чем отличающееся от аристотелевского.

Философский энциклопедический словарь определяет диалектическое противоречие следующим образом: «Противоречие диалектическое, взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступающая источником самодвижения и развития объективного мира и познания»⁶.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М., 1970. С. 265.

⁵ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 493–494.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 545.

Н.Д. Колесов и В. Ф. Щербина дают следующее развернутое определение противоречия:

- 1) это — динамичное отношение взаимополагающих и взаимоисключающих противоположностей;
- 2) представление в одном и том же процессе взаимоисключающих тенденций, свойств;
- 3) стороны противоречия обязательно представляют различные тенденции, направления изменения и развития; любая противоположность становится таковой лишь в сложном отношении с другой «своей стороной»⁷.

Ф. Ф. Вяккерев полагает, что определение противоречия как отношения между сторонами, свойствами, тенденциями предмета, когда они взаимно предполагают и взаимно отрицают друг друга, недостаточно раскрывает его сущность и должно быть конкретизировано. Он считает необходимым выделить следующие существенные черты противоречия, выступающего как:

- 1) отношение отрицания противоположностей в едином;
- 2) отношение самоотрицания вещи в самой себе.

Конкретизацией, спецификацией понятия «диалектическое противоречие» является сопоставление его с противоречием **формально-логическим**.

При самом поверхностном сопоставлении этих понятий выясняется, что **формально-логическое противоречие** может быть только в мышлении и отсутствует в действительности, в предмете. Диалектическое же противоречие присутствует в предмете и его идеальном образе, в мышлении.

Рассматривая проблему соотношения диалектических и формально-логических противоречий, Ф. Ф. Вяккерев солидаризируется с теми, кто утверждает, что предметом формальной логики выступает изучение законов формы, **структуры** знания, а предметом диалектической логики — изучение содержания знания. Различая противоречия «в одном отношении» и в «разных отношениях», он приходит к выводу, что с точки зрения диалектической логики формально-логическое противоречие вообще нельзя назвать противоречием⁸.

⁷ Колесов Н. Д., Щербина В. Ф. Разрешение экономических противоречий социализма. М., 1988. С. 8.

⁸ Вяккерев Ф. Ф. Предметное противоречие и его теоретический образ // Диалектическое противоречие. М., 1979. С 63, 115, 117.

З. М. Оруджев утверждает, что специфической особенностью диалектических противоположностей является наличие промежуточных звеньев. «С точки зрения марксистско-ленинской философии, — пишет он, — диалектическое противоречие есть по существу опосредованное промежуточными ступенями отношений различий и противоположностей, взятых в одно и то же время в одном и том же отношении, в то время как формально-логическое противоречие есть непосредственное отношение исключаящих друг друга противоположных утверждений»⁹. Г. С. Батищев считает, что законы формальной логики (в том числе закон непротиворечия) являются не законами мышления, а законами овеществленного знания. «Научное знание, изложенное в книгах и т. п., — пишет он, — непосредственно предстает в своем терминологическом и знаковом (символическом) выражении, т. е. как выполненное в языке. Выражение мышления в "языковой материи" подчиняется определенным законам — к числу таких законов и относится так называемый закон, или принцип, непротиворечивости, а также другие формально-логические законы»¹⁰.

Ему возражает Э. В. Ильенков, обращая внимание на то, что в логике рассматриваются вовсе не специфические формы выражения мышления в языке вообще, тем более в искусственном языке науки, а формы самого мышления, понимаемого как естественно исторический процесс, реализующийся отнюдь не только в языке. «Если логические формы обнаруживают себя не только в актах говорения об окружающем мире, но и в актах его действительного изменения, в практике человека, то практика оказывается критерием "правильности" логических фигур, управляющих речью человека, его словесно-оформленным самосознанием. Логические формы (схемы, фигуры) — это формы, в рамках которых совершается человеческая деятельность вообще, на какой бы предмет в частности она ни была направлена, будь то слова, вещи или события, исторические ситуации. Практика и для логики остается критерием истины, определителем, с логической формой мы имеем дело или нет»¹¹.

⁹Оруджев З. М. Формально-логическое и диалектическое противоречие. Различие структур // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 86-87.

¹⁰Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963. С. 17.

¹¹Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Диалектическая логика. М., 1979. С. 125-126.

В связи с этим хотелось бы отметить, что термин «противоречие» не адекватен содержанию рассматриваемой логической категории, «языку науки». Правильнее, наверное, было бы обозначить это содержание словом «противоборство».

Особую позицию в определении понятий формально-логического и диалектического противоречий и их соотношения занимает А. А. Сорокин. Он считает, что искать какое-то особое диалектическое и формально-логическое противоречие бесперспективно. Есть противоречие вообще. Проблема, по его мнению, состоит в другом, с возникновением и разрешением противоречия связана сама **творческая деятельность**. Вот как он иллюстрирует свое утверждение о существовании единого противоречия: «Когда традиционная логика говорит, что в мышлении противоречий "не должно быть", то в этом выражается тот реальный момент, что обнаруживающееся противоречие ставит под сомнение истинность существующего знания, лишает его однозначной определенности и тем самым побуждает к его преобразованию ... Появляющееся противоречие как раз и разрушает целостность (единство) знания, так как одно утверждение оказывается фактически несовместимым с другим, и вместо согласования получается взаимное исключение. Отсюда и возникает естественное стремление как-то "избавиться" от противоречия, разрешить его и восстановить единство знания ...»¹². А. А. Сорокин подчеркивает, что против этого диалектика не возражает, она только утверждает, что этим дело не ограничивается и что противоречие является условием дальнейшего развития существующего знания.

Можно было бы привести еще много дефиниций противоречия, рассуждений, точек зрения в связи с обсуждаемой проблемой, но и сделанный обзор, на наш взгляд, дает достаточное основание для вывода об их общей недостаточности.

Общий недостаток всех приведенных определений заключается в том, что они в значительной степени тавтологичны, что все они дают формальное, не упорядоченное и не субординированное неполное перечисление некоторых черт, свойств формально-логического и диалектического противоречий.

Непонятно, например, чем отличаются друг от друга стороны,

¹² Сорокин А. А. О понятии противоречия в диалектике // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 104.

свойства **предмета** и стороны, тенденции, свойства **противоречия** и различия противоположностей. Почему называются четыре определенности противоречия, а не 10, 20 и т. д.? Что произойдет с противоречием, если оно лишится хотя бы одной из своих определенностей?

Другими словами, приведенные определения диалектической логики не диалектичны. Способ, метод их получения отрицает диалектику, ее метод. Метод, не адекватный предмету исследования, не может дать истинного результата. В данном случае недиалектический метод определения диалектического противоречия с объективной необходимостью приводит к неудовлетворительному результату.

Мы утверждаем, что различия в понимании **формально-логического** и **диалектического** противоречий вытекают из различий **формальной и диалектической логики**. Объектом первой является предмет как застывший процесс. Она рассматривает движение как остановку. Объект второй — процесс как оживленный, распределенный предмет. Она изучает движение как отрицание остановки, как непрерывное нарушение состояния покоя.

Движение противоречия формально можно остановить в любой точке и, следовательно, дать множество его определений. Однако эти определения будут обладать какой-либо научной значимостью только тогда, когда строго определены их координаты, их положение на кривой (орбите) движения противоречия, т. е. строго указано, к какой стадии движения противоречия от простого к сложному, от абстрактного к конкретному относится то или иное определение.

Какие же определения противоречия получаются на остановках? Очевидно, на каждой из них мы имеем дело с **формально-логическими** противоречиями, которые можно познать только с помощью метода и законов **формальной** логики. Но для того чтобы продолжить движение, т. е. исследование, необходимо **оживить**, **«снять» застывшее противоречие**, восстановить и исследовать его как противоречие диалектическое на основе адекватных ему диалектического метода и законов **диалектической логики**. Достигнув предела в своем развитии, данное противоречие переходит в новое, исследование которого предполагает опять-таки остановку движения. Это достигается **снятием** диалектического противоречия формально-логическим. Таким образом, **формально-логическое** и **диалектическое** противоречия непрерывно снимают друг друга, становясь моментами единого движения, развития конкрет-

ного противоречия. Следует, конечно, помнить, что снятие не есть простое отбрасывание, а одновременно отрицание, сохранение и возвышение снимаемого. Столь же необходимо различать нечто как самостоятельное и как **момент**. Например, меновая стоимость и потребительная стоимость как самостоятельные понятия существенно отличаются от меновой стоимости и потребительной стоимости как моментов единого целого, называемого стоимостью. В первом случае меновая стоимость не содержит в себе ни грана потребительной стоимости, а потребительная стоимость — ни грана стоимости меновой, но как моменты они одно и то же и не одно и то же, они не самостоятельны, они не могут существовать друг без друга и их существование есть растворение, исчезание друг в друге.

Другой пример: Марксово положение о том, что «капитал не может возникнуть из обращения и также не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»¹³. Действительно, капитал не может возникнуть в обращении, если его обращение рассматривать самостоятельным. Но если рассматривать обращение как **момент** воспроизводства, то капитал не может возникнуть вне обращения. Как моменты обращение и производство исчезают друг в друге, становясь воспроизводством.

Единство исчезающих друг в друге моментов как нечто третье по отношению к ним есть **становление**. Стороны становления существуют как исчезание. Но само становление имеется лишь благодаря разности сторон. Их исчезание есть исчезание разности, исчезание исчезания и, следовательно, исчезание самого становления, его снятие.

Таким образом, **формально-логическое** и диалектическое противоречия можно рассматривать как самостоятельные. В этом случае возникает вопрос, что чему предшествует и что «главнее». Исторически, конечно, формально-логическое предшествует диалектическому точно так же, как традиционная логика — диалектической, и в этом смысле формальное противоречие главнее диалектического. Формальная логика существовала самостоятельно без диалектической, а диалектическая логика без формальной существовать не может. Другими словами, формальная логика и без диалектической есть нечто, а диалектическая без формальной — ничто. Но если бы ни диалектическая логика и диалектиче-

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 176.*

ское противоречие, учение о противоречии осталось бы на уровне Аристотеля, а *homo sapiens* перестал бы быть таковым потому, что перестал бы мыслить. Логически формальное противоречие также не мыслимо без диалектического, как диалектическое без формального. Первое — начало второго, а второе — результат первого. Если же говорить об их субординации, то формальное противоречие есть неразвитое диалектическое, а диалектическое — развитое формально-логическое противоречие.

В соответствии с требованиями диалектического метода определение диалектического противоречия следует начать с простейшего определения формально-логического противоречия, что соответствует понятию логики вообще как мышления о мышлении.

Познание противоречия начинается с обнаружения его **непосредственного бытия**, внешнего изображения. Таковым является первое, непосредственное определение самого движения. Действительно, нечто, которое в одно и то же время, в одном и том же отношении находится здесь и не здесь, есть противоречие. Это противоречие и является первым, абстрактно-всеобщим определением движения. Вместе с тем первое, абстрактное определение движения выступает как непосредственное противоречие.

Неудивительно, что это внешнее непосредственно данное противоречие было зафиксировано еще античными философами и получило у них название «*aporia*» — безвыходность, затруднение, недомыслие.

Непосредственное противоречие выступает и в таких простых определениях, как «конечное» и «бесконечное», «верх» и «низ», «правое и левое» и т. д. На этом уровне оно определяется как отношение сторон. Классический пример непосредственного экономического противоречия — противоречие всеобщей формулы капитала, как оно **непосредственно** являет себя в обращении Д-Т-Д'.

Однако указать на стороны противоречия и охарактеризовать их — значит сделать еще очень мало для раскрытия противоречия. Обнаруженное лишь как непосредственное оно должно быть снято, **опосредствовано**, выведено, осознанно как процесс.

Снятое **внешнее** непосредственное противоречие становится отношением **внутренним, сущностным**. Такое противоречие получило в учении ранних философов название антиномии, или противоречия закона самому себе. Наиболее полное философское толкование антиномии таково. Это продукт человеческого разума при его попытке мыслить мир как единое целое, подразумевая в ка-

честве предпосылки идею безусловного или абсолютного. Данные противоречия возникают потому, что понятие абсолютного, бесконечного, приложимого лишь к миру вещей в себе (тезис), применяется к миру опыта, где наличествует только преходящее, конечное и обусловленное (антитезис). Таким образом, антиномии есть результат попытки разума выйти за пределы непосредственного чувственного опыта и познать непознаваемые «вещи в себе». Это субъективные противоречия (парадоксы), разрешение которых Кант видел либо через разведение двух уточненных решений в разные стороны, либо вообще в снятии вопроса об их разрешении. Антиномия признается неразрешимым противоречием. Вместе с тем это уже сущностное противоречие, или противоречие сущности.

Сущность в самом начале определяет себя как простая непосредственность, как **снятое бытие**. Затем она получает определение переходящей в наличное бытие, в **явление**. Наконец, сущность, единая со своим явлением, определяется как **действительность**.

В сфере сущности отношения сторон не есть их переход в иное, как в сфере непосредственного бытия, а отношение сущности с самой собой внутри себя — как со своим отрицанием, соотношение с собой, рефлексия. В сфере сущности противоречие получает вторую определенность, оно не просто отношение сторон, а **соотношение**. Первое отличается от второго характером пространственно-временного расположения сторон. Так, противоречивое единство потребительной и меновой стоимости, образующее товар, обычно иллюстрируют фигурой *abcd*, представленной на рис. 1.

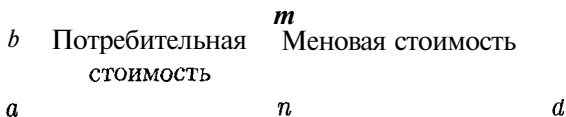

Рис. 1. Противоречивое единство потребительной и меновой стоимости.

Но эта фигура иллюстрирует лишь **внешнее** отношение сторон товара. Их **соотношение** обозначено линией *m — n*, где потребительная и меновая стоимость пространственно совмещены, где они одно и то же и не одно и то же.

Как отмечалось, движение противоречия **формально-логически** можно остановить в любой точке и, следовательно, дать ему множество определений. Среди них своей цельностью (конкретностью)

отличаются определения противоречия на стадии **тождества, различия и противоположности**.

По Гегелю, сущность как простая непосредственность есть равенство с самой собой, **тождество**. Но тождество с самой собой является различием себя от самого себя.

Вначале различие есть полагание небытия как небытия иного, но небытие иного выступает снятием иного и, стало быть, самого различения. Различение здесь — отрицательность отрицательности, но не в ином, а в самом себе. Имеется, следовательно, соотносящееся с собой рефлексированное различие, или чистое, абсолютное различие. Это тождество, но тождество как тождественное с собой различие. Вместе с тем различие тождественно с собой лишь постольку, поскольку оно не тождество, а абсолютное нетождество.

Однако нетождество абсолютно постольку, поскольку оно не содержит ничего из своего иного, а содержит только самого себя, т. е. поскольку оно абсолютное тождество с собой.

Таким образом, в тождестве обнаруживается тождественное себе тождество (абсолютное тождество) и тождество как тождественное с собой различие (абсолютное нетождество). Тождество как различие становится тем самым **разностью**, моментами которой являются соотносящиеся с собой абсолютное тождество и абсолютное нетождество. Эти моменты развиваются далее в **одинаковость** и **неодинаковость** и затем в **противоположности**. Каждая из сторон противоположного развивается до **положительного** и **отрицательного** в самой себе и, следовательно, до отрицания самой себя как этого единства. Поскольку каждая из противоположностей отрицает себя и утверждает свое иное, противоположенное становится **противоречием**, которое через свое снятие разрешается в **основание**. Последнее как снятое противоречие есть обогатившееся новыми определениями и возвратившееся в себя тождество. Это новое тождество развивается в новое противоречие и так до бесконечности.

Как бы ни относиться к гегелевскому исследованию содержания, структуры, диалектики противоречия, в нем нельзя не отметить главного.

Противоречие есть процесс, движение, проходящее различные стадии. Исследование сторон, моментов этих стадий осуществляется таким образом, что попытка остановить движение, удержать Дефиницию оборачивается тем, что она объективно, необходимо и незаметно превращается в другую. Игнорирование этих стадий ста-

новления противоречия приводит к грубейшим ошибкам. Так, **противоречие** между потребительной и меновой стоимостью в учебниках политической экономии иллюстрировалось простым перечислением **различий** между ними, которые есть лишь противоречие «в себе».

Как ни странно, но ошибок такого рода, на наш взгляд, не избежал даже К. Маркс.

Действительно, у К. Маркса товар представляет собой диалектическое тождество потребительной стоимости и стоимости как единства противоположностей. Но спрашивается, на какой стадии движения этого противоречия и его познания рассматривается сам товар? Ведь вначале как непосредственность, как чувственно-конкретное товар предстает перед нами в виде вещи, обладающей двумя различными **свойствами** — способностью удовлетворять потребность и способностью быть обмененным на другой товар.

Первая способность с незапамятных времен получила название потребительной стоимости, а вторая — меновой стоимости. Таким образом, товар **непосредственно** выступает не как **единство** потребительной стоимости и стоимости, а как нечто, которое, **с одной стороны**, есть потребительная стоимость, а **с другой** — стоимость меновая. Эти стороны образуют **не противоположности**, а **разности**, они просто разные.

Снимая непосредственное бытие товара, мы обнаруживаем его сущность, которая как таковая **есть стоимость**. Но стоимость как снятый товар содержит «в себе» его **свойства** — потребительную стоимость и меновую стоимость. Здесь потребительная стоимость и меновая стоимость уже не просто разные свойства товара, а **моменты его сущности** — **стоимости**.

Стоимость, таким образом, определяет себя как единство противоположностей — потребительной и меновой стоимости. Через ряд опосредствований стоимость проявляет себя в **действительном** товаре как его **действительное противоречие**, разрешаемое рождением денег, как нового тождества потребительной стоимости и стоимости меновой.

Движение противоречия в **сущности** всегда есть процесс ее внутренней дифференциации. Поэтому трудно согласиться с К. Марксом, который, наряду с противоречиями внутри сущности, называет противоречия между сущностями. В качестве примера первых приводится Северный и Южный полюс, сущность которых тождественна. Противоречия между сущностями объявляются

непримиримыми крайностями. Таков по Марксу антагонизм между имущим классом и пролетариатом. Думается, что здесь допускается подмена понятий. Конечно, и пролетариат и имущий класс имеют каждый свою сущность. Но их соотношение осуществляется в пределах одного социального явления и одной сущности — класса, отношений эксплуатации. Сущностные рефлексивные определения, противоречия — это не внешнее отношение между сущностями, а соотношение сущности с самой собой как самоотрицание.

Отличительная особенность этих определений — **непосредственность** перехода сторон и моментов противоречия в свое иное. Непонимание этого уводило исследователей к поиску опосредствующих звеньев переходов, к грубому искажению сущности исследуемых явлений и процессов.

Противоречие снимается, успокаивается в новом тождестве как результате своего движения. Но этот результат содержит снятое противоречие в себе и тем самым имеет в себе зародыш своего разложения, своего самодвижения. Будучи результатом одного этапа движения, снятое противоречие является в то же время началом нового этапа. Всякий новый этап выступает опровержением истинности результата, полученного на предыдущем этапе. Таким образом, противоречие на новом этапе богаче, содержательнее, конкретнее предыдущего.

Разумеется, следует различать противоречие в предмете и противоречие в мышлении, противоречия объективной и субъективной логики. Последние есть идеальный образ первых. Однако такая констатация общеизвестного недостаточна для раскрытия диалектики теоретического и практического знания. Конечно, эмпирические факты выступают началом, источником теоретического знания. Но вывести новые знания непосредственно из эмпирических фактов нельзя. Они возникают как результат опосредствования рационального мышления, обнаружения и разрешения противоречий, возникающих между теоретическими положениями и новыми опытными фактами. Так возникло резкое противоречие между законами электродинамики и принципом Галилея на рубеже XIX и XX вв. Это противоречие получило свое разрешение в открытии А.Эйнштейном теории относительности. Открытие М.Планка Разрешило противоречия между одним из постулатов классической физики о непрерывности испускания и поглощения электромагнитного излучения с новейшими экспериментальными данными.

Результатом развития теории познания в наше время стало рож-

дение идеи об единстве абсолютности и относительности объективно-истинного знания. Противоречия между теорией и новыми, опытными фактами неизбежны и объективны. Они возникают как результат всеобщности «номонологических» теоретических знаний и ограниченности «эмпирического базиса», на основе которого они получены. Поскольку в действительности последний неограничен, постольку предметом всеобщего теоретического знания становятся все новые неисчерпаемые в своих свойствах объекты, знание о которых вступает в противоречие с существующей теорией. Ни одна самая совершенная теория не способна устоять под напором новых фактов, ни одно научное положение не может претендовать на завершенность, законченность.

Вместе с тем разрешение противоречия между традиционной теорией и новыми фактами не означает простого отбрасывания старой теории. Она снимается новыми идеями, новыми теоретическими положениями в процессе исторического развития общества.

Мы разделяем известное положение о соотношении исторического и логического, согласно которому второе есть освобожденное от случайностей первое. Вместе с тем соотношение исторической и логической формы противоречия нуждается в некотором уточнении.

Предшествует ли историческая форма противоречия логической? Да, если под историческим понимать объективную реальность и под логическим познание этой реальности. Они могут совпадать, если под историческим понимать закономерность развития объекта, его противоречий и познание их. Примером является историческое и логическое исследование К.Марксом противоречий и форм стоимости. Наконец, логическое может предшествовать историческому. Так, исторически земельная рента возникла раньше промышленного капитала, но в «Капитале» К. Маркса она рассматривается позже промышленной и торговой прибыли, процента. Известно также, что глубина понимания простейших форм жизни определяется развитостью ее высших форм.

Движение противоречия, как отмечено выше, направлено от абстрактного к конкретному, от простого к сложному. Движение в противоположном направлении исключено. Между тем даже в солидных монографиях можно встретиться с утверждением об обратимости этого движения. Так, в коллективной монографии, изданной Московским государственным университетом, декларируется, что «движение противоречия от одной стадии к другой осу-

ществляется не только от низших форм к высшим, но и от высших форм проявления ко все более и более низшим, вплоть до полного исчезновения»¹⁴. Это «диалектическое» положение «доказывалось» «фактом» превращения в нашей социалистической стране противоречия между городом и деревней в существенное различие. Здесь начисто игнорируется доказанное Гегелем положение о том, что противоречие разрешается тогда, когда противоположности рефлектируются в самое себя и **возвращаются** в свое основание.

Основание, таким образом, есть результат разрешения данного противоречия и начало нового. Это новое противоречие разрешается в новое основание, которое обозначает начало нового противоречия и т. д. Возникает, таким образом, **система противоречий**.

Изначально под системой понимается целое, составленное из частей. Среди различных типов систем, с точки зрения движения противоречия, выделяются системы, отличающиеся иерархичностью, многоуровневостью, структурностью.

В самой бедной и поверхностной системе — элементарном механизме — его части как самостоятельная целостность исключают друг друга и тем самым соотносятся друг с другом. Но это соотношение безразличных и равнодушных друг к другу объектов образует лишь внешнюю связь, механический порядок. Такая система лишена противоречия. Она статична. Чтобы привести элементарный механизм в движение, на него надо воздействовать внешним образом. Для самозаведения необходимо, чтобы части механизма перестали быть равнодушными друг к другу, чтобы они **стремились** друг к другу **и отталкивались** друг от друга. Такое стремление обнаруживается в квантовофизических и химических уровнях строения материи. Само стремление объектов к единству предполагает наличие в различных объектах общих родовых свойств. Результатом такого взаимодействия является новый нейтральный объект. В продукте, например, химической реакции процесс угас и не может начаться вновь без вмешательства извне. Также без соответствующих внешних условий не может начаться процесс разложения нейтрального продукта и возвращения его к первоначальным составляющим. Разрешение противоречия здесь выразилось в уничтожении движения и, следовательно, противоречия как такового.

Материалистическая диалектика как научная система / Под ред. А. П. Шептулина. Кн. 1. М., 1983. С. 73.

Самой совершенной системой является **организм** (биологический, хозяйственный, социальный и т.д.). Его нельзя в отличие от механизма разобрать на составляющие части и вновь собрать. Нельзя совершенствовать, лечить органы, не воздействуя соответствующим образом на весь организм. Организм не может быть самостоятельным по отношению к своим органам, и наоборот. Он развивается из единого начала (клеточки) и все его развитие есть непрерывное разрешение и воспроизводство его исходного, первого противоречия.

Но что же выступает основанием, началом этого первого исходного противоречия органической системы? Всякое начало, как известно, трудно. Трудность определения начала системы противоречий вообще заключается в том, что оно непосредственно, оно не выводится из какого-либо основания. В то же время оно не просто начало как таковое, а начало определенной системы и результата и, следовательно, определено всей системой и результатом ее самодвижения. Таким образом, оно опосредствовано, а потому началом не является. Налицо знаменитая проблема соотношения яйца и курицы. Можно было бы махнуть рукой на решение этой проблемы, но без начала нет системы, а без системы знаний нет науки.

В диалектической логике это противоречие разрешается определением начала как неразвитого результата, а результата как развитого начала. Начало обосновывается своим движением, развертыванием, достижением результата как своего развитого целого, как своей истины. Вместе с тем результат можно считать истинным, если он является продуктом движения начала, его конкретной всеобщностью. Таким образом, яйцо есть истинное начало курицы, а курица (петух) — истинный результат развития яйца.

Начало системы противоречий является основным, первым, исходным, простым, абстрактно-всеобщим противоречием, не способным к разложению на более простые противоречия. Мы не видим никакой разницы между данными терминами. Если начальное противоречие не основное, оно не может быть основой системы. Если оно не исходное, то оно не первое и не основное. Если его можно разложить на более простые, то оно не простое и не абстрактно-всеобщее.

Начальное (основное) противоречие содержит в зародыше, «в себе» всю систему противоречий. Из него выводится и к нему сводится вся система. Оно выступает противоречием самого простого, элементарного отношения явления.

Таким началом у родоначальника греческой философии Фалеса была вода, у Анаксимена — воздух, у Гераклита — огонь, у Демокрита — атомы, у Парменида — всеобщее, единое. В гегелевской «Логике» началом объявляется «чистое бытие», т. е. бытие, которое «в своей неопределенности непосредственности равно лишь самому себе, а также неравно в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему»¹⁵, т.е. оно то, что лишено каких-либо определенностей как внутри самого себя, так и внешним образом. Но тем самым оно уже не абсолютная непосредственность, а определенность (неопределенность и определенность являются противоположностями). Следовательно, чистое бытие в **самом себе противоположно**.

Чистое бытие есть результат полного, абсолютного абстрагирования, т. е. оно — ничто. Соотношение чистого бытия и ничто как противоположностей, каждая из которых **содержит в самой себе свое иное, есть противоречие**. Разрешение это противоречие находит в наличном бытии, которое в силу своего противоречия переходит в нечто, а это нечто затем — в **определенное** нечто и т. д.

Таким образом, всеобщим (исходным) противоречием логических категорий является противоречие между чистым (лишенным определений) бытием и ничто.

Всеобщее противоречие определяет движение системы противоречий, ее структуру и содержание. Оно заключается в постепенном и последовательном разрешении и воспроизводстве всеобщего противоречия. В каждом новом особенном формировании всеобщее противоречие разрешено и воспроизведено более полно, совершенно, конкретно.

Все противоречия по отношению к всеобщему определяют себя как **производные**.

Система включает в себя подсистемы, первое противоречие которых можно было бы **назвать основным**.

Наконец, система противоречий завершается **предельным, или конкретно-всеобщим** противоречием.

Система противоречий заканчивается тогда, когда ее начало как неразвитый результат, как абстрактно-всеобщее становится конкретно всеобщим, т. е. тогда, когда оно ничего уже не может прибавить к себе, не выходя за собственные пределы.

¹⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М., 1970. С. 139-140.

Система гибнет, когда ее конечное, конкретно-всеобщее противоречие не может разрешиться переходом **в свое** основание, т. е. когда оно переходит **в иное** основание.

1.2. Экономические противоречия и их классификация

Экономическому противоречию присущи все характеристики противоречия вообще. Вместе с тем это специфическое противоречие. Если непосредственным бытием противоречия как такового является движение вообще безотносительно к его формам, то спецификой экономического противоречия выступают **особенности экономического движения**.

Экономическое движение является одним из видов социального движения. Последнее же отличает от движения в сфере неорганической и органической природы то, что оно не только изменение, рост, развитие, но и **деятельность** людей. Специфической же характеристикой деятельности как движения является ее **осознанность** и **самоосознанность**.

Всякая деятельность включает в себя **цель, средство, результат** и **сам процесс**.

Сознательно формулируемая цель является основой, началом всякой деятельности. В своем движении она проходит три ступени:

1. Субъективная цель.
2. Осуществляющаяся цель.
3. Осуществленная цель.

Вначале цель как влечение, как субъективное противостоит в себе объективному. Она внутренне в себе соотносится с объектом потому, что объективность есть в ней как идеальное, как мысленный образ объекта. Ее первой определенностью как субъективности, как различия в самой себе предстает отрицание объективного. Вторая ее определенность — разность — есть отрицание и полагание отрицательного по отношению к субъекту, т. е. полагание внешнего объекта. Определенный таким образом объект есть средство удовлетворения влечения. Последнее характеризуется двумя свойствами:

- 1) определенностью через цель (цель определяет средство);
- 2) назначением быть израсходованным потребленным.

Если средство не определено как затраты, то оно не средство достижения цели, а условие деятельности. Всякое средство есть условие, но не всякое условие — средство. Ограниченность делает

условие средством, а неограниченность — средство условием. Через средство цель связывает себя с результатом, продуктом, в котором она должна воплотиться. Осуществленная в результате внешней целесообразной деятельности субъективная цель конечна. Результат, продукт этой деятельности является средством новой цели, которая осуществляется в продукте, выступающим средством новой цели и так до бесконечности. Этот не имеющий конца процесс снимается истинной бесконечностью, которая есть **внутренняя целесообразная деятельность**.

Здесь цель имеет средство в самой себе, а не во вне. В одно и то же время в одном и том же отношении она есть цель и средство, причина и следствие, начало и результат, субъективность и объективность, т. е. **противоречие**. Нечто являющееся в самом себе как целью, так и средством, как своим продуктом, так и началом, производящим этот продукт, становится **самоцелью**. Ею является любая органическая система и прежде всего сам человек.

Экономическое движение — это, конечно, общественное, социальное движение, поскольку оно выражается в деятельности людей. В то же время это специфическая деятельность специфических людей. Эта деятельность, с одной стороны, характеризуется вещным отношением людей, а с другой — общественным отношением вещей. С одной стороны, человек господствует над вещью, подчиняя ее себе, очеловечивая вещь. С другой стороны, вещь и движение вещей определяют лицо и поведение, действие людей. **Капиталист** — не просто человек, а персонифицированный капитал, и его поведение, его деятельность всецело определяются объективным движением капитала. Истинное же определение экономической деятельности выражается в **противоречивом единстве вещных отношений людей и общественных отношений вещей**.

Конкретно экономическая деятельность как определяющая экономическое движение отличается от других видов деятельности по: Цели (производство экономических благ); средствам (природа, технологические средства, организационный фактор); результату (экономические блага); процессу (производство, распределение, обмен, потребление).

Исходя из особенностей экономического движения, специфику экономических противоречий можно выразить в следующем:

1. Экономические противоречия — сравнительно сложный вид противоречий, содержащий в себе в снятом виде противоречия сферы неорганической и органической природы.

2. Это противоречия субъективных (волевых) и объективных (вещных) отношений людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ.

Данная специфика экономических противоречий определяет особенности их объективно-субъективного движения, их познания и разрешения.

Многообразие экономического движения, его форм, уровней, экономических явлений, отношений, законов объективно обуславливает многообразие экономических противоречий.

Познание экономического противоречия предполагает не просто конструирование его дефиниции, а определение и обоснование его места в системе противоречий. Множество экономических противоречий должно быть упорядочено, скоординировано и субординировано, т. е. систематизировано.

Вообще можно предложить различные классификации экономических противоречий в зависимости от выбранного критерия. К. Маркс, например, различал противоречие абсолютное, абсурдное, внутреннее, всеобщее, действительное, диалектическое, имманентное, кажущееся, качественное, принципиальное, реальное, спекулятивное, существенное, теоретическое, трагическое, антагонистическое и т. д.

Ж. Аройо дает классификацию экономических противоречий в зависимости от: 1) функциональной роли (основные, главные и частные противоречия); 2) характера связей (фазисные и межфазисные); 3) сущности (антагонистические и неантагонистические); 4) отношения к данному явлению (внутренние и внешние); 5) происхождения (объективные и субъективные, необходимые и случайные); 6) исторического охвата; 7) территориального охвата (национальные и интернациональные)¹⁶.

Отправляясь от типа экономического объекта, Н. Д. Колесов и В. Ф. Щербина различают противоречия: 1) экономической деятельности; 2) экономических отношений, которые подразделяются на: а) противоречия экономических законов; б) противоречия незакономерных экономических отношений; 3) между экономическими отношениями, включающие: а) противоречия между экономическими законами; б) противоречия между незакономерными экономическими отношениями. По типу взаимодействия сторон противоречий ими выделяются следующие виды противоречий: 1) ан-

¹⁶Аройо Ж. Экономические противоречия при социализме. М., 1984. С. 32.

тагонистические; 2) гармоничные; 3) нормальные или естественные¹⁷.

Экономическая энциклопедия «Политическая экономия» традиционно делит экономические противоречия на те, которые имеют место либо во всех общественно экономических формациях, либо в некоторых и в отдельных (всеобщие, общие и специфические экономические противоречия). К числу первых относится противоречие между производством и потреблением, производительными силами и производственными отношениями. В обществе, где господствует товарное производство, обнаруживается противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, конкретным и абстрактным трудом, частным и общественным трудом.

В антагонистическом капиталистическом обществе в качестве основного экономического противоречия утверждалось противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Это антагонистическое противоречие имело следующие главные формы своего проявления:

1. Антагонизм между пролетариатом и буржуазией.
2. Противоречие между организацией производства на отдельных предприятиях и анархия производства во всем обществе.
3. Экономические кризисы перепроизводства.
4. Экономическая, имущественная дифференциация, поляризация общества.

Наряду с этими антагонистическими противоречиями в капиталистическом обществе признавались противоречия и неантагонистические, в том числе противоречия внутри класса буржуазии, рабочего класса, различных групп мелкой буржуазии.

В социалистическом же обществе, по мнению Н. П. Фигурновой, основным неантагонистическим противоречием является противоречие между общекоммунистическим характером социалистической собственности (общее владение средствами производства, равенство производителей в доступе к ним) и специфическими ее формами, связанными с общественными неантагонистическими неравенствами (социально-экономические различия функционирования субъектов общественной собственности в **производстве** — наличие классов, социальных групп и различие в использовании ими общей

Колесов Н. Д., Щербина В. Ф. Разрешение экономических противоречий социализма. С. 14–15.

собственности в производстве, в общественной организации труда, в удовлетворении их потребностей и т.д.). Прочие же экономические противоречия при социализме представлены следующими основными группами: во-первых, противоречия отношений и законов по фазам общественного производства — производства, распределения, обмена и потребления; противоречия, развертывающиеся внутри фаз, между фазами, в их взаимосвязи; противоречия единства всех фаз в процессе социалистического воспроизводства, т. е. специфический ряд экономических противоречий данного процесса. Во-вторых, экономические противоречия, развертывающиеся на разных уровнях течения экономического процесса — на его глубинном уровне, охватывающем движение сущности производственных отношений и законов; на уровнях течения экономических процессов, включающих в себя движение превращенных форм проявления сущности на разных ступенях хозяйственной практики (например, противоречия процессов формирования и движения отношений необходимого и прибавочного продуктов и процессов формирования и движения конкретных форм их реализации — заработной платы, чистого дохода, прибыли, налога с оборота и т.д.). В-третьих, противоречия между субъектами экономического процесса — обществом в целом и структурными звеньями общественного производства — отраслевыми, региональными, объединениями, предприятиями и т.д.; между обществом, коллективами производителей всех уровней, индивидами-участниками производства и т.д. В-четвертых, особая группа противоречий, связанная с тем, что непосредственно общественное производство и труд функционируют в определенных сферах хозяйственного процесса в товарно-денежных формах¹⁸.

Не отрицая правомерности приведенных классификаций экономических противоречий, нельзя не отметить недостаточную обоснованность, случайность выбора единого критерия классификации, а то и просто его отсутствие.

Мы считаем, что универсальным критерием классификации экономических противоречий должна быть степень удаленности экономических отношений, явлений, законов, в которых они обнаруживаются, от абстрактно-всеобщего начала, т. е. **степень их конкретности**.

¹⁸Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Под ред. А.М.Румянцева. В 4 т. Т. 4. М., 1980. С. 510–517.

Множество экономических явлений образует систему, а их противоречия — систему экономических противоречий. Самым простым из них является первое, основное противоречие, самым сложным — противоречие **закона движения экономической системы**.

Каждое экономическое явление имеет свой закон и поэтому его (явления) противоречие выступает в то же время противоречием его закона.

Что же представляет собой экономический закон как противоречие?

Закон вообще сначала обнаруживает себя в сфере сущности. Поэтому самым простым определением экономического закона служит определение его как сущности. Но последняя сама есть процесс, движение. На каком же этапе своего движения сущность определяет себя как закон или, говоря иначе, сущностью какого порядка выступает закон? Часто можно встретиться с утверждением, что закон — самая глубокая сущность, т. е. сущность первого порядка. С этим нельзя согласиться. Действительно, сущность первого порядка является самой абстрактной, самой бедной. Она лишь снятое непосредственное бытие без каких-либо иных определенностей. Последние приобретаются сущностью в процессе ее самодвижения, ее опосредствования самой собой. Сущность обнаруживает себя как закон на том этапе своего движения, когда она являет себя. Закон, таким образом, выступает как **закон явления сущности**. Это определение конкретнее первого, поскольку закон здесь не просто сущность, а определенная, конкретная сущность. Вне явления закона нет, поэтому неправильными являются характеристики его только как выражения связи между явлениями, как чего-то третьего, внешнего по отношению к ним.

Закон, как постоянное в явлении, существует только благодаря постоянному изменению явления. Именно благодаря изменению он и определяет себя как **постоянное в изменении** или **постоянство изменения**. Постоянное в изменяющемся явлении есть закономерность, за которой скрывается закон.

Следовательно, закон не тождествен явлению сущности. Последняя как нечто существующее обладает многими свойствами, каждое из которых, в свою очередь, можно рассматривать как явление. Конкретное явление есть единство единообразного и многообразного. В одно и то же время в одном и том же отношении оно — **единство и множество, т. е. противоречие**. В результате

разрешения этого противоречия и образуется закон. Он, таким образом, есть **однообразие разнообразного, или постоянный образ изменяющегося явления**. Он есть то, что в изменяющемся явлении остается прочным, устойчивым, постоянным, неизменным. Закон выступает как основа явления, безразличная, равнодушная к самому явлению.

Абсолютизирование этого относительно правильного, но не полного определения закона приводит к утверждению, что закон вообще есть нечто постоянное, не подверженное изменению в явлении. Между тем оно лишь **одна** из его характеристик на пути движения от абстрактного к конкретному. В этой своей характеристике закон предстает как нечто спокойное в явлении, как соотношение только с самим собой, как положительное тождество, как закон «в себе», как «дремлющий» или латентный закон.

Но поскольку закон — тождество, в нем различаются стороны тождества чего-то с чем-то. Поскольку эти стороны **различаются**, постольку они **разные**. Закон, таким образом, **дифференцируется в самом себе**, перестает быть просто положительным тождеством, приобретает не достававший ему отрицательный момент, **импульс к движению**. Внутренне различие его разных сторон развивается далее во внешнее соотношение закона и его иного, т.е. явления как такового. Закон теперь не безразличен к явлению. Он определяет явление, выступает в качестве его **основания**. Вместе с тем явление определяет закон, который теперь выступает не просто как безразличная основа, а как основание определенного явления. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что это не отношение двух разных явлений, а отношение **внутри** одного явления. Явление, так же как и закон, дифференцируется и начинает отличать себя от самого себя. Оно отличает себя как **существенное** в явлении от самого себя как **несущественного**. **Существенное в явлении есть закон** и это его новое определение. Явление, таким образом, помимо закона как существенного в нем содержит и несущественное. Следовательно, оно богаче закона.

Существенное и несущественное соотносятся в явлении потому, что каждое из них имеет в самом себе свою противоположность — закон имеет в самом себе несущественное явление, а несущественное явление — закон. Они не могли бы соотноситься, если бы не были разными и не разными в одно и то же время в одном и том же отношении.

Итак, закон в своем развитии последовательно определяет себя как **тождество, противоположность и противоречие**.

Примером исследования экономических законов в их движении, развитии является «Капитал» К. Маркса. Так, рассматривая в третьем отделе третьего тома «Капитала» Закон тенденции нормы прибыли к понижению, К.Маркс называет главу 13 «Закон как таковой», т. е. закон как тождество, главу 14 — «Противодействующие причины», т.е. закон как противоположность, и главу 15—«Развитие внутренних противоречий закона». Автор «Капитала» предупреждал о недопустимости отождествления абстрактных (всеобщих) и действительных экономических законов. Так, всеобщего закона капиталистического накопления **в действительности нет**. В действительности он модифицируется многочисленными обстоятельствами. Мы же в недавнем прошлом объявляли этот закон действительным, искали примеры абсолютного и относительного обнищания пролетариата, чем в немалой степени способствовали дискредитации марксистской экономической теории.

Исследуя противоречия системы экономических законов, следует различать противоречия основного закона, законов производных и закона движения системы. Основной закон и закон движения системы соотносятся как начало и результат, взятый вместе с движением, т. е. закон движения системы есть реализующий себя ее основной закон.

Сказанное по поводу экономического движения, экономических явлений и законов дает нам основание предложить следующую классификацию экономических противоречий:

1. Противоречия основы экономической системы; производные противоречия, противоречия результата движения экономической системы.

2. Противоречия трудовых отношений; противоречия технологических отношений; противоречия производственных отношений; противоречия способа производства; противоречия хозяйствования.

3. Противоречия внутри экономических явлений и между ними; противоречия сущности экономических явлений; противоречия экономической действительности.

4. Противоречия самоцели экономической системы.

Вся система этих противоречий является системой экономических противоречий отношений собственности.

Что же представляет собой система отношений собственности?

разрешения этого противоречия и образуется закон. Он, таким образом, есть **однообразие разнообразного, или постоянный образ изменяющегося явления**. Он есть то, что в изменяющемся явлении остается прочным, устойчивым, постоянным, неизменным. Закон выступает как основа явления, безразличная, равнодушная к самому явлению.

Абсолютизирование этого относительно правильного, но не полного определения закона приводит к утверждению, что закон вообще есть нечто постоянное, не подверженное изменению в явлении. Между тем оно лишь **одна** из его характеристик на пути движения от абстрактного к конкретному. В этой своей характеристике закон предстает как нечто спокойное в явлении, как соотношение только с самим собой, как положительное тождество, как закон «в себе», как «дремлющий» или латентный закон.

Но поскольку закон — тождество, в нем различаются стороны тождества чего-то с чем-то. Поскольку эти стороны **различаются**, постольку они **разные**. Закон, таким образом, **дифференцируется в самом себе**, перестает быть просто положительным тождеством, приобретает не достававший ему отрицательный момент, **импульс к движению**. Внутренне различие его разных сторон развивается далее во внешнее соотношение закона и его иного, т.е. явления как такового. Закон теперь не безразличен к явлению. Он определяет явление, выступает в качестве его **основания**. Вместе с тем явление определяет закон, который теперь выступает не просто как безразличная основа, а как основание определенного явления. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что это не отношение двух разных явлений, а отношение **внутри** одного явления. Явление, так же как и закон, дифференцируется и начинает отличать себя от самого себя. Оно отличает себя как **существенное** в явлении от самого себя как **несущественного**. **Существенное в явлении есть закон** и это его новое определение. Явление, таким образом, помимо закона как существенного в нем содержит и несущественное. Следовательно, оно богаче закона.

Существенное и несущественное соотносятся в явлении потому, что каждое из них имеет в самом себе свою противоположность — закон имеет в самом себе несущественное явление, а несущественное явление — закон. Они не могли бы соотноситься, если бы не были разными и не разными в одно и то же время в одном и том же отношении.

Итак, закон в своем развитии последовательно определяет себя как **тождество, противоположность и противоречие**.

Примером исследования экономических законов в их движении, развитии является «Капитал» К. Маркса. Так, рассматривая в третьем отделе третьего тома «Капитала» Закон тенденции нормы прибыли к понижению, К. Маркс называет главу 13 «Закон как таковой», т. е. закон как тождество, главу 14— «Противодействующие причины», т.е. закон как противоположность, и главу 15— «Развитие внутренних противоречий закона». Автор «Капитала» предупреждал о недопустимости отождествления абстрактных (всеобщих) и действительных экономических законов. Так, всеобщего закона капиталистического накопления **в действительности нет**. В действительности он модифицируется многочисленными обстоятельствами. Мы же в недавнем прошлом объявляли этот закон действительным, искали примеры абсолютного и относительного обнищания пролетариата, чем в немалой степени способствовали дискредитации марксистской экономической теории.

Исследуя противоречия системы экономических законов, следует различать противоречия основного закона, законов производных и закона движения системы. Основной закон и закон движения системы соотносятся как начало и результат, взятый вместе с движением, т. е. закон движения системы есть реализующий себя ее основной закон.

Сказанное по поводу экономического движения, экономических явлений и законов дает нам основание предложить следующую классификацию экономических противоречий:

1. Противоречия основы экономической системы; производные противоречия, противоречия результата движения экономической системы.

2. Противоречия трудовых отношений; противоречия технологических отношений; противоречия производственных отношений; противоречия способа производства; противоречия хозяйствования.

3. Противоречия внутри экономических явлений и между ними; противоречия сущности экономических явлений; противоречия экономической действительности.

4. Противоречия самоцели экономической системы.

Вся система этих противоречий является системой экономических противоречий отношений собственности.

Что же представляет собой система отношений собственности?

ПОНЯТИЕ СОБСТВЕННОСТИ

2.1. Собственность как абстрактное волевое отношение

Существует множество теорий собственности, претендующих на раскрытие ее источника, содержания и формы. Среди них следует назвать прежде всего теологические теории, объявляющие собственность даром творца людям. Фихте, Шталь, Гегель выводили понятие собственности из личности человека, из его стремления господствовать над вещью вкладывая в нее свою волю. Согласно теории, выдвинутой Локком, собственность обязана своим происхождением труду. Один из основателей учения об естественном праве Гроций считал, что собственность возникла в результате захвата. Легальная теория Гоббса и Монтескье утверждала в качестве источника любой формы собственности договор, закон, государство. Наконец, Гестержей, Прудон, Бриссо и Маркс полагали, что собственность независимо от своих первоначальных источников является результатом эксплуатации, присвоения плодов чужого труда, воровством, грабежом.

Множеству теорий собственности соответствует и множество ее дефиниций. Собственность определяется как присвоение, т. е. отношение к вещи как к своей, как имущество, как достояние по праву, как право каждой личности на особенную сферу самостоятельной деятельности, как совокупность отношений людей в сфере производства, распределения, обмена и потребления экономических благ, как система доступа к материальным и нематериальным ресурсам и т. д.

В нашу задачу не входит критический анализ различных теорий и определений собственности. Каждая и каждое из них имеет свое обоснование и содержит в себе определенную долю истинного знания. Однако это знания об отдельных аспектах и явлениях собственности, т. е. знания односторонние. Кроме того, они хаотичны.

Для того чтобы иметь полное системное знание о каком-либо человеке надо проследить, изучить всю его жизнь с момента рождения до кончины. Соответственно для того чтобы получить всестороннее системное знание о собственности, необходимо рассмотреть

ее движение, развитие с момента становления до **прехождения**, самоотрицания.

Самым распространенным в отечественной литературе определением собственности **вообще** предстает определение ее как отношения между людьми по поводу вещей.

Что же не удовлетворяет нас в этом определении? Во-первых, оно не является исходным, первым, элементарным отношением. Элементарное отношение включает в себя две стороны, в приведенном определении их три. Во-вторых, не определены стороны отношения, а следовательно, и само отношение в целом. Что за **люди** соотносятся между собой, какова их «социальная физиономия»? Что представляет собой **вещь**, по поводу которой они вступают в **определенные** отношения? Под данное определение подпадает, например, такое отношение между людьми по поводу вещей, как игра в футбол. Вместе с тем из него исключается такое отношение собственности, как рабовладение. Будучи объектом собственности, раб в то же время не перестает быть человеком.

Для того чтобы дать определение первому, исходному, абстрактно-всеобщему отношению собственности, необходимо найти **элементарные определения сторон этого отношения**. Представляется, что ими являются **субъект и объект**. Оставляя в стороне многовековые философские дискуссии по поводу определения понятия «субъект» и имея в виду определение его в качестве одной из сторон простейшего отношения собственности, мы предлагаем понимать под ним источник и носитель деятельности (познавательной и предметно-практической). Это всеобщее-абстрактное определение в своем дальнейшем движении приобретает характеристики лица, личности, семьи, гражданина, общества, государства, мирового сообщества и т. д. Объект — это не просто несубъект, не просто все то, что противостоит ему (вещь, предмет, объективная действительность), а нечто, испытывающее на себе воздействие субъекта, **подчиненное** ему. Субъект есть активная, господствующая сторона отношения собственности, **объект** — пассивная. Мы полностью согласны с теми исследователями собственности, которые считают, что ее начало, ее генетический код находится в самой сущности человека.

«Все острые вопросы экономической жизни, — писал виднейший Русский обществовед В. С. Соловьев, — тесно связаны с понятием собственности, которое, однако, само по себе более принадлежит к области права, нравственности и психологии, нежели к области от-

ношений хозяйственных. Уже это обстоятельство ясно показывает, как ошибочно стремление обособить экономические явления в совершенно самостоятельную и себедавляющую сферу. Неотъемлемое основание собственности, как справедливо признают все серьезные философы новых времен, заключается в самом существе человеческой личности»¹.

Это было написано в 1894 г. Тем не менее, до самого последнего времени в отечественной экономической науке решительно пресекались всякие попытки внесения в «чистое» экономическое понятие собственности «нечистых» неэкономических определенностей. Однако реалии наших дней со всей очевидностью опровергают «себедавляющий» характер экономических категорий, демонстрируя вторжение экономической жизни в сферу философии, социологии, истории, юриспруденции, психологии и, наоборот, вторжение этих наук в сферу экономической теории. Понять собственность как экономическую категорию невозможно, рассматривая ее в то же время вне отношений правовых, моральных, нравственных, духовных.

Сами эти отношения, согласно неоинституционалистскому направлению в современной экономической теории, являются **экономическими** институтами. Чисто экономическое понятие собственности — абстракция. Реальная, действительная собственность является собой всю полноту определений экономической жизни.

Отношение субъекта и объекта **становится** первым отношением собственности, когда субъект начинает относиться к объекту как к **самому** себе.

Человек впервые вступает в отношение с окружающим его миром, когда он выделяется из него, противопоставляет себя ему и делает его своим, т. е. присваивает. В отличие от любого другого живого существа он воспринимает окружающую его действительность не только непосредственно через органы чувств, а главным образом **опосредствованно** через мышление. Отправляясь от чувственного опыта, размышляя, человек приходит к **представлениям** об окружающем его мире, создает идеальные обобщенные образы действительности. Мышление есть первое, исходное, сущностное, **родовое** определение человека, его **всеобщность** как *homo sapiens*. «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую»), — сказал Рене Декарт.

¹Соловьев В. С. Оправдание добра // Русская философия собственности (XVIII—XX вв.) / Под ред. К. Исупова, И.Савкина. СПб., 1993. С. 167.

На первом этапе мышления субъект как бы фотографирует внешнее (объект), формирует его **идеальный образ** и делает его своим, **собой**. Объект **идеально** становится субъектом, присваивается им в форме знания. Выражаясь проще, можно сказать, что первым отношением собственности как присвоения, выступает **присвоение знания**, или **интеллектуальная собственность**, т. е. то, что И. Кант называл нефизическим владением.

В этом идеальном присвоении многообразия внешнего мира человек соотносится с ним как с собой внутри самого себя. Субъект, который соотносится не только с внешним ему объектом, но и с самим собой, мыслит о самом себе, присваивает самого себя, **становится лицом, личностью**.

Присвоение в форме знания о внешнем обогащается присвоением знания о самом себе не просто как биологической разновидности, а существе духовном. Это присвоение можно было бы назвать собственностью **духовной**.

Духовная собственность есть отражение индивидуальной неповторимости личности, ее жизненной позиции, осмысление действительности и своего места в ней. Но в этом абстрактном определении субъект пока еще становящаяся, потенциальная личность, которой еще предстоит стать членом семьи, членом общества, гражданином. Для того чтобы стать действительностью, потенциальная личность должна приобрести свое наличное бытие.

Первым шагом в этом направлении является приобретение наличного **бытия свободной волей**. Последняя характеризуется способностью к выбору цели деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления. Не всякое сознательное действие, даже связанное с преодолением препятствий на пути к цели, является волевым: главное в волевом акте заключается в осознании Ценностной характеристики цели действия.

«Воля, — писал Гегель, — есть особый способ мышления: мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие»². Приобретение волей наличного бытия осуществляется в результате **практической** деятельности.

Это влечение, долженствование воли есть не что иное, как актуальная потребность, которая должна быть удовлетворена.

По своей структуре волевое поведение распадается на принятие решения и **его** реализацию. Ставя перед собой какую-то

² Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С 69.

цель и определяя адекватные ей средства ее реализации, субъект что-то решает, рассматривая себя открытым и доступным для того или иного определения (открытым для выбора). Затем он принимает решение, закрывая названную выше открытость и вступая в отношение с определенной объективностью (выбор сделан).

Одним из распространенных возражений против определения собственности как отношения субъекта к объекту является утверждение, что человек не может вступать в отношение с неодушевленным предметом. Но ведь само определение предмета как неодушевленного есть определенное отношение к нему человека. Другим определением этого отношения предстает определение его не как отношения равноправных сторон, не как взаимоотношения, а как отношение **господства** одной стороны над другой, как **подчинение** объекта субъекту. Это специфическое отношение носит название «**владения**».

Лицо, потенциальная личность, вкладывая свою идею в вещь, делает ее своим наличным бытием. Эта операция становится возможной потому, что, во-первых, вещь не имеет **своей** воли, во-вторых, она еще не подчинена **другой** воле, т. е. является **ничьей** (*res nullius*). В результате этой операции изменение претерпевает не только потенциальная личность, становясь личностью наличной, но и вещь, объект. **Вещь очеловечивается, объект субъективируется.**

Вступление в физическое владение вещью осуществляется путем ее физического **захвата, формирования и обозначения**. Возможности первого способа овладения ограничены. Второй способ, связанный с изменением формы предмета присвоения (обработка земли, возделывание растений, создание устройств для использования стихийных сил природы), есть не что иное, как **труд**.

Овладение вещью посредством обозначения (столбик с указанием имени владельца участка) не связано с ее природой и потому произвольно.

Вступление во владение представляет собой **выход** воли из своего внутреннего жития и переход в вещь.

Пребывание же воли в вещи есть не что иное, как пользование ею. Пользование знаменует тождество субъекта (лица) и объекта (вещи) присвоения. Действительно, для того чтобы субъект и вещь стали тождественными, кто-то из них должен утратить свое качество, т.е. погибнуть. На эту гибель обречена вещь. Она **гибнет** не в силу своей природной сущности, а по причине того, что в от-

ношении присвоения она определена как **средство** удовлетворения потребности. Потребляя вещь, субъект уничтожает ее. Но есть вещи, которые физически потребить нельзя. Например, рационально используемая в сельском хозяйстве земля не только не утрачивает свое качество (плодородие), но и улучшает его. Каким же образом в данном случае через пользование достигается тождество субъекта и объекта? Оно осуществляется абстрагированием от качественных особенностей субъекта и объекта потребления и сведением их к всеобщности. Полное использование объекта означает его потребление не только как **конкретной единичности**, но и как **абстрактной всеобщности**. Этой абстрактной всеобщностью вещей как экономических благ выступает **ценность** (стоимость).

В отечественной экономической литературе допускается путаница в употреблении терминов «ценность» и «стоимость». Это связано с различиями в переводе на русский язык немецких слов *Wert*, *Costen* и *Wertgegenstän*. В одних случаях они переводятся как ценность, в других, как стоимость, в третьих — как затраты. В дальнейшем мы будем употреблять термины «ценность» и «стоимость» как синонимы.

С самого начала в разработке теории экономической ценности образовалось два направления — теория трудовой ценности (стоимости) и теория ценности как полезности (предельной полезности).

Представители теории трудовой ценности с различной степенью последовательности утверждали, что в основе ценности лежит абстрактно-всеобщий труд.

Представители противоположного направления считали, что в основе ценности лежит полезность, под которой понималась способность вещи или услуги удовлетворять потребности. Предпринимались и попытки интегрировать эти две теории ценности (Туган-Барановский, Л.Канторович, В.Новожилов).

Некоторые экономисты утверждают, что ценность (стоимость) не содержит в себе ни труда, ни полезности, ни вообще какой-либо определенности.

Так, Ю.М.Осипов пишет: «Стоимость — категория *трансцендентная*, имеющая свою тайну, не поддающуюся разгадке. Она сродни таким понятиям, как материя, дух, энергия. О стоимости можно много говорить, давать ей трактовки, определять, измерять, но до конца она всегда остается в чем-то существенно нераскрытой. Трансцендентность стоимости не позволяет подходить к ней с сугубо материалистическими ("вещными") мерками. У стоимости

нет никакой «вещной» субстанции. Поэтому нет никакого смысла говорить о том, что в стоимости что-либо воплощено. Стоимость лишена какой-либо входящей в нее плоти. Ни труд, ни полезность, ни энергия не могут быть «материалом» стоимости. Меры труда, полезности, энергии или чего-нибудь другого не являются мерами стоимости как таковой³.

На наш взгляд, понятие ценности необходимо выводить из понятия экономического блага как одной из сторон отношения собственности, являющей себя в обмене. Экономические блага определены качественно и количественно и удовлетворяют специфические потребности, т.е. обладают специфической полезностью. Но, если отвлечься от этой их специфической качественной определенности, остается определенность только количественная. Остается **полезность вообще**, вещь вообще или всеобщая вещь. Точно так же, если абстрагироваться от специфичности потребностей, которые удовлетворяют различные вещи, то остается потребность вообще или **всеобщая потребность**. Всеобщая вещь удовлетворяет всеобщую потребность. Во всех специфических экономических благах, обладающих специфической полезностью, обнаружилось нечто всеобщее, родовое. Его, на наш взгляд, и следует считать ценностью. Такое понимание ценности допускает ее конкретизацию в виде абстрактного труда или полезности. Действительно, разве абстрактный труд не есть всеобщность продуктов труда? Полезность же является всеобщностью не только продуктов труда, но и всех экономических благ. Наконец, всеобщностью человека, его родовым началом, его ценностью выступает мышление.

Свое родовое начало, свою всеобщность и свою количественную определенность экономическое благо как ценность обнаруживает в общении с себе подобными, в **обмене**. Здесь же ценность приобретает и свое самостоятельное наличное бытие, свою самостоятельную специфическую форму — **деньги**.

Потребление экономического блага как ценности предполагает его отчуждение. Оно состоит в том, что воля оставляет, отчуждает от себя внешний объект и возвращается к себе. Но возвращается она к себе не в качестве прежней, чисто субъективной воли, а воли опосредствованной объектом, неся в себе момент **объективности**. Такое понимание отчуждения защищает нас от крити-

³Экономическая теория на пороге XXI в. / Под ред. Ю. М. Осипова СПб 1996. С. 16-17.

ки в одностороннем, субъективно-идеалистическом понимании собственности как волевого отношения. Воля субъективна, поскольку она — воля субъекта, и она же объективна, поскольку субъект вообще отличает себя от себя, противопоставляет себя самому себе. Противоположностью же субъективной воли может быть только воля объективная. Истинная воля столь же субъективна, сколь и объективна. Она есть тождество, из которого вырастает первое, **всеобщее противоречие собственности**.

Мы согласны с утверждением В.С. Соловьева и Н. А. Бердяева о том, что «собственность по природе своей, есть начало духовное, а не материальное. Она предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде»⁴. Вместе с тем определение отношения сознания и материи только на уровне каузальной связи, на наш взгляд, недиалектично. Они моменты единого целого и существуют только в этом единстве. Идея собственности индивидуальной и в то же время общественной в неявной форме присутствовала и в экономической теории К. Маркса, что было отмечено Е. Дюрингом. Правда, Ф. Энгельс называл это утверждение Е. Дюринга «продуктом его свободного творчества и воображения»⁵. Тем не менее К.Маркс писал: «Собственность означает, собственно, первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как принадлежащим ему, как к своим собственным, как к предпосылкам, данным вместе с его собственным существованием, — отношение к ним как к природным предпосылкам его самого, образующим, так сказать, лишь его удлиненное тело. У человека, собственно говоря, нет отношения к своим условиям производства, а дело обстоит так, что он сам существует двояко и субъективно в качестве самого себя и объективно — в этих природных неорганических условиях своего существования»⁶. Таким образом, сам человек предстает как противоречивое волевое отношение собственности.

«Собственность, — писал Дж. С. Миль, — не подразумевает ничего, кроме права каждого человека, мужчины или женщины, на свои способности»⁷. Но человек — собственность особого рода. Он

⁴ *Бердяев Н. А.* Философия нравственности // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Под ред. К. Исупова, И. Савкина. СПб., 1993. С. 303-309.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 135.

⁶ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 186.

⁷ *Милье Дж. С.* Основы политической экономии. В 3 т. Т. 1. М., 1980. С. 366.

не может отчуждать себя как такового, как всеобщность. Мышление, свободная воля, нравственность, духовность составляют родовые признаки, субстанциональную сущность человека. Поэтому рабство, крепостничество противоестественно, бесчеловечно и, в конце концов, отвергается человеком. Воля может оставить и сделать чуждым себе только то, что действительно внешне для нее, то, чьей субстанциональной сущностью она не является. Человек может отчуждать такие атрибуты своей сущности, как способности, и даже отдельные части тела. Но неотчуждаемыми являются его разумность, воля, свобода, нравственные и религиозные убеждения. Он не может отчуждать **все** свои способности, **все** свои силы, все свое время или самую свою **жизнь**. Отсюда проистекают ограничения для авторского права, специфика интеллектуальной собственности и недопустимость для православия самоубийства. Человек может отчуждать себя только самому себе в самом себе. **Он собственно собственность** самого себя или собственность как таковая, абсолютная собственность. В вопрос «а ты **собственно** кто такой?» вкладывается именно такое содержание, такой смысл. Но ответ на вопрос, кто он собственно как таковой, необходимо предполагает выход человека за пределы самого себя, его внешнее самополагание. Поэтому, безусловно, правы Фихте, Шталь и Гегель, выводящие отношение собственности из личности и объявляющие собственность **наличным бытием личности**. Вез собственности нет личности, а без личности нет собственности.

Если доказано, что собственность есть наличное бытие личности, то степень развития личности, ее свободы, правовой, моральной, нравственный, духовный уровень определяют степени, полноту развития, зрелость отношений собственности. Идеальная собственность реализуется, становится действительной, объективной только в результате практической деятельности человека, важнейшая форма которой — труд. Поэтому прав и Локк, утверждая трудовое происхождение собственности. Более того, **труд** как опосредствованное присвоение сил и вещества природы сам есть **отношение собственности**. Отчуждение является последним, заключительным моментом формирования элементарного абстрактного отношения собственности. Оно содержит в себе в снятом виде определения собственности как владения и пользования. В то же время оно отрицает первое определение собственности **только** как присвоения. **Противоречие между присвоением и отчуждением** разрешается в **обмене**, который знаменует следующий этап в раз-

вители понятия собственности. Действительно, обмен есть присвоение через отчуждение и отчуждение через присвоение в одно и то же время в одном и том же отношении.

До сих пор в отношении присвоения и отчуждения вещь рассматривалась как ничейная. Однако таких вещей в развитом обществе практически нет. Объект отношения собственности всегда **ограничен**. Он ограничен двояко: во-первых, соотношением наличия вещи и потребности в ней (вещь, наличие которой превышает потребности в ней, является экономически неограниченной) и, во-вторых, соотношением воли индивида, воли других и всеобщей воли. Выходя вовне и стремясь сделать вещь своей, воля **одного** человека обнаруживает в вещи волю **другого** человека, другую волю, как свое инобытие.

Идеально это противостояние двух волей снимается соглашением, **договором или контрактом**, независимо от его формы (письменной или устной). Контракт устанавливает единство, **тождество различных волей**, сохраняющих свою самостоятельность и своеобразие. Каждый из договаривающихся **становится, остается собственником и утрачивает собственность** не только по **своей**, но и по **чужой** воле. Решение одного лица возникает лишь при наличии решения другого, и оба решают одно и то же. Слагается **тождество** двух собственности, тождественная воля двух собственников. Но так как стороны встречаются лишь поверхностно, своими **особенными** волями, они остаются разными, субстанциально обособленными. Единство **особенных** волей находит выражение в **общей** воле. Но для того, чтобы идеальный договор был реализован, он должен получить общественное, **всеобщее** признание. Общая воля должна быть опосредствована и снята волей **всеобщей**.

Если на первом этапе своего движения собственность определила себя как наличное бытие личности, представленное субъективированной вещью, то в развернутом понятии собственности лицо как личность соотносится не только с внешней ему вещью, самим собой как особенной вещью, но и с **другими личностями**. Наличным бытием личности является не просто вещь, в которую субъект вложил свою волю, как акциденция, как нечто случайное и несущественное для личности (волю можно вложить в данную вещь, а можно и в другую), а **другие личности**, их наличное бытие. В новом определении собственности наличное бытие субъективной свободной воли опосредствуется наличным бытием всех определе-

ний свободной воли, т. е. наличным **бытием свободной воли как всеобщей**. Тем самым наличное бытие отдельной личности утрачивает свою самостоятельность и субъективность и возвышается до момента объективной всеобщности. Собственность, которая рассматривалась ранее как отношение субъекта к объекту, становится **отношением между людьми, всеобщим общественным отношением**.

Вне общества нет личности, нет отношения собственности. (У Робинзона нет собственности.) Наличным бытием личности становится не просто вещь, в которую субъект вложил **свою** волю, а вещь как **наличное бытие всеобщей воли**.

2.2. Нравственно-правовые определенности собственности

Наличное бытие всеобщей воли, или все ее определения наличествуют только в единичной (или единичных), свободной воле. Если единичная воля становится моментом всеобщей, то всеобщая воля — моментом единичной. Они соотносятся друг с другом **как противоположности** и в этом противоположении получают определения **права и обязанности**. Субъективная воля как момент всеобщей воли получает определения **права** собственности, а объективная, ограничивающая это право всеобщая воля, — **обязанности**.

Таким образом, на определенном этапе своего саморазвития отношения собственности приобретают **правовую форму**. Поэтому легальная теория собственности Гоббса и Монтескье имеет под собой объективную основу. Но было бы грубой ошибкой объявлять правовые отношения собственности исходными, всеобщими.

В момент своего возникновения, т. е. как становящееся, право определяет себя как единичность всеобщей воли, а обязанность — как всеобщность единичной воли.

В юриспруденции под правом понимается совокупность правил поведения (норм), установленных государственной властью, а также санкционированных государством обычаев и правил общежития, осуществляемых в **принудительном** порядке с помощью государственного аппарата принуждения в целях охраны закрепления и развития отношений выгодных и угодных обществу. В отличие от других общественных отношений стороны правоотношения выступают как носители правомочий и юридических обязанностей. Правомочием, или субъективным правом, называется закрепленная в необходимых случаях государством возможность одного лица

(или нескольких лиц) осуществлять известное поведение или претендовать на известное поведение другого лица (других лиц).

Юридическая обязанность есть определенное поведение лица, соответствующее субъективному праву другого лица, других лиц, общества в целом. Собственность, принявшая правовую форму, находит выражение в следующих категориях: 1) правовой субъект; 2) правовой объект; 3) правовое содержание; 4) правовое отношение.

Правовым субъектом могут быть как отдельные личности, так и личности коллективные — физические и юридические лица. Различие правовых **субъектов** определяет различные виды собственности. Она может быть личной или общей. Личную собственность часто отождествляют с частной. Однако это разные понятия. Частной собственностью может быть не только собственность, принадлежащая одному физическому лицу, но и собственность, принадлежащая коллективам, следовательно, общая собственность.

Говоря о видах собственности **по объектам**, обычно называют движимость и недвижимость, собственность на труд и средства производства, на землю и на предметы потребления.

По содержанию тех действий, к которым управомочиваются собственники, собственность может быть или отношением абстрактным, или же отношением конкретным. Абстрактный взгляд на собственность представляет одинаковым всякое отношение собственности, независимо от того, каковы его субъекты и объекты. Собственность как конкретное отношение может приобретать различное содержание в зависимости от различных объектов. Наибольшей специфичностью по сравнению со всеми другими объектами собственности обладает земля. Она незаменима и невоспроизводимое вечное средство производства. Земельные пространства ограничены. Земля имеет определенное и постоянное местонахождение, обусловленное ее физической **неперемещаемостью**. Наконец, она есть необходимое условие жизнедеятельности и государственной жизни. Все это определяет особое отношение к земле как к объекту права. К земле более всего неприемлемы представления о неограниченной власти собственника и о полном невмешательстве в земельную политику государства.

В зависимости от **характера правоотношений** между собственниками и другими членами общества следует отличать безусловную (абсолютную) собственность от собственности ограниченной (относительной).

Выражая отличие между абсолютной и относительной собственностью в других понятиях, можно сказать, что первая представляет одностороннюю связь прав и обязанностей, вторая же — связь двустороннюю. В абсолютной собственности, с одной стороны, права собственника, с другой — обязанности других лиц. В относительной же собственности на собственнике помимо его права могут лежать и обязанности, а другие лица обременены не только обязанностями, но и наделены правами.

Юридическое понятие права формально почти совпадает с философским. Существенное же различие между ними заключается в том, что юридическое понятие права ограничено. Право ограничено обязанностью, а обязанность — правом. Они **не переходят своих границ**, не переходят друг в друга, а существуют **рядом друг с другом**.

Философское же противостояние права и обязанности есть диалектическое отношение. Право содержит в себе обязанность, **как** единичное содержит в себе всеобщее, а всеобщее реально **существует** только **как** единичное. Имея каждый в самом себе свою **противоположность**, **право и обязанность непрерывно переходят друг в друга**. В результате этого перехода отношение собственности получает новые определения — отношения **морали и нравственности**.

«Философский энциклопедический словарь» отождествляет понятие морали и нравственности: «Мораль (лат. *moralis* — **нравственный**, от *mos*. мн. ч. *moris*) — обычаи, нравы, поведение, **нравственность**, один из основных способов нормативной регуляции **действий** человека в обществе; особая форма общественного сознания и вид общественных отношений».⁸

С этим определением морали можно было согласиться, но с **одним** весьма существенным уточнением: подобно рабочей силе, **которая** есть труд «в себе», мораль есть неразвитая нравственности или нравственность «в себе», потенциальная нравственность. **Вместе** с тем мораль — это развитое право. Под моралью, или моральной свободой, следует понимать субъективную свободную волю, **психологическую** как всеобщность, но принадлежащую субъекту как **его** «в себе». Мораль не соотносится со всеобщностью как с внешним и реализуется **не в результате внешнего принуждения**, пред

---

⁸Философский энциклопедический словарь / Отв. ред. Л. Ф. Ильичев. М., 1983. С. 38.

писаний внешнего авторитета, как это имеет место в правовом отношении, а как самополагание, как **внутренняя** необходимость, внутренняя обязанность.

Понятие морали содержит в себе следующие основные определенности:

а) всеобщая воля, осознанная лицом и ставшая его внутренним, независимым, самостоятельным содержанием.

«Я не могу украсть или убить не потому, что боюсь внешнего принуждения, наказания, а потому, что не могу переступить через самого себя, через свое сознание, **свою** волю»;

б) воля, сознание, сообщающее себе способность к деятельности;

в) воля в новом качестве, полагающая себе **новое наличное** бытие.

Соотношение морали и права **противоречиво**. Если, например, Деточкин — герой известного кинофильма — крал несправедно нажитое для того, чтобы продать его, а вырученные от продажи деньги перечислял в детские дома, то его поступок морален, но вместе с тем неправомерен.

Мораль не только как субъективная воля «в себе», в потенции, но и как **для себя** всеобщая воля, имеющая **непосредственную** общую и **всеобщую действительность**, становится нравственностью, или нравственной жизнью. Законом нравственности Кант считал свой категорический императив в двух его формулировках: «... поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»⁹; поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹⁰.

Собственность как нравственное отношение проявляет себя в **семье, гражданском обществе, государстве, религиозной общине**.

Собственность в семейных отношениях приобретает новые определенности. Стороны отношения собственности здесь уже не личность (единичность) и вещь, а общность людей (особенность) и имущество. В нашей обыденной речи и даже в специальной литературе понятия собственности и имущества часто отождествляются. Между тем это разные понятия. Если для понятия собственно-

⁹ Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 270.

сти как таковой определяющим является момент единичности, тот для имущества — момент общего.

«Содержащийся в абстрактной собственности произвольный момент особенной потребности *единичного* и эгоизм вождения превращают ее здесь в заботу об *общем* и в добывании средств для него, в нечто нравственное»¹¹.

Таким образом, в семье отношение собственности существует как общее (коллективное).

Как **всеобщее** (общественное) оно обнаруживает себя в отношениях **гражданского общества**.

В гражданском обществе как всеобщности, различающей в себе] множество единичностей и особенностей, каждый для себя — цель,] все остальные для него — средство. Без соотношения с другими,] субъект не может достигнуть своих целей во всем их объеме. Эти; другие — суть, поэтому средства для достижения цели единичного] и особенного.

Жизнь гражданского общества представлена прежде всего **системой потребностей**. Развиваясь эта система индивидуализируется, превращая человека в совокупность потребностей.

Вместе с тем удовлетворение человеком **своих** потребностей] предполагает удовлетворение им потребностей **всех** других. Стремление удовлетворять эти взаимозависимые потребности проявляется в труде.

Жизнь гражданского общества как **системы труда** находит выражение в формировании не только материала для удовлетворения потребностей, но и человеческих знаний, умений, способностей. Развиваются специализация и разделение труда, завершающие взаимную зависимость, взаимопонимание и заинтересованность **каждого** в труде и имуществе **всех** остальных.

Жизнь гражданского общества **как системы имущественных состояний** приводит к созданию **всеобщего имущества**.

В силу взаимозависимости удовлетворения потребностей и труда субъективный эгоизм превращается в содействие удовлетворению потребностей всех других, в опосредствование в качестве диалектического движения особенного всеобщим так, что когда **каждый** для себя производит, приобретает он именно этим приобретает и производит для потребления других. «Эта необходимость, которая заключается во всестороннем переплетении зависимости **всех**

¹¹Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 217–218.

друг от друга, есть для *каждого всеобщее пребывающее имущество*, содержащее для него возможность с помощью своей образованности и умения получить часть этого имущества, чтобы таким образом обеспечить себе средства к существованию, а то, что добыто его трудом, в свою очередь сохраняет и приумножает всеобщее имущество» . Гражданское общество, рассматриваемое только как состояние правовое, согласно Канту, основывается на следующих принципах:

1. **Свободе** каждого члена общества как **человека**.

2. **Равенстве** его с каждым другим как **подданного**.

3. **Самостоятельности** каждого члена общества как **гражданина**.

Итак, в гражданском обществе особенные и общие отношения собственности становятся всеобщими. Однако это — еще формальная **всеобщность**, упорядоченная множественность как механизм, где части, образующие целое, соотносятся друг с другом лишь внешним образом.

В гражданском обществе моменты собственности самостоятельны, поскольку им сообщается собственное наличное бытие (личность, семья, гражданин, сословие, социальная группа, класс). Но самостоятельность особенного и общего в гражданском отношении собственности иллюзорна, поскольку у них одна сущность, они существуют лишь посредством друг друга и переходят друг в друга. «... Общество и индивид, — подчеркивает В. Я. Ельмеев, — не есть противоположные сущности. Если одна из них, скажем общество, преподносится как некая особая над индивидами (надиндивидуальная, деперсонифицированная сущность), то она теряет свою действенность (необходимость), свою истинность, свое оправдание. И, наоборот, если другая сущность — индивид — лишается свойства быть носителем общего, субъектом общества, не доводится до уровня всеобщности, то и он не будет действительной, истинной личностью. Общество и индивид по необходимости образуют две различные противоречивые стороны одной и той же сущности. Сущность У общества и индивида одна, она и составляет основание для их Различия и для их единства — будет единством различия и единства и одновременно различием единства и различия»¹³. **Органическое единство** индивидуума и общества, или личности и об-

¹² Там же. С. 24.

Ельмеев В. Я. Социологический метод: теория, онтология, логика. СПб., 1995. С. 111.

щества, как наличного бытия собственности обнаруживает себя в государственном устройстве. Истинное государство есть органическое единство социально-всеобщего и индивидуально-единичного. Всеобщее здесь существенно не чем-то внешним, а внутренней имманентной целью, деятельностью самих индивидов. Основными признаками государства, как известно, являются: 1) наличие особой системы органов и учреждений, осуществляющих функции государственной власти; 2) наличие права, закрепляющего определенную систему норм, санкционированных государственной властью; 3) наличие определенной территории, на которую распространяется юрисдикция данного государства.

Но первое условие наличности государства, его непосредственное бытие представлено множеством индивидов. Люди, входящие в это множество, ведут конкретно-эмпирическое существование. Они подвержены законам пространственного разъединения, временной изменчивости и внешней природной необходимости, они живут земной жизнью, субъективными интересами, среди разрозненных конечных и дискретных материальных вещей. Все вместе они образуют как бы тело народа. Дух народа — его всеобщность. Эту всеобщность народа можно назвать его ценностью, морально-политическим единством, или национальной идеей. В тождестве всеобщего (государства), особенного (его институтов) и единичного (индивидов) состоит сама сущность государства. Именно благодаря этому тождеству истинное государство есть духовно-нравственный организм. Зрелость народного духа измеряется совершенством его государственного устройства, а государственное устройство определяется свойствами народного духа. В несовершенном государстве каждый индивидуум кичится своей особенностью и всякое вмешательство государства в его жизнь рассматривается как ограничение его индивидуальной свободы, его собственности.

В истинном государстве, т. е. государстве как духовно-нравственном организме, гражданин не отличает себя от своего государства и не противопоставляет себя ему. Он принимает свои обязанности добровольно и, повинаясь государству и закону, не только не утрачивает своей свободы, а расширяет и укрепляет ее.

«Все цели общества и государства суть в то же время цели частных лиц; но тот путь опосредствования, через которое их обязанности как результат осуществления их прав и пользования этими правами снова к ним возвращаются, создает видимость отличия, что выражается также и в том способе, каким известная стоимости

при обмене получает многообразные формы, хотя в себе она остается все той же»¹⁴.

Следовательно, здесь опосредствование аналогично развитию форм стоимости от единичной и случайной до всеобщей и денежной. Государство и есть эта «денежная», всеобщая форма личности и гражданина.

В этом плане «естественное право» как нечто существующее в природе непосредственно, как некоторое естественное состояние не является правом, а есть насилие. Оно ограничивается и отрицается развитием общества и государства как всеобщностью. И это есть не ограничение собственности, свободы личности, а ее развитие до своего понятия, до своей конкретной всеобщности.

Разумеется, гегелевское учение о свободе личности, собственности как наличном бытии личности и государстве как органической всеобщности личности не бесспорно и не единственно. Оно близко учению Канта о государстве как вершине нравственного и культурного развития.

Это учение пережило кризис в конце XIX в. в связи с кризисом идеей правового государства, обеспечивающего естественную гармонию общественных отношений — равенство, свободу, братство.

Правовое государство перестало быть идеалом и венцом развития человечества, а учение о нем переросло в учение о **социальном** государстве. В истинном социальном организме отношение «как к себе» характеризует отношение людей не только к государству, но и друг к другу. Здесь человек человеку не инобытие, не ограничение его свободной воли, не непокорный объект, а со-субъект. Каждый видит в другом самого себя и относится к другому как непосредственно к самому себе. «Возлюби ближнего как самого себя», — гласит одна из важнейших христианских заповедей. Не подобно самому себе, а как самого себя, потому что ближний и есть ты сам. Каждый присутствует во всех и все в каждом. Люди сращены друг с другом как органы единого, реального социального организма. Это сращение людей друг с другом **реально, существует на самом деле вопреки** внешней эмпирической видимости, настойчиво свидетельствующей о том, что они **по существу** разъединены. В этом состоит, говоря словами Гегеля, «**невероятное противоречие**» социального бытия¹⁵.

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Соч. В 14 т. Т. 4. М., 1956. С. 295.

¹⁵ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 104.

Поскольку наличное бытие каждого есть наличное бытие всех, а наличное бытие всех является наличным бытием каждого, **индивидуальная собственность есть собственность всех, а собственность всех индивидуальна.**

Более того, согласно христианскому учению, уверовавшие во Христа как Единого Господина, не только поднимаются к нему и достигают его, но находятся в нем. Это значит, что индивидуальная жизнь одного христианина связывается с индивидуальной жизнью другого только через Христа и во Христе. Люди таким образом помимо каких бы то ни было внешних сношений имеют новый вид общения, **принципиально** отличный от всех других видов.

Этот вид общения — совершенный и потенциально полный. Он совершенный потому, что люди обращены друг к другу своими лучшими, очищенными Христом сторонами. Он полный, поскольку включает в себя **все** лучшее и чистое, что есть в человеке. Когда устанавливается такое общение, тогда верующие реально объединяются в живое тело, имеющее «одну душу и одно сердце» и из просто верующих превращаются в одну общину, живущую своей особой коллективной жизнью.

Новому виду общения соответствует **новая по содержанию общинная собственность**. Поскольку это собственность одного единственного господина, она **отрицает себя** как таковую.

Собственность этого господина не имеет своего наличного бытия и не может быть наличным бытием других.

Таким образом, всеобщее противоречие собственности, которое первоначально обнаруживает себя в двойственной, противоречивой природе личности, развивается в систему противоречий отношений семейных, личности и общества, классов, гражданина и государства, межнациональных и международных, религиозной общины и бога.

Разрешение и дальнейшее развитие этого противоречия определяет все противоречия развития общества в целом.

2.3. Экономическое содержание собственности

Мы солидарны с теми обществоведами, которые считают, что экономическим содержанием собственности выступает вся система **экономических** отношений. Представить эту систему во всей полноте в пределах данного исследования невозможно. Вместе с тем ее можно представить в виде крупных блоков, т. е. в виде системы

подсистем. Такими подсистемами являются труд и производство, производительные и потребительные силы, технологические, производственные, экономические и хозяйственные отношения.

Что же представляет собой труд как отношение собственности?

Если мышление есть идеальное опосредствование и присвоение человеком окружающей его действительности и самого себя, то труд — **реальное**. Из многообразия присвоенных им, находящихся в нем, в его сознании идеальных образов человек выбирает те, которые он хочет сделать реальными и подчиняет этой **цели** свою волю, свою **практическую деятельность**. Результат этой деятельности — опосредствованный материал природы, в который вложена воля человека — продукт **его** труда. Он относится к этому продукту как к своему, как к собственному, **овладевая** им, **потребляя** и отчуждая его. Таким образом, труд как целенаправленная практическая деятельность по присвоению человеком сил и вещества природы есть **первое, исходное отношение реальной собственности**, лежащее в основе всей системы экономических отношений. В отличие от животных человек присваивает силы и вещества природы не непосредственно, а опосредствованно, через воздействие на них средствами и орудиями труда. Поэтому **изготовление и присвоение** орудий труда является главным в трудовом отношении как первом действительном отношении собственности.

Поскольку цель трудовой деятельности находится в **самом человеке**, в субъекте, постольку реализация этой цели в объекте выступает как опредмечивание человека или объективизация субъекта. Вместе с тем предмет труда в процессе трудовой деятельности распредмечивается, теряет свою объективность, субъективизируется. Субъективное и объективное — это две разные стороны непосредственного труда, или **различие** в нем. Это различие в труде с неумолимой логикой переходит в **противоположность** труда конкретного и абстрактного. Действительно, труд индивидуума осуществляется во имя удовлетворения, прежде всего потребностей. С развитием человека его потребности растут и разнообразятся. Спецификация и дифференциация потребностей ведут к специализации и дифференциации труда, к его разделению. Последнее упрощает труд отдельного человека. Упрощение же труда есть процесс абстрагирования от его конкретных определенностей, процесс превращения сложного труда в простой и, в конечном счете, конкретного труда в абстрактный, в труд вообще. Отношение конкретного и абстрактного труда есть отношение в труде единичного и всеобщего

го. Единичность присутствует во всеобщем, а всеобщее в единичном как его родовой, сущностный признак.

Следует решительно опровергнуть широко распространенное, утверждение, что двойственный характер труда был открыт К. Марксом. Это было известно задолго до него. В двойственности труда как таковой нет ничего специфического. Все сущее на земле есть единство единичного и всеобщего. Но эта противоположность единичного и всеобщего становится специфической, когда явление, в котором она присутствует, специфицирует, конкретизирует себя, т. е. заявляет о себе как о действительном, реальном. В действительности, т. е. в являющей себя сущности труда, его различие и противоположности выступают как **противоречие** труда частного и общественного. Взятые как самостоятельные частный и общественный труд суть абстракции. Реально, они существуют лишь как моменты одного действительного труда. Поэтому собственность как трудовое отношение с самого начала есть единство собственности частной и **общественной**. Частная и общественная собственность как самостоятельные в «чистом» виде в действительности не существуют. Как единство противоположностей, как моменты единого отношения они определяют ставшее основным экономическое противоречие **собственности**.

В трудовом отношении собственности человек вступает в отношение не только с противостоящей ему природой, но и с самим собой. Делая находящийся в нем идеальный образ реальным, он как бы извлекает его из себя и отчуждает. Это первое отчуждение человека в процессе труда, которое преодолевается первым **законом** собственности — правом собственности на продукт своего труда, или правом собственности на свой труд в полном **объеме**. Присвоив и потребив в полном объеме продукт своего труда, распредметив его, человек снова сделал его собою, тождественным себе. Но ликвидировать это первое отчуждение своего труда субъект может только в том случае, когда все члены общества признают в нем собственника и тем самым откажутся от своих притязания как собственников на продукт чужого труда. Таким образом, в труде как отношении собственности человек вступает в отношение не только с природой, не только с самим собой, но и с другими людьми и обществом в целом. Первый закон собственности является **законом-тождеством**.

Вступая в общение с другими собственниками, человек может

обмениваться с ними своим трудом и его продуктом как в полном объеме, так и частично. В первом случае он отчуждает продукт своего труда посредством присвоения продукта чужого труда. Это **второе опосредствованное отчуждение** обусловлено **вторым законом собственности** — правом собственности на продукт чужого труда через отчуждение продукта своего труда. Второй закон собственности определяет себя как закон-противоположность.

Наконец, лишаясь возможности реализовать свою способность к труду посредством своих средств производства, человек отчуждается от процесса своего труда и его продукта. Это **третье отчуждение** как внутреннее содержание **третьего закона собственности** — права собственности на продукт чужого труда, отрицающего право собственности на продукт своего труда. Третий закон собственности есть закон-противоречие.

Первый закон утверждает тождество своего труда и собственности; во втором законе труд выступает как отрицаемая собственность, или собственность, как отрицание чуждости чужого труда; третий закон есть утверждение собственности как отрицание отрицания чуждости чужого труда. Труд создает чужую собственность, а собственность распоряжается чужим трудом.

Это противоречие трудового отношения собственности нашло отражение уже в нормах римского права. Одна из этих норм гласит: «Если собственник первоначальной вещи сам изготовил новую вещь, то, конечно, права собственности на эту новую вещь принадлежат ему же. То же самое следует допустить в том случае, если спецификант действовал по поручению собственника перерабатываемой вещи»¹⁶. На второй части этой аксиомы базируется вся экономическая система, называемая капитализмом. Предприниматель — собственник орудий труда и обрабатываемого материала. Он «поручает» рабочим перерабатывать этот материал. Рабочий простой спецификант, поэтому собственность на продукт труда принадлежит не ему, а предпринимателю.

Известно, что труд как таковой не является экономической категорией и трудовое отношение само по себе не есть экономическое отношение собственности. Оно становится таковым, когда одна из сторон этого отношения — вещь (продукт) приобретает определенность **товара**, а другая сторона — субъект — определенность **продавца и покупателя**. Завершается формирование трудового, эконо-

¹⁶Гриман В. Д. Лекции по догме римского права. Киев, 1919. С. 126.

номического отношения собственности тогда, когда объектом купли-продажи, товаром становится сам труд.

Что же представляет собой труд как объект купли-продажи, как товар?

Как любой другой товар он обладает меновой и потребительной ценностью (стоимостью).

Азбучной истиной советских учебников политической экономии считалось положение о том, что источником потребительной стоимости является конкретный труд, а источником стоимости — труд абстрактный. При этом «забывалось», что конкретного и абстрактного труда в «чистом» виде в действительности не существует, что абстрактный труд есть в то же время труд конкретный, а в конкретном труде в качестве его момента всегда присутствует абстрактный труд. Действительный полезный труд — средство создания ценности в том смысле, что, формируя экономическое благо, он сообщает ему способность быть полезным и ценным. Он — средство создания ценности, а не ее источник. Ценность труда как фактора производства предстает производной, вмененной. Она определяется ценностью тех продуктов непосредственного потребления, которые создаются трудом.

Будучи полезным и относительно ограниченным, труд становится экономическим благом.

Ценность роднит его со всеми другими экономическими благами. Он обладает, таким образом, родовой ценностью.

Конкретные формы полезного труда снимаются в понятия «труд вообще». Всеобщность труда сообщает ему видовую ценность.

Наконец, труд, создавая конкретный продукт, приобретает единичную ценность.

Такое понимание родовой, видовой и единичной ценности труда снимает кажущееся формально-логическое противоречие. Действительно, вначале мы утверждали, что субстанцией абстрактной собственности является ценность. Понятие «абстрактной собственности» конкретизируется в понятии собственности как «экономического отношения». Если это так, то субстанцией собственности как экономической категории должен быть не труд, а модифицированная, конкретизированная ценность. Однако никакого противоречия здесь нет, если иметь в виду, что не труд представляет собой субстанцию ценности, а ценность есть субстанция труда как экономического блага. Понятие ценности шире понятия абстрактного

всеобщего труда. Ценностная ориентация предшествует волеизъявлению и труду. Поэтому труд как процесс есть реализация этой ценностной ориентации.

Ценность вообще становится экономической категорией тогда, когда она обнаруживает себя не просто в благе, а в благе экономическом, в товаре.

Движение ценности как сущности экономической собственности определяется ее законами. Поскольку ценность есть всеобщность полезности и потребностей, постольку ее законы производны от законов полезности и потребностей.

В качестве **основного закона движения полезности** следует назвать первый закон Госсена, известный как закон убывающей полезности. Согласно ему, полезность экономических благ, потребляемых в одном непрерывном акте потребления, непрерывно убывает. Предельным пунктом этого убывания выступает достижение полного насыщения, удовлетворения потребности. При повторных актах потребления убывает полезность первых единиц, по мере увеличения этих актов.

Второй закон полезности определяет рациональное (оптимальное) поведение потребителя. Если у потребителя при данных условиях (ограничениях) есть возможность потребить определенное количество различных благ, то он может выбрать их различные комбинации. Из всех комбинаций одна должна быть наиболее выгодной. Максимум полезности достигается тогда, когда последние частицы всех потребляемых благ представляют равные полезности.

Наконец, третий закон полезности утверждает, что полезность данного запаса благ определяется не совокупной полезностью всех его частиц, а полезностью последней частицы, удовлетворяющей наименьшую потребность (предельная полезность). Этот развитый закон полезности становится **первым законом ценности**, который можно сформулировать так: **ценность экономического блага определяется его предельной полезностью.**

Противоречие этого закона проявляется в том, что с увеличением запаса экономических благ ценность единицы блага уменьшается.

Движение потребностей определяется законом их возвышения.

Закон трудовой стоимости был сформулирован Бенджаминем Франклином в 1729 г. Он в своем движении также проходит три стадии.

Вначале он определяет себя как простое тождество, согласно которому стоимость товара определяется овеществленным в нем общественно необходимым абстрактным трудом. Затем утверждается, что стоимость отдельного товара является производной от совокупного рабочего времени, которое общество считает необходимым затратить на производство товарной массы данного рода. Эта масса должна соответствовать общественной потребности в товарах данного рода, их совокупной общественной потребительной стоимости.

Далее выясняется, что в соответствии со своим третьим законом стоимость определяется не трудом или общественно необходимым временем, в течение которого был произведен **данный** товар или совокупность товаров, а трудом или рабочим временем, необходимым для производства товара данного **рода**. Этот закон отрицает два первых и содержит их в себе в снятом виде.

В законе стоимости законы потребительной и меновой стоимости сняты, они не самостоятельны, они лишь моменты. Однако должен осуществиться длинный ряд сложных модификаций, прежде чем стоимость и ее закон станут **действительным** законом.

В итоге на поверхности экономических явлений в действительной хозяйственной жизни трудовая стоимость и ее денежное выражение — цена предстают как сумма доходов собственников различных **факторов производства**.

Теория факторов производства, конечно, противоречит теории трудовой стоимости, но это **действительное противоречие**, выражающее противоречивый характер движения стоимости и ее законов. Экономист, выдающий абстрактное экономическое движение и всеобщие абстрактные экономические законы за действительные, не в меньшей степени носитель вульгарных взглядов, чем экономист, считающий поверхностные непосредственные явления и законы сущностными.

Вульгаризация советскими экономистами марксистской экономической теории, попытки выдать абстрактный закон стоимости за действительный и на его основе проводить экономическую политику и, в частности, политику ценообразования, привели к серьезнейшим осложнениям экономической жизни страны.

Полное определение труда включает: а) будущий труд как способность к труду (рабочая сила); б) реализующую себя способность к труду или живой труд; в) прошлый или овеществленный труд.

Простыми моментами труда как целесообразной деятельности

выступают: а) цель; б) средства осуществления цели (предмет и средства труда); в) реализованная цель (продукт труда).

Очевидно, что труд может быть продан в **полном объеме** только тогда, когда продавец этого товара является его полным, абсолютным собственником, т. е. он владеет, пользуется и распоряжается этим товаром с момента его становления и до угасания в предмете. Для этого организм собственника должен обладать определенной способностью или силой. Сам он должен располагать собственными объективными условиями реализации этой способности, т. е. предметом и средствами труда. При наличии этих условий продается результат, продукт труда, вобравший все его движение, от начала и до конца. Такая ситуация описывается А. Смитом и У. Джевонсоном. Она относится к неразвитому состоянию общества, предшествовавшему захвату земель и накоплению капитала. Поскольку здесь работник — полный собственник своего труда, «естественное вознаграждение за труд, его заработную плату составляет продукт его труда». А. Смит считал, что ценность труда определяется работником и есть величина постоянная.

Аналогичный случай реализации труда в условиях натурального хозяйства рассматривал У. Джевонс. Наряду с понятием «полезности» (*utility*), Джевонс вводит понятие «нулевой полезности» (*nonutility*) и отрицательной полезности (*disutility*), под которой он понимал труд. Результатом труда может быть «благо» (*commodity*) или *discommodity* (помои, пепел), т. е. то, что мы называем сегодня отрицательным внешним эффектом производства. Сам трудовой процесс У. Джевонс рассматривал как частный случай непосредственного обмена, в котором каждая из сторон (ими может быть и одно лицо) за отрицательную полезность приобретает полезность положительную.

Гипотетические умозаключения А. Смита и У. Джевонса следует рассматривать как иллюстрацию абстрактных возможностей количественного определения полного труда и его ценности. Для них не существовало вопроса о том, имеет ли сам труд стоимость или нет. Это было даннм, очевидным. Задача состояла в том, чтобы измерить и выразить эту ценность количественно. В случае соединения в одном лице собственника рабочей силы и объективных условий ее реализации эта задача решалась сравнительно просто, Да и само это решение не было актуальным.

Ситуация радикально меняется, когда непосредственный производитель экономических благ лишается возможности реализовать

свой труд в полном объеме как свою собственность. На рынке качестве товара он может предложить только свой потенциальный труд как свою рабочую силу.

Признавая рабочую силу в качестве товара, представители марксистской теории трудовой стоимости должны были признать, что этот товар, как и любой другой, имеет стоимость и потребительную стоимость. Согласно этой теории, источником и субстанцией стоимости является абстрактный труд, который сам стоимостью не обладает. Здесь мы сталкиваемся с серьезными формально-логическими противоречиями марксистской теории стоимости. Признавая стоимость потенциального труда, она в то же время отрицает стоимость того же труда как реализацию потенции, калитруда живого, действительного. Теория утверждает, что стоимость любого товара создается только живым трудом и в то же время утверждает, что стоимость товара рабочая сила конституируется стоимостью средств существования рабочего и его семьи, т. е. создается прошлым трудом. Действительно, потребление средств существования рабочим и членами его семьи в процессе воспроизводства рабочей силы означает не создание ее стоимости, а перенос на нее стоимости средств ее воспроизводства. Теория не отвечает на вопрос, почему стоимость реализованной рабочей силы может быть больше стоимости, которая содержится в ней до ее реализации. Не объясняет она и продажу товара рабочая сила в отличии от продажи всех других промышленных товаров по стоимости, а не по цене производства.

С трансформацией труда в производство изменяется трудовое содержание собственности и соответственно ее экономическая форма.

К сожалению, в отечественной экономической литературе понятия труда и производства, как правило, отождествляются. Конечно, граница между ними подвижна и весьма условна. Вместе с тем это разные понятия. Если анализ труда дает возможность ответить на вопрос, кто трудится, то анализ производства предполагает прежде всего поиск ответа на вопрос, что производится. Понятие производства выводится из понятия труда, является продолжением его определения, его конкретизацией.

Труд есть производство продукта. Производство можно определить как труд, рассматриваемый с точки зрения его результата — продукта. Продукт труда потребляется, в том числе производительно, а производительное потребление продукта и есть собственно

производство. Таким образом, результат производства становится его началом, производство становится непрерывно возобновляем, т.е. воспроизводством. Простыми моментами воспроизводства выступают, как известно, производство, распределение, обмен и потребление. Поэтому собственность не просто как трудовое отношение, а как отношение воспроизводства проявляет себя во всех этих моментах.

Обнаруживающее себя на рынке отношение между работодателем и наемным рабочим как отношение собственности происходит в сфере обращения. Однако специфика объекта купли-продажи на рынке труда такова, что его действительный переход из рук продавца в руки покупателя осуществляется за пределами сферы обращения в сфере **производства**. Действительная потребительная стоимость любого товара проявляется в его потреблении, а потребление товара–рабочая сила есть производство. Продавший свой товар, как правило, теряет интерес к его дальнейшей судьбе, ему безразлично, каким образом будет потребляться его товар.

Иначе обстоит дело с объектом собственности на рынке труда. Покинув после совершения сделки купли-продажи товара — рабочая сила сферу обращения, наемный рабочий вступает в новое отношение со своим работодателем. Часто можно встретиться с утверждением, что при продаже рабочей силы в отличие от продажи всех других товаров наемный рабочий не утрачивает права собственности на нее. С этим утверждением согласиться нельзя. Дело в том, что в сделке с работодателем наемный рабочий не просто отчуждает определенное количество своей рабочей силы, а на время и на определенных условиях отдает **все** свои способности к труду и самого себя как материального носителя этих способностей. От отчуждения раба и крепостного крестьянина это отчуждение отличается лишь степенью ограничения свободы работника (физической, экономической и т. д.) и правовым оформлением этого ограничения. Работодатель **приобретает все** способности работника к труду, но **потребляет** и соответственно **оплачивает** лишь **часть** Их, определенную контрактом. Рабочий, таким образом, сохраняет собственность на **используемую** в производстве рабочую силу и **утрачивает** право собственности на **потребляемую** рабочую силу.

Для того чтобы производить, надо обладать способностью и возможностью делать это. Потенциальное производство по аналогии с потенциальным трудом (рабочая сила) следует назвать **производительной силой**. Мы, конечно, отвергаем вульгарное опреде-

ление производительной силы как «системы субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих "обмен веществ" между обществом и природой в процессе общественного производства»¹⁷.

Неудовлетворительность этого определения обнаруживает себя прежде всего в том, что здесь не определено само понятие «сила». Под силой как философской и экономической категорией следует понимать существенное динамическое **отношение**, потенциальную энергию, потенциальную деятельность. Динамизм силы обнаруживает себя в отношении действия и противодействия. Переход из состояния покоя в движение или деятельность требует в динамическом отношении толчка извне, который может быть произведен лишь другой силой. Сила, таким образом, предполагает другие силы. Создается видимость, что одна сила дает толчок, она активна, другая — воспринимает движение, она пассивна. Однако это далеко не так. Сила возбуждается потому, что в **ней** сидит возбудитель и ее возбуждение есть поэтому возбуждение самой себя. Например, машина как таковая еще не производительная сила. Она **должна** действовать. Ее действие предполагает другую производительную силу — человека. Но человек как производительная сила побуждает машину к действию потому, что производительная сила машины есть **его** (созданная человеком) и в отношении к нему производительная сила. Производительная сила в образе человека возбуждает и проявляет самую себя в образе машины.

Производительной силе как деятельному началу **противостоит** объект, на который она направлена — сила противодействия. Вступая в противоборство с противостоящей ей силой объекта производительная сила подчиняет ее себе и делает ее своей, собой.

Процесс производства, таким образом, есть не просто расходование или потребление *рабочей силы*, а процесс *реализации производительной силы*, в котором рабочая сила есть лишь момент, одна из сторон сложного противоречивого отношения собственности. Собственнику органической производительной силы **противостоит** собственник неорганической производительной силы (средств производства) в лице предпринимателя. Стороны этого отношения заинтересованы друг в друге, ищут друг друга, ибо каждый из **них** является условием реализации своей производительной силы. Спо-

¹⁷Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Под ред. А.М.Румянцева. В 4 т. Т.3. М., 1979. С. 357-358.

соб соединения непосредственного производителя с условиями реализации его как производительной силы наполняет понятие собственности **новым** содержанием.

Поскольку производство есть в то же время потребление, и наоборот, потенциальное производство как производительная сила и потенциальное потребление как потребительная сила образуют противоречивое единство, которое называется **технологическим отношением**.

В качестве одного из основных направлений зарубежной социально-экономической мысли технологические теории оформились в 20-х годах XX в. К сожалению, они получили одностороннюю негативную оценку в официальной экономической науке советского периода. Технологические отношения объявлялись неэкономическими отношениями, а следовательно, не отношениями собственности. Они, конечно, не являются таковыми, если их рассматривать как самостоятельные, изолированные и застывшие комбинации факторов производства. Но если иметь в виду их происхождение, движение и развитие, то нельзя не признать, что они выступают одной из ступеней развития отношений собственности. Действительно, технологические отношения представляют собой диалектическое единство производительной и потребительной силы. Производительная и потребительная силы являются не чем иным, как определенной стадией движения производства. Производство, в свою очередь, есть лишь иное определение труда. Труд же, как это было показано выше, предстает первым элементарным отношением собственности. Однако нельзя абсолютизировать технологические отношения, выдавать их за зрелые, завершенные отношения собственности, непосредственно определяющие экономическую систему. Они делают это через длинный ряд *опосредствований*.

В настоящее время категории «технологические отношения», «технологические уклады», «технологический способ производства» широко используются отечественными экономистами для характеристики уровня развития экономической системы и соответственно степени зрелости, развитости отношений собственности.

Основным противоречием технологического способа производства, или, что то же самое, технологических отношений собственности является противоречие между производительной и потребительной силой. Здесь производительная и потребительная сила — не только **разные**, не только **противопологаются** друг другу внешним образом, но каждая из них есть **противоположность**

самой себе — производительная сила есть в то же время и в том же отношении сила потребительная, а потребительная сила в то же время и в том же отношении является силой производительной.

Это противоречие разрешается, т. е. реализуется в действительном производстве. В производстве, как известно, люди вступают в отношение не только с природой, с вещами, но и друг с другом. Те отношения, в которые люди вступают в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ, получили название **производственных отношений**. Последние, таким образом, предстают очередной (вслед за технологическими) ступенью развития трудовых отношений собственности.

Технологические отношения как таковые, как самостоятельные — абстракция. Реально они существуют только как производственные отношения.

Наше понимание производственных отношений как отношений собственности отличается от общепринятого. Во-первых, мы представляем производственные отношения не как нечто, соотносящееся **непосредственно** с производительными силами, а как категорию, парную технологическим отношениям. Во-вторых, мы считаем, что категории технологических и производственных отношений являются не рядоположенными, а субординированными. В-третьих, мы рассматриваем их отношение не как отношение только содержания и только формы, а **как тождество** противоположностей.

Идея о том, что производительные силы не соотносятся с производственными отношениями, непосредственно не нова. В 60-е годы XX в. в советской экономической науке сформировалась концепция, согласно которой непосредственно соотносятся друг с другом не производительные силы и производственные отношения, а лишь их «промежуточные» или «приграничные» слои, выполняющие роль механизма передачи движения от производительных сил к производственным отношениям.

Если со стороны производительных сил таким приграничным слоем объявляются **организационно-технические** отношения, то со стороны производственных отношений — организационно-экономические. Под последними понимаются те отношения, которые складываются между людьми по поводу их участия в общественном труде и его организации. Трудно понять, чем отличается это определение от определения производственных отношений. Разве что словом «по поводу»? Но дело не только в дефинициях. Такое пред-

ставление о взаимодействии производительных сил и производственных отношений является чисто механистическим.

Неправомерна сама постановка вопроса о том, что какой-то слой производственных отношений находится ближе к производительным силам, а какой-то — отстоит от них дальше. Ведь система производственных отношений есть в то же время система производительных сил, и наоборот. На каждом витке движения этой системы определенные производственные отношения находятся в диалектическом единстве как единстве противоположностей с определенными производительными силами. Первичным производительным силам противостоят первичные производственные отношения, вторичным — вторичные и т. д. Первичные производственные отношения находятся на таком же расстоянии от первичных производительных сил, на каком самые развитые производственные отношения от самых развитых производительных сил. И те, и другие имеют общую границу, в которой они суть одно и то же и не одно и то же и которую они непрерывно переходят, отрицая и утверждая себя и свою противоположность.

Вначале технологические и производственные отношения выступают в виде простого тождества, или, выражаясь традиционно, в виде полного соответствия первых вторым. Действительно, по своему понятию, как производительная, так и потребительная сила есть соотношение производительных и потребительных сил. Люди как производительная и потребительная сила, т. е. как технологическое отношение вступают в отношения не только с природой, но и друг с другом. В самом деле, разве простая кооперация как простое сложение индивидуальных производительных сил не есть отношение людей друг к другу, не есть общение в производстве, т. е. производственное отношение? Вместе с тем разве это общение не есть производительная сила?

Однако это разные общения людей. В первом случае общение — непосредственно обмен потенциальной деятельностью, а во втором — обмен реальной деятельностью и ее результатами.

Утверждение о том, что технологические отношения (производительные силы) и производственные отношения всегда **только Разные**, или в лучшем случае соотносятся между собой **только** как форма и содержание, порождает целый ряд, на наш взгляд, ошибочных положений. Если технологические и производственные отношения только **разные**, то они могут соотноситься друг с другом только внешним образом, существуя рядом друг с другом и

не выходя за собственные пределы. Если технологические отношения — только содержание, а производственные отношения — только форма, то как быть с известным диалектическим положением о том, что содержание всегда оформлено, а форма всегда содержательна. Нет содержания вне формы и формы без содержания. Форма и содержание содержатся друг в друге в качестве своего момента, своей противоположности. В связи с этим возникают сомнения относительно правильности одного из фундаментальных положений марксистской теории, согласно которому производительные силы, а точнее, технологические отношения в своем развитии обгоняют развитие производственных отношений и, в конечном счете, последние становятся тормозом развития первых, превращаются в их оковы.

Трудно понять, как форма может отставать от развития своего собственного содержания. Закон соответствия формы и содержания является всеобщим диалектическим законом. Правда, под соответствием сторон отношения можно понимать как простое тождество, так и тождество противоположностей. Развитое соответствие технологических и производственных отношений заключается в их переходе друг в друга, т.е. в несоответствии их самим себе. Они непрерывно полагают и отрицают друг друга и в этом взаимодействии образуют новое отношение, которое мы называем экономическим.

Совокупность этих отношений образует экономическую систему, или экономику. Еще раз подчеркнем, что экономическая система — это не простое тождество технологических и производственных отношений, не отношение, характеризующееся каузальной связью, где одна сторона выступает в качестве основания, а другая в качестве основанной, это тождество противоположностей т.е. противоречие. Оно существует до тех пор, пока существуют взаимоположение и взаимоотрицание его сторон, т.е. непрерывный переход технологических и производственных отношений друг в друга.

В условиях отделения непосредственного производителя от средств производства производственные отношения определяют стороны отношения собственности не просто как ценности, но как ценности, сохраняющиеся и возрастающие, т.е. как капитал.

Производительная и потребительная сила работника не могут соединиться, образовать органическое единство с физическим капиталом предпринимателя, не трансформировавшись в адекват

ное ему (физическому капиталу) понятие — **капитала человеческого**.

Среди множества дефиниций этого сравнительно нового понятия выделяются определения, которые относят к человеческому капиталу всю совокупность имеющихся у человека запасов способностей и качеств, применяемых в процессе производства благ, независимо от их происхождения, и определения, включающие в человеческий капитал только те способности человека, которые получены в результате инвестиций в него.

Мы предлагаем считать человеческим капиталом все то, что есть в человеке как его **собственность** и что способно экономически реализовываться в форме дохода.

Рыночная цена потребленного и использованного человеческого капитала в соответствии с теорией трудовой стоимости складывается из двух *составляющих* — издержек, связанных с возмещением потребленной части капитала, и части прибыли предпринимателя, обязанной своим существованием производительным **использованием** человеческого капитала. Если исходить из постулатов теории предельной полезности, то цена человеческого капитала, как и любого другого фактора производства, определяется его предельной производительностью.

Человеческий капитал как отношение собственности может рассматриваться на уровне индивида, семьи, коллектива, общества и государства.

Отношение собственности на уровне производственных отношений охватывает сферу не только производства, обмена и потребления, но и распределения.

Следует различать распределение собственности: а) по субъектам (индивидуальная, коллективная, общественная); б) по объектам (физический капитал, человеческий капитал, земля); в) по формам экономической реализации (прибыль, рента, процент, дивиденд, заработная плата).

Упорядоченная совокупность отношений собственности на уровне экономических отношений образует экономическую систему общества или его экономику. Однако и они еще не обеспечивают всей полноты **конкретно-всеобщей** определенности собственности.

Экономические отношения конкретно являют себя в **отношениях хозяйственных**, совокупность которых в масштабах страны представляет народное, или национальное хозяйство. Понятие Хозяйства страны шире, богаче понятия ее экономики. Оно опреде-

ляется не только экономической структурой общества, но и его правовой, общественной, политической и государственной системами.

2.4. Собственность как отношение хозяйствования I

Широко распространенное в недавнем прошлом утверждение, что экономические отношения — не волевые, а объективно обусловленные, лишало их правового, морального, нравственного, духовного и др. моментов так называемого надстроечного порядка.

В реальной хозяйственной жизни экономические отношения собственности всегда выступают в правовой форме. Но диалектика собственности такова, что само **право**, оформляющее экономические отношения собственности, **становится объектом экономических отношений**, экономическим институтом. Содержание данных отношений и этого института раскрывается в экономической теории прав собственности, которая заявила о себе как о **важнейшем** разделе экономической науки в 60–70-х годах XX в. Более того, по своей природе эта теория является междисциплинарной) концепцией, разрабатываемой экономической, юридической и организационной науками.

Рождение экономической теории прав собственности (конец 30-х — начало 40-х годов) связано с именами американских экономистов Р. Коуза и А. Алчиана. Крупный вклад в ее разработку внесли И. Берцель, Г. Демсец, Д. Норт, Р. Познер, С. Пейович, О. Уильямсон, С. Чен и др.

Представители этой теории утверждают, что на рынке непосредственно обмениваются не экономические блага, а пучки прав на них. Чем шире набор прав, связанных с данным экономическим благом, тем выше его полезность и ценность для потребителя.

Справедливости ради, следует отметить, что эту идею еще в 1869 г. высказал Реслер. «Ценность блага, — писал он, — есть количественная мера имущественной власти над ним лица». Так, собственная вещь и вещь, взятая на прокат, имеют для потребителя различную полезность, даже если они обладают одними и теми же **жесткими** телесными свойствами и удовлетворяют одну и ту же потребность.

Право становится не только важнейшим фактором, формирующим полезность, ценность экономического блага как объекта собственности, оно само трансформируется в экономическое благо,

¹⁸ *Исаев А. А.* Начала политической экономии. СПб., 1908. С. 439.

более того, в экономический ресурс, фактор производства, источник дохода, т. е. капитал. Жесткое ограничение права дохода от ресурса (например, высокий сверхналог), может привести к тому, что обладатель этого ресурса утратит всякую заинтересованность в его использовании. Наоборот, исключительность права *ususfructus*, или права отчуждения, обеспечивает эффективную аллокацию ресурсов, поскольку они оказываются у того, кто выше их ценит.

Один из виднейших представителей экономической теории прав собственности С. Пейович определяет их так: «Права собственности понимаются как санкционированные поведенческие отношения между людьми, которые возникают в связи с существованием благ и касаются их использования ... Понятие прав собственности распространяется на все редкие блага. Оно охватывает полномочия как над материальными объектами, так и над правами человека (право голосовать, печатать и т. д.) ... Господствующая в обществе система прав собственности есть в таком случае сумма экономических и социальных отношений по поводу редких ресурсов, вступив в которые отдельные члены общества противостоят друг другу»¹⁹.

Экономическое правомочие, как считает С. Пейович, включает в себя право, во-первых, пользоваться имуществом, во-вторых, пожинать приносимые им плоды, в-третьих, изменять ее форму и субстанцию, в-четвертых, передавать его другим лицам по взаимно согласованной цене.

Т. Тейтенберг дает следующую классификацию имущественных прав:

1) исключительные имущественные права; это наиболее полный пучок прав собственности;

2) титульные и функциональные имущественные права. Они принадлежат строго определенному лицу и не могут передаваться другому (диплом об образовании, водительские права, лицензия врача и т. д.);

3) имущественные права пользования общественными благами или услугами (национальный природный парк);

4) имущественные права по использованию ресурсов совместно-го применения (минерально-сырьевые ресурсы морского дна, рыбные запасы открытого моря)²⁰.

¹⁹The Economics of Property Rights / Ed. by E. Y. Furuboth, S. Pejovich. Cambridge. 1974. P. 3.

²⁰Teitenberg T. Environmental and Natural Resources Economics. 4th Ed. N.Y., 1966. P. 18.

А. Оноре полагает, что полное определение прав собственности включает в себя 11 элементов, которые дают огромное количества комбинаций (свыше 1,5 тыс.).

Среди множества гражданских правоотношений экономической теория выделяет исключительный характер отношений собственности, ограничивающих доступ к материальным и нематериальным ресурсам одним и обеспечивающих этот доступ другим лицам (спецификация прав собственности). Степень «исключительности» (спецификации) может варьироваться в пределах от «1», когда доступ открыт только одному лицу (индивидуальная собственность), до «0», когда доступ к ресурсам открыт всем членам общества (общественная собственность).

Право собственности, представляющее собой пучок, различные комбинации правомочий, может не только специфицироваться, но и размываться, расщепляться. Оба эти процесса сосуществуют как стороны одного отношения собственности, предполагающие и отрицающие друг друга, как противоречие. Спецификация прав собственности идет до тех пор, пока выигрыш от преодоления размытости окупает издержки, связанные со спецификацией. Решение проблемы спецификации/размыва, по мнению представителей экономической теории прав собственности, влияет на аллокации ресурсов, условия обмена, распределения, уровень доходов, ценообразование.

Теоретическим обоснованием такого разрешения противоречия спецификации/размыва прав собственности является знаменитая «теорема Коуза». Интересно, что само выражение «теорема Коуза» и ее современная формулировка не принадлежат Коузу. Огромная заслуга последнего состоит не в том, что он дал классическую формулировку теоремы, а в том, что он выдвинул идеи которые легли в основу современных экономических теорий прет собственности, транзакционных издержек, экономических институтов.

Впервые предложение, которое в дальнейшем превратилось в теорему Коуза, было высказано им в 1959 г. в статье «Федеральная комиссия связи». Оно звучало так: «Разграничение прав является существенной предпосылкой рыночных транзакций ... конечный результат (максимизирующий ценность производства) не зависит от системы правовых норм, если система работает без издержек»²¹

¹ Коуз Р. Фирма, рынок и право. СПб., 1993. С. 15-16.

Автором выражения «теорема Коуза» является Стиглер. Он сформулировал ее следующим образом: «... В условиях совершенной конкуренции частные и социальные издержки будут равны»²².

В формулировке Р. И. Капелюшников, а точнее, Алчяна, на которого он ссылается, теорема Коуза гласит: «Если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то аллокация ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменной независимо от изменений в распределении прав собственности, если отвлечься от эффекта дохода»²³.

Согласно теореме Коуза, не имеет значения, кто получит право собственности при ее первоначальном распределении. В конечном итоге это право достанется самому эффективному собственнику.

Таким образом, теорема Коуза формулирует парадоксальное утверждение: при определенных условиях оптимум индивидуальной и социальной полезности не зависит от распределения прав собственности. Этих условий два: 1) полная спецификация прав собственности; 2) нулевые транзакционные издержки.

Выполнение первого условия предполагает:

1. Универсальность (всеобъемлемость) прав собственности. Ничейного ресурса не должно быть. Все правомочия должны быть детально и полно определены и известны всем собственникам.

2. Исключительность прав. Все прибыли и убытки, связанные с реализацией прав собственности (*usus fructus*), должны накладываться на собственника или других лиц как **результат сделки купли-продажи** ресурсов.

3. Передаваемость прав. Все имущественные права должны свободно обмениваться.

4. Обеспеченность (защищенность) прав. Имущественные права должны быть защищены от неправомерного захвата или вторжения **Других лиц**.

Право собственности полностью специфицировано при условии, что у каждого правомочия имеется свой исключительный собственник.

Полная, предельная спецификация прав собственности, определяющая **все** результаты хозяйственной деятельности **каждого** агента, превращает **все** внешние эффекты (экстерналии) во внутренние, разрешая тем самым **противоречие между частными и**

²² Stigler George I. The theory of Price. 3 rd. Ed. N. Y., 1966. P. 113.

²³ Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности. М., 1990. С. 22.

общественными издержками, частными и общественными интересами производителя и потребителя. Но такой же эффект достигается в результате развития другой стороны противоречия спецификации — размыва прав собственности. Полный, предельный размыв прав собственности, превращение всех агентов, всего народного хозяйства в одну фирму — фабрику, делает тождественными частные и социальные издержки, ликвидирует обмен и, следовательно, обусловленные им транзакционные издержки.

Теорема Коуза подверглась серьезной критике и одним из самых весомых обвинений, выдвинутых в адрес ее автора, было обвинение в ее нереалистичности. В реальной экономике всегда какие-то права собственности недостаточно определены, а транзакционные издержки никогда не равны нулю. Но, как иронично заметил Коуз, именно он указал на существование транзакционных издержек и именно его предшественники, игнорировавшие факт реальности этих издержек, делали свои исследования рыночных отношений предельно абстрактными.

Теоретически транзакционные издержки можно свести к нулю. Другой вопрос: следует ли это делать практически?

Минимизация транзакционных издержек предполагает совершенствование средств их экономии, а такими средствами являются самые разнообразные социально-экономические институты. Так, фирма, например, есть не что иное, как институт — средство экономии транзакционных издержек. Таков рынок, разного рода административные институты, обычаи, нормы морали, нравственности, этики, наконец, государство. Все эти организации по-разному воздействуют на разные типы и классы транзакционных издержек. Рыночные институты имеют тенденцию к экономии на издержках оппортунизма, тогда как административные — на издержках ведения переговоров. В то время как рыночные институты имеют большое преимущество благодаря самозаинтересованности агентов в защите прав собственности, административным решениям может благоприятствовать экономия на масштабах производства.

Поскольку права собственности не могут перераспределяться без каких бы то ни было затрат, обмен этими правами должен протекать в границах, в каких выгоды от их передачи превосходят связанные с этим издержки. То же самое относится и к различным экономико-правовым системам собственности — частной (индивидуальной), коммунальной (коллективной) и государственной. Система коммунальной собственности доминирует там, где издерж-

ки по спецификации и защите индивидуальных прав собственности выше выгоды (эффекта), получаемой от их установления. Эта система внутренне противоречива и не стабильна. Здесь каждый имеет индивидуальное право на использование ресурса после его захвата (*ex poste*) и общее до его захвата (*ex ante*). Реализация принципа «первым пришел — первым воспользовался» приводит к сверхиспользованию ресурсной базы, ее истощению и даже исчезновению. Поэтому коммунальная собственность эволюционирует либо по направлению к частной собственности, либо к государственной. В первом случае общий ресурс дифференцируется на индивидуальные части, во втором — изменения касаются не права *ex ante*, а права *ex poste*. Но тогда проблема сверхиспользования ресурса уступает место проблеме его недоиспользования вследствие падения мотивации к активной деятельности.

В чистом виде названные экономико-правовые системы собственности не существуют. Каждая из них является моментом единого отношения собственности, образующего в развитом виде хозяйственный организм. Этот совершенный организм требует совершенного телосложения, совершенных пропорций в развитии своих органов, в том числе соответствия их нормам морали и нравственности.

Рассмотренные ранее абстрактные **понятия морали и нравственности** в условиях реальной хозяйственной жизни приобретают вполне конкретное содержание как **экономические институты**. Интересно, что автор «Исследования о природе и причинах богатства народов» и «Теории нравственных чувств» А. Смит исключал нормы нравственного поведения из рыночных отношений. Он, как известно, считал, что «невидимая рука рынка» автоматически приводит к социально-полезным результатам хозяйствования независимо от экономических мотивов хозяйственной деятельности субъектов.

Этот (смитовский) постулат, берущий начало в «Баснях о пчелах» Мадевиля (1705 г.), образует фундамент большинства современных теорий рыночного хозяйства и безоговорочно принят в качестве основы экономической политики наших отечественных реформаторов в лице Е. Гайдара, А. Чубайса и др.

Между тем «невидимая рука рынка» автоматически ведет к оптимальному результату только в условиях **совершенной конкуренции**, когда число продавцов и покупателей достаточно велико, когда адаптация к меняющимся условиям хозяйствования не требу-

ет затрат и потери времени, когда договорные обязательства могут быть соблюдены или осуществлены без издержек, т. е. тогда, когда трансакционные издержки равны нулю.

Однако рынок совершенной конкуренции — это абстрактный, идеальный рынок, которого в действительности нет и быть не может, поскольку, утверждая постоянный равновесный покой экономики, он лишает ее движения, развития. В реальной хозяйственной жизни несостоятельность этого рынка проявляется в самых разнообразных формах, в том числе в асимметричности информации, в монополии субъекта на редкие экономические ресурсы и на использование собственной личности, в отсутствии доверия, надежности, веры и верности в выполнении правил поведения на рынке и т. д.

Реальная хозяйственная действительность обнаруживает **противоречия нравственности и экономики**. В экономике обезличка и большое количество участников полезны, а в этике они вредны. Действительно, большой рынок принуждает конкретного человека к эффективной хозяйственной деятельности путем конкуренции большего числа продавцов. Наоборот, чем больше и обезличеннее общество, тем сильнее стимул для индивида нарушать правила за счет других, пользуясь анонимностью больших чисел.

Устанавливая взаимосвязь этики и экономики, этического поведения, с одной стороны, и уменьшения трансакционных издержек, с другой стороны, П. Козловски рассматривает три возможных способа действия субъектов.

Первый случай: субъект может действовать **безусловно нравственно**. Тогда он понимает общую экономическую полезность этического поведения, учитывает это в мотивах своей собственной деятельности. Он делает общий интерес своим интересом, т.е. действует нравственно, независимо от поведения других. Например, сотрудник некоторой фирмы старается отдавать работе все свои силы независимо от того, как работают другие, или — предприниматель старается оставаться порядочным независимо от широко распространенных форм недобросовестной конкуренции.

Второй случай: индивид может **действовать нравственно в определенных условиях**. Он готов придерживаться этических правил, если их соблюдают другие или большинство, но он сам нарушит правила, если заподозрит, что один остался в дураках. Сотрудник работает в полную силу, если это делают и все другие..

Третий случай: индивид может понимать, что для всех будет лучше, если все будут соблюдать правила, но считает наилучшей

ситуацией такую, когда все остальные, **кроме него**, придерживаются правил. Сотрудник знает, что для выживания предприятия все должны трудиться в полную силу, но для себя он предпочитает сделать исключение.

Ненравственный индивид при третьем способе действительно интерпретирует ситуацию по теории игр как дилемму заключенного, максимизирующего полезность. Если все будут придерживаться этических правил, то станет возможным достижение наилучшего для всех состояния. Но каждый индивид может поставить себя в более выгодное положение, когда он не будет придерживаться правил, а все остальные будут их соблюдать. Дилемма этого индивида состоит, однако, в том, что он не может быть уверен, не реагируют ли другие нарушением правил, когда он сам их не соблюдает. В этом случае он сам и все другие попадают в худшее положение, чем если бы все соблюдали правила²⁴.

Формализуем названные случаи и обозначим через А1 состояние, когда другие соблюдают правила, а через Е1, когда я соблюдаю правила, и через А0 и Е0 соответственно несоблюдение правил другими и мною. По Бьюкенену, «экономический человек» действует неэтично, если он не подвергается внешнему, неформальному контролю в малых группах. Он предпочитает состояние А1Е0 состоянию А1Е1, там, где он может не опасаться разоблачения. Иначе обстоит дело с точки зрения чистой этики. Индивид предпочитает такой мир, в котором не лжет никто, включая его самого тому миру, в котором все, кроме него, говорят правду. Нравственная оценка соблюдения правил в отличие от экономической оценки может быть обозначена как предпочтение состояния А1Е1 состоянию А1Е0.

Обобщая результаты классификации этики по приведенным случаям, П. Козловски делает вывод о том, что 3-й и 2-й случаи неустойчивы, а 1-й случай чистой нравственности без оглядки на поведение других весьма маловероятен и требует нравственного героизма. «Имманентное этике обоснование нравственности "из чистого уважения к закону" в принципе возможно, но стимулы для отдельного индивида, побуждающие его перенять "чистую" этику, сравнительно малы. По аналогии с несостоятельностью или провалами рынка весьма вероятно, что здесь получится несостоятельность этики»²⁵.

Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1990. С. 38.

²⁵ Там же. С. 44.

Несостоятельность этики преодолевается (снимается) религией, причем последняя не связана с конкретным вероисповеданием. Даже атеист может исповедовать религию (*religio* — совестливость, добросовестность, святость), если он готов рассмотреть и оправдать свою жизнь с точки зрения ее телеологичности и целостности.

Религиозная уверенность в том, что терпеть несправедливость — это лучше, чем творить несправедливость — предпочтение состояния А0Е1 состоянию А1Е0 ведет, как это обнаружил еще Платон, я тому, что доверие к поведению других растет, а поэтому состояние всеобщего соблюдения правила, состояние А1Е1, становится более вероятным. Самоосуществляющееся пророчество, когда из недоверия к другим, из опасения состояния А0Е1 реализуется, состояние А0Е0 не сбывается.

Обращаясь к отношениям собственности, мы обнаруживаем, что их неполнота, несостоятельность в экономике снимаются (преодолеваются) в этике, а несостоятельность в этике снимается в религии.

Действительное движение собственности захватывает нравственные категории равенства и неравенства, справедливости и несправедливости, делает их не только важнейшими факторами формирования хозяйственных отношений собственности, но ее определенностями, ее моментами.

Для человека то лишь нравственно, что справедливо. Все остальное может быть приятно, полезно, выгодно, благоразумно т.п., но не имеет права называться нравственным. Под справедливостью же обычно понимается правило «каждому свое». Но свое — это собственное, самость, собственность. Следовательно, справедливость есть тождество каждого его собственности как наличию бытию личности. Эту справедливость Аристотель называл *особенной* в отличие от всеобщей справедливости Платона, которая охватывает упорядоченность и гармонию общества как целое. Справедливость включает в себя понятие свободы и равенства, но она не идентична им.

Из определения особенной справедливости следует вывод: поскольку люди как личности по своим способностям не равны, их неравенство как собственников справедливо. Из платоновского определения справедливости следует прямо противоположный вывод: личности как особенности подчиняются и поглощаются всеобщим, т.е. обезличиваются. Как обезличенные они равны и присваивают равные доли всеобщего, общественного имущества.

Первым понятием равенства была идея равенства людей пере-

богом. Издатель газеты «Друг равноправия» Т. Скидмор писал в 1829 г.: «Мир был дарован всему роду человеческому как единому целому, как совокупности индивидов, а посему он принадлежит в равной мере и трудолюбивому, и бездельнику, и бережливому, и моту, и бездарю, и талантам»²⁶.

Идея равенства людей перед богом, как справедливо отмечает наш современник Р. Фридман, не противоречит понятию свободы. Эта идея равенства личностей важна **именно потому**, что люди не одинаковы. Каждый человек есть ценность в себе и сам по себе. Различные системы ценностей, неодинаковые способности, вкусы приводят к тому, что люди хотят жить по-разному. Равенство их как личностей требует, чтобы другие уважали это их право, а не навязывали им свои принципы и суждения. Это относится как к отдельным личностям, так и к группам людей, кланам и к так называемому большинству.

Другой концепцией равенства является **равенство возможностей** или то, что англичане называют *equality of opportunity* — **равенство шансов**, исходного пункта. Суть этого равенства отражается принципом — «каждому по его способности, каждой способности по ее делам». Таким образом, если первая концепция провозглашает равенство людей **перед богом**, то вторая — равенство их **перед законом**.

Принципиально отличается от этих двух **концепций** концепция **равенства результатов**. В конечном счете эта концепция предполагает «справедливое равное распределение» общественного имущества или «справедливую равную долю» в нем для всех.

В хозяйственной жизни справедливость, равенство и неравенство людей всегда конкретны. Поэтому, когда возникает дискуссия по поводу этих понятий, необходимо уточнить, о какой справедливости и о каком равенстве или неравенстве идет речь.

Если имеется в виду особенная справедливость и ее принцип «каждому свое», то она реализуется прежде всего в эквивалентном обмене и справедливой, т. е. соответствующей ценности блага, Цене. Если предметом дискуссии является экономическая справедливость распределения рыночных возможностей, то следует различать формальную и реальную возможность участия в рыночных отношениях. Первая обеспечивает открытый доступ к рынку и принципиальную возможность увеличить свой человеческий

²⁶ Скидмор Т. Права человека на собственность. М., 1988. С. 141.

капитал с помощью образования, т. е. равенство всех перед законом.

Справедливая реализация второй возможности предполагает распределение экономических ресурсов в пользу сильного собственника, т. е. того, кто в состоянии обеспечить их наиболее эффективное использование.

Существуют и иные точки зрения. Ряд обществоведов считает, что проблема распределения экономических благ не имеет однозначного решения, поскольку не существует единственного критерия справедливости. Распределение в значительной степени является результатом игры, в которой переплетаются вклад, удача и случай.

«Нет никакой распределительной справедливости там, где никто ничего не распределяет, — пишет Хайек. — Но поскольку результат для каждого участника не может быть предсказан заранее и на него не могут повлиять другие участники, то общий результат нельзя назвать ни справедливым, ни несправедливым»²⁷.

Таким образом, решение проблемы критерия особой справедливости остается открытым. Не менее сложным представляется решение проблемы критерия всеобщей справедливости. Многочисленные попытки нахождения и обоснования этого критерия сталкивались с неразрешимым противоречием социальной справедливости распределения экономических ресурсов и результатов их использования, с одной стороны, и экономической эффективности потребления — с другой.

Это особенно ярко видно на примере утилитаристского критерия максимизации совокупной полезности. Утилитаризм, как одно из направлений в этике, считает пользу, полезность основой нравственности и критерием человеческих поступков. Основоположником этого направления Бентам видел смысл этических норм и принципов в содействии наибольшему счастью (удовольствию) для наибольшего числа людей. Однако критерий максимизации совокупной полезности, как справедливо отмечают его критики, ведет к двусмысленной ситуации, в которой существуют совершенно различные «справедливые распределения». Все зависит от того, каких предпосылок исходить относительно способности индивида извлекать полезность из данных ресурсов. Если они одинаковы, то

²⁷ Hayek F. A. v. Drei Vorlesungen über Demokratie Gerechtigkeit und Sozialismus. Tübingen, 1977. S.24.

рассматриваемый критерий требует уравнительного распределения ресурсов, если нет — то непропорционально большая часть ресурсов должна достаться тем, кто обладает большими способностями к извлечению полезности при их использовании.

Несостоятельность критерия максимизации совокупной полезности проявляется и в том, что практически трудно, если не невозможно измерить абсолютную полезность экономических ресурсов и благ.

Курно считал изменение какой-либо части социальной системы справедливым, если это отражается на изменении в хорошую сторону других ее частей. Близкий к заданному критерию критерий справедливости, оптимальности, предпочтительности в распределении богатства был сформулирован Парето и Колдером. Состояние экономики считается парето-оптимальным, если производство и распределение невозможно изменить таким образом, чтобы благосостояние хотя бы одного индивидуума увеличилось без уменьшения благосостояния других. Вместе с тем Курно и его последователи полагали, что реализация принципа социальной справедливости в распределении общественного богатства практически не осуществима.

Интересные рекомендации по решению задачи гармонизации индивидуальной и социальной полезности нашли обоснование «в теории коллективного выбора» и в работах ее наиболее яркого представителя К. Эрроу. Он показал, что коллективный выбор не может быть сделан исключительно посредством простого агрегирования индивидуальных предпочтений.

Индивидуальные предпочтения делаются в рамках заданных обстоятельств условий. Эти условия могут меняться, воздействуя определенным образом на предпочтения потребителей. Проблема выбора не сводится к решениям, принимаемым отдельными индивидами. Объектом выбора могут становиться сами ценностные суждения, общественные нормы и правила, являющиеся инструментом и результатом сложных политических механизмов и процессов. В этом смысле они общественно заданы, **институционализируются**.

Рациональные предложения по построению функции общественного благосостояния содержатся в работах Викселя, Бергсона, Самуэльсона, Линдаля, Неймана и др.

Мы считаем, что для обеспечения социальной справедливости следует исходить из принципа демократического выбора, предпо-

лагающего равенство всех людей перед законом и равенство объективных возможностей реализации их способностей.

На наш взгляд, справедливость — это не достигнутое конечное состояние, а стремление к разрешению конфликтов интересов личности, социальных групп и общества и приведению их в относительное равновесие. В обществе с ограниченными экономическими ресурсами и многообразием интересов его членов справедливости никогда не может быть достигнута, но к этому надо стремиться. Стремление к сбалансированности интересов не обеспечивается автоматически действием «невидимой руки рынка».

Задолго до К. Маркса было доказано, что стихийно развивающиеся экономические отношения собственности неизбежно приводят к ее централизации, дифференциации и поляризации общества.

Для того чтобы этого не случилось, общество вынуждено противопоставить силам стихийной экономической свободы силу государственной власти, основанной на воле демократического большинства его членов. Государство становится важным фактором и субъектом экономических отношений собственности, придавая им новое содержание.

Апостол экономического либерализма А. Смит отводил государству в экономической жизни общества весьма скромную роль «ночного сторожа». Государство должно, во-первых, оберегать общество от насилий и вторжения других независимых обществ; во-вторых, ограждать, по мере возможности, каждого члена общества от несправедливости, угнетения со стороны других его членов, т. е. обеспечивать строгое и беспристрастное отправление правосудия; в-третьих, создавать и содержать определенные общественные учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах никаких отдельных лиц или небольших групп. Третья обязанность государства связана с неэффективностью рыночного механизма, обусловленного наличием явлений, получивших в наше время название «внешних эффектов».

Дж. Бьюкенен выделяет две функции государства: государства «защищающего» и «производящего». Первая функция является результатом соглашения людей, ее выполнение служит своеобразным гарантом соблюдения ими конституционного договора. Вторая функция представляет государство в качестве производителя общественных благ.

В соответствии с представлениями современных теоретиков экономических прав собственности государство есть не что иное, как

«организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяющаяся на известный географический район, границы которого определяются ее властью над налогоплательщиками. Сущность прав собственности — в праве на исключение, и организация, обладающая сравнительным преимуществом в насилии, оказывается в состоянии специфицировать и защищать права собственности»²⁸.

Таким образом, государство наделяется властью насильственно перераспределять права собственности. В эксплуататорском (антинародном) государстве это перераспределение осуществляется в интересах правящей группы, а в государстве, основанном на общественном договоре (правовом государстве), — в интересах всех членов общества.

Государство рассматривается как сторона в экономическом отношении собственности — обмене. Население платит государству налоги в обмен на такие услуги, как разработка системы законов, правосудие, оборона и другие общественные и полублагодетельные блага. Эта сделка взаимовыгодна. Государство как монополист может максимизировать свои доходы за счет совершенствования системы налогообложения и ее функционирования. Население же получает выигреш в экономии на масштабах производства общественных благ и услуг.

Вместе с тем противоречия собственности получают здесь новое выражение. Стремясь к максимизации своего дохода, государство ставит задачу выработать такую структуру прав собственности и производить такой набор общественных благ и услуг, который минимизировал бы его затраты. Оно может, например, значительно сократить затраты на науку, образование, культуру, искусство и т. д. Максимизация поступлений в казну может осуществляться и за счет создания неэффективных структур прав собственности, например торговли монопольными правами и привилегиями. Экономия на транзакционных издержках, государство может ослабить контроль центральной власти за поведением исполнительной власти на местах.

Общество же стремится к эффективному набору прав собственности с целью максимизации совокупного общественного продукта. Поведение государственной власти в значительной степени зависит от силы **договаривающихся сторон**. Эти силы представляют

North D. C. Transaction and Change in Economic History. N.Y., 1981. P. 21.

другие государства, международные экономические организации, внутренние олигархи и оппозиционеры. Государство под давлением этих сил может наделять отдельные группы населения большими правами собственности в ущерб другим и эффективности общественного производства.

Поэтому такие критерии распределения прав собственности, как эффективность, максимизация доходов казны, относительная договорная сила, предполагают и отрицают друг друга.

«Фактически наиболее очевидные уроки истории состоят в том, что политические системы имеют врожденную склонность устанавливать неэффективные права собственности, что приводит к стагнации и упадку. Такому исходу есть две главные причины. Во-первых, извлекаемый правителями доход может быть больше при неэффективной структуре прав собственности, которая, однако, допускает более действенный контроль и поэтому более внушительное взимание налогов, чем при эффективной структуре прав собственности, которая имеет высокие издержки по контролю и регулированию. Во-вторых, правители редко могут позволить себе устанавливать эффективные права собственности, потому что они вызвали бы этим недовольство среди значительной части подданных и, таким образом, сделали бы свое положение менее надежным. То есть даже тогда, когда правители желали бы установить правила, исходя из критериев эффективности, соображения выживания, будут диктовать им иной курс действий, потому что эффективные правила вызвали бы раздражение могущественных политических групп со специальными интересами».

Противоречие между максимизацией государственных доходов и эффективной структурой прав собственности, обеспечивающей рост совокупного общественного продукта, стабилизирует государственную систему отношений собственности, что, в свою очередь, усиливает угрозу извне со стороны конкурирующих государств.

Внутренняя и внешняя угроза государству, может стать основным критерием рационального распределения прав собственности государственной властью. Если исходить из этого критерия, то следует признать рациональной систему военного коммунизма в период гражданской войны, НЭП в период стабилизации советского

²⁹ North A.N. Institutions, Transaction Costs and Economic Growth // Economic Inquiries. 1987. Vol.25. N3. P.422.

власти, господство государственной собственности в СССР. Только мобилизация и централизация всех немногих экономических ресурсов в руках советского государства могла обеспечить быструю индустриализацию страны, создание крупного механизированного сельскохозяйственного производства, проведение культурной революции при одновременном росте благосостояния народа. Именно в этот период строительства основ новой системы отношений собственности был создан мощный экономический и социальный потенциал, реализация которого обеспечила победу советского народа в Великой Отечественной войне, быстрое восстановление разрушенного войной народного хозяйства, космический взлет страны, высокий уровень ее обороноспособности.

Вместе с тем, достигнув на определенном этапе границ своего развития, абсолютное господство государственной собственности породило новые противоречия. Исторически обусловленная сущность советского государства как диктатуры пролетариата, естественно, ограничивала его демократический характер. Расширенное воспроизводство монопольного субъекта собственности в лице государства создало объективные предпосылки автократии, бюрократии, волюнтаризма, застоя, пассивности и разложения общества. Экономическая система, где роль монопольного собственника закрепились за государством ограниченной, урезанной демократии не могла в необходимой степени обеспечить реализацию интересов каждого. Постепенно она лишалась таких источников своего развития, как революционный энтузиазм народа, моральные стимулы, внеэкономическое принуждение. Непосредственный производитель экономических благ все в большей степени отчуждался от средств производства и результатов своего труда, а экономическая власть и возможность присвоения общественного богатства концентрировались в руках немногих — парто- и бюрократии, дельцов теневой экономики. Лишение трудящегося человека стимулов к высокопроизводительному труду явилось причиной замедления социально-экономического развития, кризисных явлений, обозначившихся в конце 70-х — начале 80-х годов XX в.

Реальные противоречия собственности, выражающие конфликт интересов личности, коллектива и государства, ищут и находят пути своего разрешения в развитии отношений собственности.

Глава 3

РАЗВИТИЕ СОБСТВЕННОСТИ

3.1. Развитие собственности как разрешение ее противоречий

Каковыми бы ни были первоначальные мотивы хозяйственной деятельности человека, ее источником, так же как и источником всякого движения, является разрешающееся противоречие. Даже если признать в качестве универсального принципа человеческой активности эгоизм, нельзя не признать в то же время, что в своем внешнем проявлении и в сущности последний есть противоречие. Внешне он противостоит альтруизму, а в самом себе крайний эгоизм отрицает себя как единичность и утверждает себя как всеобщность. 1

Само развитие как движение противоречиво, ибо движущийся объект в одно и то же время в одном и том же отношении находится в данной точке и не находится в ней. Но, если, с одной стороны, движение предстает как противоречие, то с другой — само противоречие представляет собой движение, в котором оно проходит стадию простого тождества, различия, противоположностей и тождества противоположностей. 1

Если собственность как таковая, т.е. абстрактная собственность с самого начала, в своем первом определении есть полагающая себя самость человека, свободная воля, наличное бытие личности, то ее движение, ее развитие есть движение и развитие свободы личности. 1

Логические и исторические ступени развития человека, его собственности есть не что иное, как логические и исторические ступени развития его свободы. 1

Если попытаться определить начало или всеобщность всех теорий общественного развития, то нетрудно убедиться, что в их основе лежит базирующаяся на различных критериях периодизация становления и развития свободы человека.

По Гегелю «свобода — это такое же определение воли как тяжесть — основное определение тела»¹. В материи нет ничего тяже-

¹Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 68.

лого, она есть тяжесть. «Воля без свободы пустое слово, так же, как свобода действительна лишь как воля, как субъект»².

Некоторые исследователи если не противопоставляют свободу и волю, то видят между ними существенное **различие**. «Воля, — пишет Г. Тульчинский, — инстинкт свободы. Свобода — сознание воли. Воля — самозванство и невменяемость. Свобода — самоопределение и самопредопределение, постановка пределов и границ своей ответственности. Свобода — самоограничение воли как знание пределов и как выход к новым пределам, как новый ответ другим. Воля — беспредел свободы»³.

Мы считаем, что установить абсолютные границы абстрактной свободы невозможно. Свобода имеет границу в виде необходимости и одновременно не имеет границы, поскольку свобода перестает быть свободой воли, если она не преодолевает данную границу. Граница свободы — отсутствие границы. Но отсутствие границы свободы, беспредельная свобода есть произвол.

Детерминирована ли воля человека или она самоопределяема, **абсолютно свободна?** Эта проблема до сих пор не получила своего окончательного решения. Гегель, провозглашая свободу воли, по существу наделяет ею не человека, а «мировой дух», воплощающий «чистое» понятие свободы воли. У Канта человек как разумное существо, принадлежащее умопостигаемому миру, обладает абсолютной свободой воли. Но в эмпирическом мире, где господствует естественная необходимость, он не свободен в своем выборе, а воля его причинно обусловлена. Марксизм, как известно, считает, что люди не вольны в выборе объективных условий своей деятельности.

По мнению сторонников антидетерминизма, истинная свобода отрицает причинность. Это отрицательное понимание свободы (свобода от ...). Положительное понятие свободы (свобода для ...) утверждает не беспричинность свободы, а ее **самопричинность**. Положительная свобода означает, что источник движения находится не вне, а внутри субъекта.

С нашей точки зрения, в начале своего развития свободная воля абсолютна. В дальнейшем, приобретая новые определения, она ограничивает себя. Одной из первых определенностей воли или свободы является различие в ней **субъективного и объективного**

²Там же. С. 68.

Тульчинский Г. Свобода и собственность // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.) / Под ред. К. Исупова, И. Савкина. 1993. С. 444.

моментов. Деятельность воли как раз и заключается в развитии этого различия до противоречия и снятия, разрешении его.

Различные подходы к пониманию всеобщего противоречия собственности как волевого отношения определили разнообразие научных школ, направлений, теорий, представители которых предлагают разные возможные способы разрешения этого противоречия.

Одним из первых, кто пытался раскрыть противоречие собственности, был Прудон. Он убедительно показал, что каждый довод в пользу собственности есть одновременно и аргумент против нее. Если, как он считал, первое овладение ничейной собственностью служит основанием для предъявления права на нее, то что делать опоздавшим? А если собственность — это фундаментальное право, то все должны иметь равную возможность пользоваться им; равенство же есть отрицание собственности.

Крайние, противоположные позиции в решении данной проблемы занимают последовательные радикальные индивидуалисты и коллективисты. Первые, абсолютизируя индивидуалистическое начало в отношении собственности, отрицают ее общественный момент, вторые — наоборот. Наиболее полно позиция первых представлена воззрениями М.Штирнера.

Если родовым началом человека, его всеобщностью выступает мышление, то развитие свободы личности проявляется прежде всего в развитии свободы мысли. Свобода мысли, по Штирнеру, существует тогда, когда Я могу иметь какие угодно мысли. Мысль становится моей собственной, когда она не в состоянии стать моим господином, когда Я подчиняю ее себе, господствую над ней, могу ее отчуждать. Штирнер видит противоречие человека как собственности в том, что он является в одно и то же время в одно и том же отношении эмпирически сущим и родовым, всеобщим «массой». Его интересы находятся в противоречии не только с интересами общества, но и с ним самим. Человек не может считаться истинно свободным до тех пор, пока он не освободит себя от всех потребностей, всех интересов, т.е. от всего человеческого.

«Если какие-нибудь интересы — объект интересов в данном случае безразличен — настолько поработили Меня, что Я не в состоянии их сбросить с Себя, то это значит, что они перестали быть Моим достоинством, Моей собственностью, и что Я стал их достоинством, их собственностью»⁴. Обычай, право, мораль, нравственность

Штирнер М. Единственный и его достоинство. СПб., 1910. С. 103.

семья, общество, государство становятся моей собственностью, когда **Я** подчиняю их себе, отношусь к ним как к своим. Свобода мысли, свобода слова, свобода вообще становятся таковыми, когда они становятся **Моей** собственностью. **Мою** свободу по отношению к миру **Я** обеспечиваю себе в той мере, в какой **Я** в состоянии «усвоить» мир, присвоить его, сделать его своим. Таким образом, Штирнер утверждает абсолютность, исключительность, самобытность индивидуальной собственности, всецело определяемой силой и могуществом **отдельной личности**.

Отрицание индивидуального момента в отношении собственности и **абсолютизация** момента всеобщности берут начало с «Государства» Платона и находят наиболее полное выражение и обоснование в теориях социалистов и коммунистов. К. Маркс, как известно, подверг резкой критике концепцию М. Штирнера в «Немецкой идеологии».

Он писал: «Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом*; лишь тогда, когда человек познает и организует свои собственные силы как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *практической* силы, — лишь тогда совершается человеческая эмансипация»⁵.

«Итак, — восклицают критики коммунизма, — счастье и свобода обещаются человеку тогда, когда он отречется от себя и сольется с обществом, когда он отождествит свою силу с силой политической! Совет старый, известный со времени Платона, но вся беда в том, что человек хочет счастья и свободы не только для общества, но и для себя, и, что люди не могут сойтись на одинаковом понимании счастья личного и общественного»⁶.

Эти два прямо противоположных подхода к разрешению всеобщего противоречия собственности роднит то, что они предполагают ликвидацию **одной** из сторон противоречия («плохой») при сохранении и абсолютизации **другой** («хорошей»). Однако нельзя ликвидировать одну из сторон противоречия, не уничтожив другую и явление противоречия в целом. Реализация идей первой концепции

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 406.

⁶ Новгородцев П. И. Введение в философию права. М., 1996. С. 103.

ведет к гибели гражданского общества и государства, а второй — к ликвидации личности.

Всеобщее социальное противоречие, каковым выступает всеобщее противоречие собственности, нельзя уничтожить, не уничтожив социум и личность. Оно разрешается развитием каждой из его сторон и переходом в иное основание. Свидетельством тому служит весь ход исторического развития свободы личности и общества.

В бесконечном разнообразии форм этого развития наука стремится найти общее и всеобщее, открыть и раскрыть закономерности и законы формирования личности и общества.

В отечественном обществоведении общераспространенным является, на наш взгляд, недостаточно обоснованное утверждение, что исторически первой формой собственности была общественная или общинная, из которой затем вырастает собственность индивидуальная (частная). При этом обычно ссылаются на свидетельства общинной собственности на землю как на территорию охоты, рыбной ловли и пр. Однако, как заметил выдающийся русский экономист, специалист по первобытной экономической культуре Н. И. Зибер, «следует сознаться, что принадлежность земли в общую собственность всем вообще первобытным народам скорее принималась до сих пор на веру как нечто подразумевающееся само собою, нежели служила целью сколько-нибудь обстоятельных исследований»⁷.

Кант считал, что первобытная общность земли «не более как выдумка, потому что общность должна была бы быть кем-то установленной и вытекать из договора, по которому все должны были бы отказаться от частного владения и каждый должен был бы превратить свое владение путем объединения его с владением каждого другого в совместное владение, доказательство чего должна бы нам дать история»⁸.

Мы считаем, что на этапе ранней первобытной общины, где отсутствует индивид, личность, обмен, возникают лишь элементы зародыши отношений собственности. Первобытный человек еще недорос до осознания своей индивидуальности, своей отдельности как лица, отличного от единокровной группы, в которой он живет. Таким образом и эту единокровную группу, стадо людей еще нельзя назвать обществом.

Зибер Н. И. Избранные экономические произведения. В 3 т. Т. 2. М., 1959 С. 206—207.

⁸*Кант И. Соч. В 8 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 26.*

Первым элементарным отношением собственности **ставшего** индивида предстает его отношение к объективным условиям своего существования, данным природой, как к своим. Но это его отношение возможно только потому, что он является членом общины. Ликвидация общины или членства в общине означает конец присвоения индивидом опосредствованной существованием общины природы. Вместе с тем община существует только потому, что существует присваивающий общинную природу индивид. Другими словами, отношения собственности образуют здесь такое единство своих моментов, которое называется **тождеством**.

Однако внутри этого тождества обнаруживаются различия в отношениях собственности на простейшие орудия, средства добывания пищи, землю (природу) как кладовую средств существования и продукт, извлеченный из природной кладовой с помощью орудий, части этого продукта, идущие на индивидуальное потребление. Орудия добывания необходимых для жизни продуктов, с изготовления которых начинается человек, находились по преимуществу в индивидуальном владении, пользовании и распоряжении. Земля, как считал Руссо, не принадлежала никому, а продукты земли — всем. Эти продукты через уравнительное распределение поступали в индивидуальное потребление. Таким образом, в элементарном отношении собственности раннего первобытного общества органически сочетаются общественные и индивидуальные начала в своем неразвитом виде. Сама постановка вопроса о том, какое начало первично, а какое — вторично, представляется нелепой. Если логически индивидуальная и общественная собственность выступают моментами единого целого, то и исторически они никогда не существовали вне друг друга.

Различия в отношениях собственности **раннего** первобытного общества исторически переходят в **разные** отношения собственности поздней первобытной общины. Дифференцируясь внутри самой себя, первобытная коммуна распадается на отдельные группы людей, семьи, внутри которых, в свою очередь, выделяются глава семьи, родители, дети. Развитие первобытной коммуны означало развитие индивида, а последнее готовило смерть первобытного общества. Начала индивидуального (семейного) и общественного (родового), в разных отношениях собственности первобытного общества перерастают в **противоположности** и **противоречие**.

Если в первобытном обществе личность как таковая отсутствовала, то в пришедшем ему на смену рабовладельческом строе, на-

ряду со свободной личностью, существует человек, не представляющий собой личность — раб.

Следует подчеркнуть, что отрицание рабовладения является разрешением внутреннего противоречия этого типа собственности. «То, что некто есть раб, — писал Гегель, — коренится в его собственной воле, так же как в воле народа коренится то, что он подвергается угнетению. Следовательно, это неправоное деяние не только тех, кто обращает людей в рабство, но и самих рабов и угнетаемых»⁹. Другими словами, освобождение личности есть дело рук самой личности. Дарованная свобода не является истинной свободой.

Исторически сложившиеся первичные отношения собственности столь разнообразны и многообразны, что детальное исследование каждого из них трудно осуществимо. Предлагаются различные критерии их группировки и классификации. Так, рассматривая первичные отношения земельной собственности, К. Маркс сводил их к трем формам: азиатской (восточной), античной (греко-римской) и германской.¹⁰ При азиатской форме единственный (индивидуальный) собственник земли — деспот, который отдавал землю во владение и пользование общине, а та, в свою очередь, предоставляла ее во владение и пользование отдельным членам общины (семьям). Всеобщее противоречие собственности разрешалось здесь таким образом, что деспот являл собой в одно и то же время в одном и том же отношении и общество, и индивида (всеобщий индивид).

При античной форме разрешение всеобщего противоречия собственности находит внешнее выражение в отделении общественной земельной собственности (*ager publicus*) от частной. Противоречивая сущность члена римской общины выступает в двух формах своего наличного бытия — общественной и частной земельной собственности. Хотя эти две формы выражают одну и ту же сущность, тем не менее они приобретают видимость самостоятельных. Субъект отношения собственности как бы раздваивается, становится дважды собственником. Как член общины он частный собственник и в силу этого же он субъект *ager publicus*.

Наконец, при германской форме разрешение всеобщего противоречия собственности находит выражение в отрицании индивидуальным началом начала общественного. Индивидуальная земельная

⁹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 114.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 383.

собственность не выступает здесь ни как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а наоборот, **община** существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых.

Развитие личности и различных форм ее наличного бытия означало развитие **общества** и государства, и наоборот.

Еще Аристотель отмечал, что на самой ранней ступени развития культуры (рабовладельческое общество) требуется, чтобы руководителем был способнейший из **индивидов**, поэтому соответствующей государственной формой здесь является монархия — **власть одного**.

На дальнейших ступенях развития власти добиваются **многие** знатные, выдающиеся, равноправные по отношению друг к другу люди. Монархия становится аристократией — **правлением многих** знатных.

Наконец, при дальнейшем развитии общества в широких народных кругах начинает господствовать стремление влиять на управление страной: аристократия переходит в **народное правление** — **демократию**.

Абстрактная свобода личности, свобода вообще находит **конкретное** выражение в различных **определенных** видах свободы. Различаются физическая, духовная, социальная, политическая, экономическая и другие свободы. Каждый из этих видов можно рассматривать на уровне индивидуальной и коллективной свободы, хозяйственной деятельности, на общественном уровне.

Разумеется, эти конкретные свободы не являются рядоположенными и равнодушными друг к другу. Они скоординированы и субординированы и только в своем органическом единстве представляют конкретно-всеобщее понятие свободы. Экономическая свобода, например, немыслима без свободы духовной, физической, социальной, политической, и наоборот, социальная политическая и другие виды свобод предполагают и обуславливают свободу экономическую. По отношению к свободе как целому отдельные свободы можно рассматривать как ее свойства, характеризующие ее **качество**.

Количественная характеристика свободы требует количественного выражения названных конкретных свобод и определения степени их влияния на результаты жизнедеятельности вообще и хозяйственной деятельности в частности.

Попытки количественного определения параметров различного вида свобод и в особенности свободы экономической предпринимаются за рубежом и в нашей стране.

Авторами различных методик определения экономической свободы применяются разные «объясняющие» и «объясняемые», логические и принимающие абсолютные значения показатели.

К числу объясняющих можно отнести группу показателей, характеризующих безопасность личности, наличность и реальность демократии, стабильность политической системы, способность государства гарантировать устойчивость хозяйственной системы, политическую активность государства в экономической сфере.

В качестве объясняемых переменных можно принять систему макропоказателей, характеризующих итоги хозяйственной деятельности общества. В целом сегодня выбор соответствующих показателей определяется не столько их теоретической обоснованностью, сколько наличием соответствующей информационной базы. Создание такой базы — одна из актуальных задач совершенствования существующих и формирования новых хозяйственных отношений. Вместе с тем формированию такой базы или информационной системы должна предшествовать разработка теоретических основ модели количественной определенности экономической свободы.

Экономическая свобода — это прежде всего свобода хозяйственной деятельности и ее начала — труда.

Известно утверждение, что социально-экономические **формации** и, следовательно, типы собственности отличаются друг от друга различным способом соединения непосредственного **производителя** со средствами производства. Ну, а чем же определяются сами эти способы соединения? Очевидно, что различными степенями **свободы труда**. Если при определении этапов исторического развития и типов собственности исходить из критерия состояния свободы **труда**, то эти этапы можно представить как общество, где господствует внеэкономическое принуждение к труду (все **докапиталистические формации**), общество с экономическим принуждением к труду (**капитализм**) и общество свободного труда свободно собравшихся **людей** (коммунизм).

Основным противоречием общества всеобщего товарного производства, общества наемного труда выступает, по нашему убеждению, не противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, а противоречия самой собственности, принявшей господствующую форму капитала.

Именно противоречия частнокапиталистической собственности объективно и обуславливают все преимущества и недостатки данного способа производства. Если капиталистическая собственность есть капитал, т. е. самовозрастающая ценность, то основное экономическое противоречие капитализма обнаруживает себя в процессе самовозрастания — ценности. На уровне поверхностного непосредственного бытия, когда капитал обнаруживает себя в сфере обращения — это противоречие всеобщей формулы капитала, на уровне сущности — это стремление капитала к неограниченному самовозрастанию (абстрактной свободе) и ограниченными возможностями этого самовозрастания. Основным экономическим законом движения капиталистической собственности на сущностном уровне является всеобщий закон капиталистического накопления.

Действительное разрешение всеобщего и основного экономического противоречия собственности осуществляется в процессе ее действительного движения. Последнее проявляется прежде всего в конкуренции. Конкуренция — это солнце и стихия экономической свободы. Она представляет собой не только борьбу между хозяйствующими субъектами, но и борьбу хозяйствующего субъекта с самим собой внутри самого себя. Это выражается в постоянной мобилизации внутренних возможностей для внешнего противостояния. Вынуждая субъектов собственности к постоянному самосовершенствованию, конкуренция раздвигает границы экономической свободы. В то же время каждый субъект своей деятельностью ограничивает свободу других. Он достигает максимума экономической свободы тогда, когда становится монополистом или монополистом, т. е. единственным собственником. Предполагая своих конкурентов как необходимое условие самосовершенствования, хозяйствующий субъект в то же время отрицает их. Конкуренция, сама по себе свободная, предполагает и существует в единстве с несвободой, порожденной самой свободной конкуренцией. Таким образом, свободная конкуренция является причиной своей несвободы.

Противоречия частнокапиталистической собственности разрешаются ее самоотрицанием и утверждением собственности общественной.

К сожалению, категория общественной (общенародной) собственности осталась *terra incognita*, хотя в советское время ее исследованию были посвящены сотни и тысячи монографий, диссертаций и различных программ. В самом деле, если под общественной собственностью понимать отношение всех и каждого чле-

на общества к общественному имуществу как к своему, то каждый исключает в качестве собственника этого имущества всех других. Общественная собственность становится ничейной, т. е. объективно невозможной. Это противоречие общественной собственности аналогично противоречию всеобщей формы стоимости, исследованному К. Марксом. Противоречие всеобщей формы стоимости разрешается появлением товара, **монополю** выполняющего роль всеобщего эквивалента.

Казалось бы, противоречие общественной собственности также разрешается появлением субъекта (абсолютный дух, бог, монарх, государство), **монополю** реализующего свободную волю (собственность) всех членов общества. Но в этом случае общество становится индивидуумом (общество — это Я), а общественная собственность индивидуальной. Данное противоречие не может быть разрешено и раздачей общественного богатства равными частями всем членам общества. В этом случае общественное богатство становится индивидуальной (частной) собственностью.

Свободный доступ всех и каждого члена общества к благу может иметь место тогда, когда это благо не ограничено. Но по своему отношению субъекта к неограниченному благу не является отношением собственности. Правда, существуют такие ограниченные экономические блага, потребление которых одним лицом не исключает потребления его другими и всеми лицами (оборона страны, наука, искусство, информация). Однако и эти так называемые чистые общественные экономические блага наличествуют лишь благодаря индивидуальному реальному или потенциальному потреблению.

Противоречивый процесс общественного развития и отношений собственности как разрешение ее всеобщего противоречия описывается рядом теорий. Это и теория линейного движения общества как удаление от золотого века или, наоборот, его providенциального движения к искуплению, к грядущему царству божьему на земле, это теория общественно-экономических формаций, современные теории цивилизационного развития, теории модернизации, экономической эволюции и т. д.

Критически оценивая эти теории, мы безоговорочно поддерживаем принцип полифундаментализма, т. е. множества точек зрения и методологических подходов к исследованию одних и тех же социальных явлений и процессов. История науки, множественность научных концепций и парадигм, их рождение и прехождение следуют

за развивающимся предметом познания и отражают многообразие форм его развития. Не абсолютизация какой-либо теории и не эклектическая смесь различных взглядов, а всесторонность знаний о развивающемся объекте — вот содержание принципа полифундаментализма.

Новые возможности и эффективные подходы к изучению отношений собственности дает, например, становящаяся и быстро развивающаяся социальная синергетика. Общество рассматривается ею как открытая, неравновесная, диссипативная система, порядок в которой устанавливается через хаос, флуктуации и бифуркационные изменения. Синергетика утверждает, что для сложных систем, как правило, существует несколько альтернативных путей развития. Отсутствие предопределенности дает людям свободу выбора индивидуальных, общественных, коллективных, социальных, политических, экономических и других действий по изменению системы, т. е. свободу выбора направлений ее реформирования.

Обычно реформирование как сознательное разрешение противоречий экономического развития противопоставляется революции как стихийному разрушительному разрешению этих противоречий. Мы считаем такое противопоставление неправильным. Парной и противостоящей революции категорией является эволюция. И та и другая образуют стороны или моменты единства, которое и называется реформой. Таким образом, реформы могут осуществляться эволюционным или революционным путем.

В теории эволюционного развития различаются концепция эмерджентной эволюции, творческих эволюций, бифуркации, теологическое учение об эволюции Пейар де Шардена, в котором основой общественного прогресса утверждается моральное начало — любовь и др.

Наиболее последовательными и бескомпромиссными в признании объективной необходимости и значимости революционных преобразований собственности всегда выступали марксисты. В зависимости от соотношения объективных и субъективных обстоятельств ими признается мирный и немирный путь революционных преобразований.

Противоположную позицию занимают противники марксизма и, в частности, представители «социологии революции». Не отрицая объективного характера революционных преобразований, они рассматривают их как «болезнь общества», которую можно и нужно лечить. Они утверждают, что революция как форма социального

развития в противоположность эволюции изначально неэффективна и разрушительна. Положительные результаты, которые достигаются за счет революционного преобразования отношений собственности, не идут ни в какое сравнение с социальными и материальными издержками. Так, русский социолог Питирим Сорокин писал в своей «Революции и социологии»: «Читатель почерпнет из моей книги, что революции суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс. На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же ... достигаются совершенно иные результаты. Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса. Чего бы она ни добивалась, достигается это чудовищной и непропорциональной ценой. Карает же она за паразитизм, распущенность, неспособность и уклонение от выполнения социальных обязанностей (хотя в любом случае происходит деградация их высокого социального положения), не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой»¹¹. И наоборот: «История социальной эволюции учит нас тому, что все фундаментальные и по-настоящему прогрессивные процессы суть результат развития знаний, мира, солидарности, кооперации и любви, а не ненависти, зверства, сумасшедшей борьбы, неизбежно сопутствующих любой революции»¹². Оценивая значение Великой французской революции, В. Зомбарт писал: «Если она и имела какое-либо значение для хода хозяйственной жизни, то вот какое: она замедлила капиталистическое развитие Франции на два поколения»¹³. Еще более отрицательную оценку он и многие наши современники дают Октябрьской революции 1917 г. в России.

Конечно, великие социальные революции, сопровождавшиеся крушением общественных систем, массовым террором, гражданскими войнами, уносившими миллионы человеческих жизней, всегда были и великими национальными трагедиями. Однако еще никто не опроверг их закономерность и не предложил методики определения их эффективности. Острота, глубина и размах разрушительных последствий революции определяются зрелостью и уров-

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 270.

¹² Там же. С. 27.

¹³ *Зомбарт В.* Современный капитализм. М., 1931. С. 32.

нем развития всей системы общественных отношений. Можно сказать, что в современных развитых странах немирный путь революционных преобразований маловероятен. Теоретик, обосновывающий объективную необходимость такого пути развития современного общества, вряд ли нашел бы понимание в нем. Однако это не исключает качественных революционных изменений в обществе, о чем свидетельствует история и свидетелями которых все мы являемся сегодня.

Частная собственность, основа раннего, становящегося капитализма, прошла длинный исторический путь, обозначенный и революционными скачками и взрывами, и эволюционными метаморфозами — реформами и контрреформами. И в этом сложном нелинейном пути все более явственней обнаруживает себя **общественное** начало противоречивых отношений собственности. Это не только Октябрьская революция 1917 г. в России и попытка утверждения в качестве господствующей формы государственной собственности в ряде стран мира. «История, — пишет Р. Пайпс, — не знает века менее благоприятного для института частной собственности, чем век двадцатый, и на то есть как экономические, так и политические причины». В качестве этих причин Р. Пайпс называет «общественное смятение, вызванное двумя мировыми войнами, а между ними Великой депрессией»¹⁴. При этом игнорируется или забывается то обстоятельство, что эти войны и Великая депрессия 1929–1933 гг. были вызваны крайним обострением всех противоречий господствующей в мире социально-экономической системы, в основе которых лежит всеобщее противоречие собственности. Революционной, разрушительной силой любого общества всегда была группа людей, класс, лишенный собственности или существенно насильственно ограниченный в праве собственности. Экспроприация экспроприаторов, насильственное отрицание частной капиталистической собственности и утверждение собственности общественной — начало и всеобщая определенность социалистической революции. Однако внутреннее противоречие общественной собственности, как это было отмечено выше, делает ее ничейной. Это противоречие разрешается тогда, когда на роль субъекта всей собственности выдвигается один, **монопольно** реализующий ее либо в интересах определенной части общества, либо в интересах всех и каждого. Этим монопольным собственником становится государство, и его

¹⁴Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 271.

природа определяет содержание отношений государственной собственности.

История распорядилась так, что в России после октября 1917 г. монопольным собственником стало государство, открыто провозгласившее диктатуру пролетариата.

Другим путем к достижению той же цели — социальная справедливость, всеобщее благоденствие, социализация собственности — шли западные демократии.

По определению ничем не ограниченная частная собственность означает бесконечные обогащения одних и обеднение других. В эпоху раннего капитализма это явление лежало на поверхности общества, которое в своем большинстве и в лице государства признавало его естественным, вытекающим из природы человека. Об этом писали Гегель и Милль. К. Марксу оставалось лишь оформить данное явление в закон абсолютного и относительного обнищания пролетариата. То, что обнищания не произошло, в значительной степени объясняется осознанием пролетариатом, обществом и государством разрушительных последствий действия данного объективного экономического закона.

В конце XIX — начале XX в. в развитых странах, где противоречия господствующей формы собственности обнаруживают себя особенно остро, рождаются программы и законы, ограничивающие свободу частной собственности во имя социальной справедливости.

В Германии разрабатываются и законодательно утверждаются программы социального страхования от болезней, производственных травм и трудностей, переживаемых людьми преклонного возраста. Учреждаются суды для улаживания споров о зарплате. В Англии в 1905 г. был принят закон о безработных, в 1912 г. — закон о пенсиях по старости и закон о минимальной заработной плате. Но все эти нормативы по разработке системы социальной защищенности не могли предотвратить мирового взрыва противоречий отношений собственности, выразившегося в Октябрьской революции 1917 г. в России и Великом мировом кризисе и депрессии 1929-1933 гг.

Новый курс президента Ф. Рузвельта означал решительный поворот от общества, базирующегося на абсолютной свободе частной собственности, к обществу социальной справедливости и всеобщего благоденствия. Равенство перед законом и равенство возможностей существенно дополняются требованием равенства результатов распределения. В обращении к конгрессу США в 1941 г. Ф. Рузвельт

помимо традиционных свобод слова и вероисповедания говорит о свободе от нужды и свободе от страха.

В подготовленном в этом же году по просьбе правительства Великобритании докладе У. Бевериджа говорилось о необходимости после войны уничтожения «пяти великих зол» — нужды, болезней, невежества, антисанитарии и безделья (безработицы).

Идеи этого доклада легли в основу социалистической программы лейбористской партии, с которой она выступила на выборах 1945 г. Победив, лейбористское правительство провело широкую национализацию частных предприятий в промышленности и на транспорте.

Принятая в 1948 г. ООН Всеобщая декларация прав человека наделила каждого жителя земли правом на труд и «достойный уровень жизни». В 1996 г. конференция ООН в Стамбуле приняла резолюцию о «праве на жилище» и «праве на получение пищи».

Расходы на социальную поддержку граждан в США выросли с 1950 г. в 20 раз, тогда как население лишь удвоилось. В 1976 г. беднейшие 20% населения почти все свои доходы получали в виде правительственных выплат. Их собственные заработки составили лишь 3,3 млрд долл., к чему были добавлены трансфертные выплаты на общую сумму 75,8 млрд долл., 1/5 населения США почти целиком, а еще 1/5 существенным образом зависела от государственных выплат. Другими словами, 60% населения США, составляющие самую производительную его часть, полностью или частично содержали остальные 40%.

Государство все в большей степени контролирует и присваивает общественное богатство. В 1900 г. в собственности правительства США находилось 7% национального имущества. В 1950 г. доля государства в национальном имуществе возросла до 20%. В 1990-е гг. государственные расходы в США достигли 1/3, в Германии — более половины, в Великобритании — 42% ВВП¹⁵. Программы социальной защиты граждан, социальной безопасности и социализации собственности встретили резкое противодействие со стороны либералов. Они не без оснований утверждают, что всякое ограничение частной собственности означает ограничение свободы, прав личности и ведет к росту иждивенчества, снижению эффективности общественного производства, замедлению роста общественного богатства. Более того, по их мнению, осуществление политики ра-

¹⁵Там же. С. 320.

венства вознаграждений и социальной справедливости приводит к прямо противоположным результатам.

Так, одним из величайших требований всех или большинства социалистических доктрин и программ было право на труд. «Дайте мне право на труд, — говорил Прудон, — и я оставлю вам собственность». 25 февраля 1848 г. правительство Французской республики приняло предложенный Луи Бланом декрет, который гарантировал всем гражданам обеспечение работой. Для этого достаточно было обратиться с заявлением в одну из мэрий. Чем же все это обернулось? Революция чрезвычайно увеличила число безработных, и без того уже огромное вследствие экономического кризиса 1847 г. Открытие в Париже национальных мастерских привлекло в город безработных из провинции. На свободные 10000 рабочих мест в конце марта в мэриях записалось 21 000, а в конце апреля — 99 400 рабочих. Им платили по 2 франка в день, когда они работали, и 1 франк, когда работы не было. Некоторое время спустя власти уже не знали, куда их деть. Большинство из них, какой бы профессией они не обладали, были заняты бесполезными земляными работами, которых тоже скоро стало не хватать. Раздраженные до крайности рабочие стали протестовать. 23 июня вспыхнуло восстание. Подавленное в 3 дня с тысячами жертв, оно повергло всю страну в бездну террора и реакции. 29 августа 1848 г. статья, гарантировавшая право на труд, исчезла из конституции республики¹⁶. Реализация права на труд в СССР породила скрытую безработицу и отнюдь не способствовала повышению производительности труда.

Начав в 1965 г. войну с бедностью, федеральные власти США, правительства штатов и органы местного самоуправления израсходовали на преодоление нищеты более 5,4 трлн долл. Это на 70% больше, чем было затрачено на вторую мировую войну. За 5,4 трлн долл. можно было бы купить все 500 корпораций, проходивших по списку журнала «Форчун» и все сельскохозяйственные угодья Соединенных Штатов. Тем не менее за период с 1965 г. по 1993 г. доля населения США, жившая за чертой бедности, поднялась с 12,5 до 15%. Это объясняется тем, что благотворительность способствует распространению иждивенчества, а иждивенчество плодит бедность.

В целом позиция критиков государства-собеса выглядит так: «Мир, в котором все люди свободны и равны, был бы земным ра-

¹⁶ ЖидШ., Руст Ш. История экономических учений. М., 1918. С. 176.

ем. Создать такой мир трудно; но, оказавшись перед выбором, мы должны поставить свободу выше равенства. Потому, что отсутствие свободы неизбежно ведет к самому грубому выражению неравенства и несправедливости: к деспотизму. Неравенство же необязательно ведет к упразднению свободы»¹⁷.

Позиции критиков ограничения частного начала в отношениях собственности и активного участия государства в экономической жизни существенно усилились, а их взгляды стали господствующими после самого продолжительного в послевоенный период экономического кризиса 1979-1981 гг.

Новая волна либерализации экономики и модификации экономических функций государства вызвала общемировую волну приватизации государственной собственности. В большинстве экономически развитых стран осуществляется политика сокращения государственного сектора и социальных программ.

Крушение социально-экономических систем, основанных на монополии государственной собственности в СССР и в странах восточной Европы, казалось бы, подвело черту под логическим, историческим и сегодняшним противостоянием личного и общественного в отношениях собственности.

Однако это далеко не так. Всеобщее противоречие собственности, порождающее всю систему социально-экономических противоречий, далеко от своего окончательного разрешения, и форму этого разрешения трудно представить даже в самых общих чертах. На разных этапах человеческой истории «верх будет брать» то одна, то другая сторона данного противоречия. Разумеется — это не простое повторение, чередование с возвращением к исходному пункту. На каждом новом этапе движения стороны отношения собственности претерпевают качественные изменения, а само отношение наполняется новым содержанием. В отношениях собственности развитых капиталистических стран сегодня усиливаются процессы отделения функций управления от собственности, диффузия последней, возрастает роль институциональных собственников (банки, страховые компании, пенсионные фонды и т.д.).

Все сущее на земле, согласно диалектике, подвержено самоотрицанию, а согласно религиозному учению — эсхатологии. Очевидно, не избежать этой участи и собственности. Конечно, собственность как самодостаточность и самовыражение личности будет существо-

¹⁷Пайнс Р. Собственность и свобода. С. 366.

вать до тех пор, пока существует человек, личность. Но содержание этой самодостаточности и самовыражения может принимать самые неожиданные и трудно предсказуемые формы. Очевидно, что в информационном обществе, в царстве Разума и ноосфере воля человека будет направлена на совсем иные объекты, и взаимодействие ее с этими объектами будет выражаться в иных формах, нежели владение, пользование, отчуждение. Преодолев ограниченность и конечность окружающего его мира, человек преодолеет ограниченность и отчуждение самого себя как собственника.

Законом движения собственности является ее обобществление, т. е. отрицание ее другой, частной стороны и, следовательно, отрицание собственности как единства частного и общественного. Этот закон обосновывается и раскрывается не только в социалистических и коммунистических доктринах. Задолго до их возникновения отношение к собственности было довольно четко определено в христианском учении. Для того чтобы прийти к Творцу и пребывать в нем, человек должен отречься от всего, а значит, и от личной собственности. Однако для победы над собственностью мало силы отдельного лица, нужны коллективные силы и условия жизни общины.

Религиозная община отличается от гражданского общества тем, что здесь все свои. В обществе же больше чужих, чем своих. В общине отсутствует внешнее принуждение, нет государства. Противоречие личного и общественного здесь снято. Личное начало не только не сталкивается с началом общинным, но находит в нем свое естественное завершение, сохраняя в себе все интимное и субъективное нетронутым. В религиозной общине как высшем сообществе людей личность только раскрывается и развивается до предельной полноты.

Если трансформация современного общества в «религиозный коммунизм любви» весьма проблематична, то переход его от индустриальной стадии развития к постиндустриальной обозначился уже сегодня.

Радикальные изменения трудовых, технологических, производственных (экономических) и хозяйственных отношений в постиндустриальном, информационном обществе коренным образом меняют содержание отношений собственности, а точнее, выводят это содержание за пределы рассмотренного нами ранее понятия собственности.

Основным объектом отношений собственности в постиндустри-

альном обществе становится информация. Среди различных определений этого понятия Т. П. Николаева выделяет (и мы с этим согласны) две его общие черты: 1) *информация* всегда связывается с *процессом*, движением; 2) *информация* способствует прояснению ситуации¹⁸.

К числу важнейших свойств информации относятся следующие:

1) она не исчезает в процессе потребления и, следовательно, может быть использована многократно;

2) она сравнительно быстро устаревает, т. е. подвержена моральному износу;

3) ценность информации в высшей степени субъективна, поэтому ее ликвидность крайне ограничена;

4) в процессе потребления информация неделима — ее невозможно ни недоиспользовать, ни сверх меры употребить, для принятия решения необходим вполне определенный ее объем;

5) информация всегда абстрактна. Для того чтобы ею обмениваться, необходимо постоянно заниматься ее кодированием (шифровкой) и декодированием, т. е. совершать переход от образов к определенному коду (письму, чертежу, электрическому сигналу) и обратно;

6) потребление информации требует определенных навыков и усилий (обусловлено предыдущим свойством): чем сложнее информация, тем большим интеллектом должен обладать ее потребитель; усвоение многих видов информации требует специальных знаний, поэтому ее трудно присвоить;

7) производство информации всегда должно быть адресным (следствие предыдущего и третьего свойств; иначе оно бессмысленно, как бессмысленно, к примеру, звуковое послание к глухонемому);

8) стоимость производимой информации не зависит от масштабов ее использования и, наоборот, объем потребления информации не зависит от объема ее производства;

9) содержание информационного продукта всегда важнее, чем его материальный носитель.

Неосвязаемость и нематериальность информации как процесса стали в свое время основанием для исключения ее из предмета экономической теории и соответственно основанием для непризнания за ней статуса объекта собственности.

¹⁸ Николаева Т. П. Основы информационной экономики. СПб., 2001. С. 38.

Превращение же ее в результате информационного взрыва в последней трети XX в. в главный экономический ресурс общества с рыночной экономикой породило тенденцию рассматривать информацию как специфический товар и специфический объект собственности.

Наконец, предпринимаются попытки синтеза крайних точек зрения, что нередко приводит к размыванию самого содержания таких фундаментальных экономических категорий, как благо, товар, ценность, цена, богатство, без которых нет важнейших определений, образующих понятие собственности.

Мы не можем ставить перед собой задачи исследования того всеобщего социально-экономического феномена информационного общества, который приходит на смену традиционному понятию собственности. Но мы не можем не видеть тенденции распрямления отношений людей и невиданного расширения возможностей, свободы реализации самости человека. Информация — это уже не просто объект присвоения — владения, пользования и отчуждения. С глобализацией жизнедеятельности человека информация становится тем обменом, пришедшим на смену товарному обмену, в котором реализуется не всеобщность товара, а всеобщность, сущность человека как персонификации Высшего Разума. Таким образом, собственность, возникшая как присвоение знания, возвращается к своему развитому началу.

3.2. Реформирование отношений собственности в России

Сегодняшние проблемы реформирования отношений собственности в нашей стране имеют глубокие исторические корни. Вместе с тем история становления, развития и реформирования института собственности в России не отличается большим разнообразием богатством. Любопытно, что долгое время в русском языке вообще отсутствовало само слово «собственность». Вместе него употреблялось слово «собь», «собина». «По какой причине, — спрашивай В. Даль, — свой заменили собственным? Или это высокий слог? . . . Земля ему собственно принадлежит (не по-русски), земля это собина, его и просто: Она его». «Собь». По В.Далю, это — «свойственные нравственные, духовные и все личные качества человека . . .»

¹⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М. 1955. С. 253.

Собственность как правовая категория оформилась в России лишь в XVII в. Если иметь в виду земельные отношения, то они с незапамятных времен регулировались обычаем и непосредственно государственной властью (властью князя). Таким образом, на Руси не существовало отделение власти суверена над людьми (*imperium*) от власти людей над вещами (*dominium*).

Отношение собственности, как это отмечалось, возникает тогда, когда объект присвоения ограничен. Этого нельзя было сказать о северных лесных землях, осваиваемых нашими далекими предками. Предок приходил на свободную, никем не занятую землю и делал ее своей. Если он был не в состоянии освоить лесной участок самостоятельно, он делал это в сообществе с другими и его участок в составе общинной земли становился его наделом. С утверждением на определенной территории воли, власти князя последний становился естественным властителем этих земель, а точнее: земли становились его **вотчиной**.

В дальнейшем вотчинами (или отчинами) стали называться земли, полученные знатью в качестве **княжеского** дара за определенные заслуги. Это были владения монастырей и княжеских служилых людей (бояр). Постепенно вотчинники приобрели свободу не только владения и пользования своими землями, но и их отчуждения.

Во времена Ивана III появляются поместья, которые предоставлялись служилым людям в пользование на определенное время и на конкретных условиях. В отличие от вотчин они не могли отчуждаться без согласия князя и возвращались к нему с прекращением службы владельца **поместья**. Постепенно различия между вотчиной и поместьем размывались и при Петре I исчезли полностью.

Отношения земельной собственности на Руси развивались медленно и существенно отличались от аналогичных процессов в Европе, как по своему содержанию, так и по направлению. В Западной Европе государство возникало на **основе** отношений собственности, закрепляло и оформляло их. На Руси отношения земельной собственности были **производными** от государственной власти.

Только в 1762 г. российские дворяне были освобождены от обязательной государственной службы, и в 1785 г. российская корона признала за ними права собственности на землю. В 1861 г. крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, и только в

1905 г. российские подданные получили гражданские права и представительство в законодательных учреждениях.

Все это было обусловлено объективными и субъективными природными, демографическими, историческими и иными условиями становления и развития России, закономерностями и случайностями общемирового исторического процесса.

В силу этих условий Россия отставала в своем социально-экономическом развитии от передовых европейских стран и рано или поздно вынуждена была либо догонять их, либо исчезнуть как самостоятельное государственное образование.

Рассматривая участие России в общемировом хозяйственном развитии, В. Т. Рязанов определяет период с начала XIX в. по настоящее время как **гиперцикл** модернизации российской экономики. В пределах этого гиперцикла выделяются три этапа радикальной ломки хозяйственно-государственного строя и пять волн социально-экономических реформ. Первый этап — это переход от аграрного строя с сильными элементами крепостничества к частнокапиталистическому. Обозначенный началом XIX в., он включает в себя три волны реформ — реформы Александра I, Александра II и Витте-Столыпина.

Второй этап начинается революционной сменой капиталистического строя социалистическим. Он включает в себя завершение третьей волны реформ (реформы Витте-Столыпина) и НЭП как четвертую волну.

Наблюдаемый сегодня третий этап начался завершением четвертой волны реформ (денежная реформа 1947 г., реформы Маленкова, хрущевская «оттепель», реформы Косыгина) и новой пятой волной (попытки реформ Андропова, «перестройка», «шоковая терапия»).

«Каждая волна гиперцикла включает в себя фазу реформ и контрреформ. Содержанием всего гиперцикла является становление и развитие в России рыночных отношений»²⁰. Пульсирующий и циклический характер этого движения объясняется общемировыми экономическими закономерностями, теориями цивилизационного развития и прежде всего теорией модернизации.

С позиций названных теорий и других технологических концепций экономического роста (стадий роста) подобная периодизация

²⁰ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России (XIX–XX вв.). СПб., 1998. С. 132.

вполне допустима. Если рассматривать период с начала XIX в. до наших дней как гиперцикл становления и развития рыночных отношений, т. е. становления и развития капитализма, Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней социально-экономическая трансформация предстают лишь как момент этого становления и развития. Можно, конечно, рассматривать начальный этап Октябрьской революции как завершение реформ Витте-Столыпина, но не только. Можно рассматривать денежную реформу 1947 г. как начало эрозии нерыночной экономики СССР, но не только. И, конечно, денежная реформа 1947 г. и шоковая терапия 1992 г. — не только близнецы-братья в едином этапе эволюционного развития рыночных отношений в России. Сущностное содержание каждого этапа, каждой волны и гиперцикла в целом следует определять и рассматривать как противоречивое единство разнонаправленных движений реформ и контрреформ. В основе этого противоречия лежит основное противоречие отношений собственности.

Нынешнее состояние отношений собственности в России есть результат революционного разрешения противоречий собственности предшествующего этапа ее экономического развития. Понять и объяснить это состояние невозможно без анализа его источников.

Общий закон «критической массы», ведущий к революционному социальному взрыву, получил классическую формулировку у В.И.Ленина: «Революционная ситуация складывается тогда, революция являет себя тогда, когда "низы" не хотят, а "верхи" не могут жить по-старому». Этот общий закон обнаруживает себя в системе конкретных интересов, причин, или условий революционного взрыва. Среди этих причин определяющей, на наш взгляд, выступает извечное стремление людей к свободе. «Рефлекс свободы, — писал И. П. Павлов, — типичная черта, характерная реакция всех живых — является наиважнейшим из числа врожденных инстинктов. Благодаря ему любое, даже небольшое препятствие на пути живого организма разрушается, если противоречит его жизненному курсу»²¹.

Таким образом, «низы» не хотят жить по-старому тогда, когда социально-экономическая система, составляющей которой они являются, жестко ограничивает их свободу, подавляет их стремление Реализовать свои базовые, жизненные способности и потребности.

Эти стремления могут быть реализованы в пределах данной системы, если «верхи», образующие другую ее составляющую, в состоянии, могут ее сохранить. Они смогут жить по-старому, если в состоянии разработать систему действенных мер, направленных против революционных поползновений масс; изменить условия, подавляющие или ограничивающие стремление большинства населения к реализации своих жизненных интересов; дезорганизовать или расколоть оппозицию; найти безопасный для системы выход революционной энергии народа.

Системный кризис отношений собственности находит выражение прежде всего в кризисе **государственной власти**.

Спрашивается, какое отношение имеет **власть** к собственности? Властвовать — значит владеть, обладать волей, свободой своей и других во всех ее (свободы) ипостасях. Эта свобода включает в себя и свободу развития производительных сил. Поэтому формационная теория революции, объясняющая ее обострением и разрешением противоречия между производительными силами и ограничивающими их свободу производственными отношениями **правильно** отражает и описывает движение и противоречие свободы на определенном уровне ее развития. Но эта теория не может претендовать на полноту и, следовательно, истинность, **поскольку** она останавливается в исследовании свободы на уровне отношения производительных сил и производственных отношений. **Между** тем революция есть разрешение противоречия **всеобщей свободы** как субстанции конкретно-всеобщей собственности, представленной всей системой социально-экономических институтов и прежде **все**го системой государственной власти. Социальная революция — это кризис всеобщего хотения и всеобщего долженствования, т. е. **все**общей воли, которая представлена прежде всего государственной властью.

«Атмосфера предреволюционных эпох, — отмечал П. Сорокин, — всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уже о силовом сопротивлении революции. Не способны они и на **разделе**ние и ослабление оппозиции, сокращение репрессий или организации "выхода" репрессированных импульсов в неревolutionное **русь**ло. Практически все дореволюционные правительства несут в **се**бе характерные черты анемии, бессилия, нерешительности, некомпетентности, растерянности, легкомысленной неосмотрительности,

а с другой стороны, распущенности, коррупции, безнравственной изощренности и т.д. Безмозглость, безволие, бесхитрость»²².

С позиций теории формационного развития безволие российско-го императора Николая II не могло оказать какого-либо существенного влияния на развитие революционных событий февраля — октября 1917 г. С позиции же теории социальной синергетики открытая система может быть приведена в неравновесное состояние под влиянием любого незначительного фактора, в том числе и субъективного.

Февральская революция 1917 г., не разрешив системного кризиса в России, породила слабую власть, которая не могла не уступить место сильной власти в форме диктатуры.

Диктатура есть всеобщая воля, **насильственно** сведенная к воле единичного. И именно эта воля единичного, ставшая господствующей, полагает свое наличное бытие, **монопольную собственность**.

История свидетельствует, что вне зависимости от своей социальной направленности политика тоталитарного государства всегда сопровождается ограничением и подавлением всяческих свобод. Неудивительно, что в экономических доктринах и политике двух противостоявших друг другу тоталитарных систем — коммунизма, с одной стороны, и национал-социализма (фашизма), с другой — можно найти много общего.

Один из национал-социалистических теоретиков давал следующее толкование этой политики: «Собственность является еще одной отличительной чертой национального (*volkisch*) режима. Марксистская и большевистская доктрина представляет собственность как воровство и на этом основании приговаривает ее к уничтожению путем "передачи средств производства в руки общества". В отличие от марксистско-большевистской теории, немецкий социализм, составляющий основу новой конституции, признает собственность как необходимую составляющую часть национального устройства общества. Но он не менее решительно отвергает порочное либеральное представление о частной собственности. Для немецкого социализма всякая собственность есть общая собственность (*Gemeingut*)»²³.

Бывший социалист самого радикального толка, а затем основа-

²² Там же. С. 288.

²³ ПауэнсР. Собственность и свобода. С. 287.

тель и вождь фашистской партии Италии Муссолини в мае 1934 г. сообщил палате депутатов, что 3/4 промышленности и сельского хозяйства страны находятся в руках государства, чем, как он считал, созданы условия, позволяющие ему, когда он сочтет необходимым, ввести в стране либо «государственный капитализм», либо «государственный социализм»²⁴.

В нацистской Германии государство вмешивалось в экономическую жизнь на всех уровнях — регулировало цены, зарплату, дивиденды и капиталовложения, ограничивало конкуренцию и улаживало трудовые споры. В 1939 г. был запрещен переход рабочих с предприятия на предприятие и отменены коллективные договоры. Декретом 1937 г. устанавливалось, что крестьянину, эффективно обрабатывающему землю, может быть предписано исполнение определенных указаний государства, а в случае ослушания, его хозяйство может быть в принудительном порядке передано в опеку или в аренду более умелому хозяину; в крайних случаях предусматривалось лишение его собственности. Правительство определяло, какие культуры крестьянину полагается выращивать и какую часть собранного урожая зерновых он обязан отдать государственным заготовителям²⁵.

Вместе с тем причины, вызвавшие к жизни эти две тоталитарные системы, были разными.

Были ли революционный взрыв 1917 г. и последовавшие за ним события в России исторически обусловленными и объективно необходимыми?

С точки зрения представителей ортодоксального марксизма и теории формационного развития социалистическая революция и социалистическое общество в отдельно взятой России невозможны.

С позиций социальной синергетики социалистическая направленность Октябрьской революции 1917 г. вполне объяснима. Согласно этой теории, состояние максимальной хаотичности системы, которое соответствует переломному, критическому моменту неопределенности будущего развития, называется точкой бифуркации (от лат. *bifurcus* — раздвоенный) — точкой «разветвления» возможных путей эволюции системы. Исход эволюционного процесса определяется соотношением конкретных внутренних и внешних факторов

²⁴Opera Omnia di Benito Mussolini XXVI (Firenze, 1958). S.256.

²⁵Паўіч П. Собственность и свобода. С. 290.

(источников и стоков). Любой из них может стать решающим и как только это определится, направление развития всей системы начнет подчиняться необходимости. Оно predetermined этим фактором как финалом развертывания нелинейного процесса и сведением множества траекторий движения к единому результату.

Таким фактором, определившим социалистическую направленность революции в России, П.Б.Струве, не ведавший постулатов синергетики, считан комбинацию социализма образованных классов и отсутствие духа собственности в крестьянских массах. «Институт собственности, — писал П. Б. Струве, — был беззащитен с двух сторон: от него духовно отреклась интеллигенция и к нему еще не пришли народные массы. Этим определилось то отсутствие стойкого и сознательного сопротивления, которое встретила в России революция, обращенная против собственности»²⁶.

Реформа 1861 г. предоставила крестьянину личную свободу и дала ему землю в постоянное пользование и неотъемимое **сословное владение**. Но она не сделала его собственником. Крестьянин был **наделен** землей, но не собственностью на землю.

Эту половинчатость реформы 1861 г. призвана была исправить столыпинская аграрная реформа 1906-1917 гг. Выдавая ее за образец аграрного реформирования в России, сегодняшние сторонники частной собственности на землю забывают о провале этой реформы и ее социально-экономических последствиях.

К 1 января 1916 г. из общин вышло только 2478 тыс. домохозяев с 16 919 тыс. десятинами земли, что составило всего 26% числа общинных дворов и около 15% площади крестьянского общинного землевладения. За 1908-1915 гг. более половины вышедших из общин крестьян **продали** свои наделы. Социально-экономическим последствием столыпинского аграрного реформирования был голод 1911 г., от которого пострадало более 30 млн человек сельского населения²⁷.

Важнейшей причиной провала столыпинской реформы стало то, что она не отвечала интересам основной массы русского крестьянства и российского общества.

Воля русского крестьянства в канун Октябрьской революции была выражена в Примерном наказе, составленном на основании

²⁶Струве П. Б. Россия // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Под ред. К.Исупова, И. Савкина. СПб., 1993. С. 262

²⁷Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Под ред. А.М.Румянцева. М., 1980. В 4 т. Т. 4. С. 74.

242 наказов, привезенных с мест депутатами I Всероссийского съезда Советов, состоявшегося летом 1917 г. «Самое справедливое разрешение земельного вопроса, — говорилось в этом наказе, — должно быть таково:

Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, частновладельческая, общественная, крестьянская и т.д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней»²⁸.

Таким образом, среди общеизвестных причин и особенностей Октябрьской революции 1917 г. мы выделяем неразвитость отношений собственности, проявившуюся в слабости государственной власти и отсутствии национальной теории, доктрины социально-экономического развития России.

Идеи социализма были импортированы в Россию, где они сравнительно легко овладели «несобственническим» сознанием масс, но не смогли превратиться в материальную силу, реализоваться из-за отсутствия необходимых объективных условий. Этими отсутствующими необходимыми условиями была опять-таки, как это ни парадоксально, неразвитость отношений собственности.

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшее за ней социально-экономическое реформирование были попыткой **перепрыгнуть** объективно обусловленные стадии экономического развития.

Несмотря на свои социалистические лозунги, Октябрьская революция по своим **непосредственным** целям была революцией не социалистической, а антикапиталистической, антиимпериалистической.

Противоречие, приведшее революцию к трагическому финалу, заключается, на наш взгляд, в том, что она пыталась решить задачу создания в стране индустриальной базы, адекватной развитому капитализму, некапиталистическими методами, т. е. в форме некапиталистических производственных отношений. Другими словами, для того, чтобы перейти к постиндустриальному, посткапиталистическому обществу, в России нужно было построить развитой капитализм не адекватными ему методами.

Октябрьская революция освободила россиянина от оков старо-

²⁸Нормативные акты о земле. М., 1978. С. 74.

го гражданского общества и государства, но она не смогла облачить его в новые социальные одежды, поскольку, во-первых, таких одежд не оказалось в наличии, а, во-вторых, даже если бы их можно было приобрести извне, они оказались бы не по плечу освобожденному.

Задача формирования действительно свободного человека в обществе социального равенства и справедливости оказалась не только чрезвычайно сложной, но и не имеющей решения в исторических условиях первой половины XX в.

Значение Пройденного с 1917 г. страной пути состояло в том, что, несмотря на колоссальные социальные издержки, Россия достигла индустриальной стадии развития и вплотную приблизилась к переходу к качественно новой стадии. Но парадокс исторического развития обнаружил себя в том, что исторические условия нового революционного скачка в развитии советского общества явились в то же время условиями контрреволюции, регрессивного движения человека и общества. Огромные материальные и духовные ценности, созданные в нашей стране человеком, сам человек как высшая ценность оказались отчужденными и стали легкой добычей антиобщественных и антигосударственных деструктивных сил. Никогда еще противоречие между абстрактными лозунгами свободы, равенства и справедливости, с одной стороны, и действительностью, с другой — не достигало такой остроты, как сегодня в нашей стране. Попытки теоретического осмысления и выработки политики реформирования советской государственной собственности привели к необходимости выбора одной из двух известных концепций перехода от административно-командной системы к рыночной экономике: градулистской и концепции «шоковой терапии».

Градулистскую концепцию представляли международная экспертная группа «Адженда» в лице Я. Крегеля, Э. Мацнера, Г. Грабера и ряд других американских ученых, изучающих экономику постсоветского периода. Сторонников «шоковой терапии» представляли эксперт Международного валютного фонда, советник правительства Е. Гайдара Дж. Сакс, А. Ослунд и консультант Европейского экспертного отдела Б. Гранвиль.

Властные реформаторы, придавая анафеме Октябрьскую революцию и революционный путь социального развития вообще, сделали выбор в пользу «шоковой терапии», т.е. революционного способа осуществления социально-экономических реформ. События августа 1991 г. и последующих лет существенно отличались

от революционных потрясений октября 1917 г. и в то же время были разительно похожи на них. В отличие от революции 1917 г. происходившее в 1991-1992 гг. — контрреволюция без четких политических лозунгов и социально-экономической программы, без революционных масс, героев и вождей. В то же время, как и революция 1917 г., она была направлена на полное, насильственное разрушение старой социально-экономической системы и сопровождалась импортом не только чуждых обществу идей и социально-экономических институтов, но и самой программы социально-экономического формирования.

Как и Октябрьская революция, она не встретила серьезного сопротивления собственников, поскольку таковые в СССР отсутствовали. Как и Октябрьской революции 1917 г. событиям 1991-1992 гг. предшествовал период резкого ослабления государственной власти, государственного и политического безволия.

«Эрозия политического режима, бурно протекавшая на протяжении всех 80-х годов, — пишет А. Чубайс, — к концу десятилетия изъела этот режим окончательно: советская управленческая система разложилась, она была бессильна и недееспособна, а компартия — распущена»²⁹. Ничейная государственная собственность была, по утверждению А. Чубайса, объектом прямого грабежа через создание разного рода акционерных обществ и их «аренды с последующим выкупом». Спонтанная приватизация велась исключительно в интересах существовавшей тогда элиты и никакого вторжения государства в эти интересы она не допускала. Присваивали государственную собственность «сильные, смелые и наглые». По свидетельству А. Чубайса, «спонтанная же приватизация была криминальна абсолютно вся, от начала до конца, потому что под ней вообще не было никакой легальной базы»³⁰.

Таким образом, в отличие от знамен Октябрьской революции 1917 г., на которых было начертано «Грабь награбленное», спонтанные приватизаторы несли транспаранты, на которых под призывом борьбы с привилегиями государственных чиновников и партноменклатуры, стыдливо прятался призыв «Грабь народное».

Из сегодняшних откровений А. Чубайса мы узнаем, что его учеры призваны были остановить этот грабеж и сделать всех членов общества собственниками.

²⁹Приватизация по-русски / Под ред. А.Чубайса. М., 2000. С. 25.

³⁰Там же. С. 32.

«В то время как наша команда (тоже часть государства), — утверждает А. Чубайс, — отстаивала принципы равного доступа к собственности всех социальных групп населения, другая часть государственной власти (Верховный Совет, высокопоставленные и не очень чиновники из аппарата правительства) упорно протаскивали всевозможные льготы для избранных, а то и вообще откровенно боролись с приватизацией. Сложившуюся в итоге ситуацию можно охарактеризовать так: мы получили приватизацию справедливую ровно настолько, насколько состоятельной и вменяемой была сама государственная система»³¹.

Насколько обоснованы эти утверждения «отца российской приватизации»?

3.3. Социально-экономические последствия преобразования отношений собственности в Российской Федерации

Основой экономической политики правительства радикально-либеральных реформаторов на первом этапе являлся разработанный в начале 90-х гг. МВФ, Всемирным банком и Министерством финансов страны комплекс мероприятий по реформированию экономики России, получивший название **Вашингтонского консенсуса**.

В числе этих мероприятий предусматривалась приватизация государственной собственности и дерегулирование экономики. Правительству предлагалось отменить меры государственного регулирования, препятствующие созданию новых компаний или ограничивающих конкуренцию. Оно обязывалось дать гарантию, что меры по регулированию будут направлены только на обеспечение экономической безопасности, защиту окружающей среды или осуществление оправданного надзора над финансовыми институтами. Законодательная система должна была специфицировать права собственности.

В 1997 г. был разработан новый вариант консенсуса — **Поствашингтонский**, который предусматривал создание ключевых экономических институтов и усиление социальной ориентации реформ.

Цели приватизации в России были сформулированы в Государственной программе приватизации, принятой Верховным Советом Российской Федерации в июне 1992 г. Это — формирование слоя

³¹Там же. С. 352-353.

частных собственников, повышение эффективности деятельности предприятий путем их приватизации; создание конкурентной среды и содействие демополизации народного хозяйства; привлечение иностранных инвестиций; социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации; содействие процессу стабилизации финансового положения РФ; создание условий и организационных структур для расширения масштабов приватизации в 1993-1994 гг.

Способы приватизации в Российской Федерации впервые были определены в законе «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» от 3 июля 1991 г.

Законом было установлено, что приватизация государственных и муниципальных предприятий осуществляется путем их купли-продажи по конкурсу или на аукционе, посредством продажи долей (акций) в капитале предприятия, а также путем выкупа имущества, сданного в аренду полностью или частично.

Приватизация предприятий в форме продажи долей в их капитале (акций) осуществляется после преобразования государственных и муниципальных предприятий в акционерные общества.

Способы приватизации конкретизировались и модифицировались в «Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации»; утвержденной Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 г., в «Основных положениях государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 г.», утвержденных Указом Президента РФ от 22 июля 1994 г., и в Федеральном Законе «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» от 24 июня 1997 г. В последнем документе определены следующие способы приватизации:

1) продажа государственного и муниципального имущества **на** аукционе, в том числе продажа акций, созданных в процессе приватизации открытых акционерных обществ на специализированном аукционе;

2) продажа государственного или муниципального имущества **на** коммерческом конкурсе с инвестиционными и (или) социальными условиями;

3) продажа акций, созданных в процессе приватизации открытых акционерных обществ их работникам;

4) выкуп арендованного государственного или муниципального имущества;

5) преобразование государственных и муниципальных унитарных предприятий в открытые акционерные общества, 100% акций которых находится в государственной и муниципальной собственности;

6) внесение государственного или муниципального имущества в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ;

7) отчуждение находящихся в государственной или муниципальной собственности акций, созданных в процессе приватизации открытых акционерных обществ, владельцам государственных или муниципальных ценных бумаг, удостоверяющих право приобретения таких акций.

При определении способа приватизации государственного или муниципального имущества комиссия по приватизации учитывает: предложения, содержащиеся в заявках на приватизацию государственного или муниципального имущества, поданных в соответствующие органы по управлению имуществом; отраслевые особенности объектов приватизации, их социально-экономическое значение для территории; рыночную стоимость объектов приватизации.

Решение о выборе способа приватизации государственного имущества принимают соответственно Правительство Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, соответствующие органы по управлению имуществом.

В самом процессе приватизации можно выделить три этапа: первый этап, обозначенный 1991-1992 гг., получил название *спонтанной* приватизации. Реальные объемы приватизации на этом этапе трудноопределимы.

Этап 1992-1994 гг. — это так называемая *чековая*, или *ваучерная*, приватизация. Население России получило 146,064 млн приватизационных чеков.

Основные показатели хода приватизации на ее втором этапе представлены в табл. 1.

С июля 1994 г. берет начало третий этап — этап денежной приватизации. Он характеризуется переходом от преимущественно безвозмездной передачи государственной собственности к ее продаже по рыночной цене.

Изменение числа предприятий и организаций по формам собственности за 1995-1998 гг. представлено в табл. 2.

Данные таблицы свидетельствуют, что за 1995–1998 гг., т.е. за

**Таблица 1. Основные показатели хода приватизации
в России в 1992-1994 гг.***

Изменения нарастающим итогом с 1 января 1992 г.	К 1 янв. 1993 г.	К 1 янв. 1994 г.	К 1 июля 1994 г.
Госпредприятия на самостоятельном балансе	204 998	156 635	138 619
Поданные заявки на приватизацию	102 330	125 492	137 501
Реализованные заявки	468 15	88 577	103 796
Госпредприятия, преобразованные в АО	2376	14 073	20 298
Предприятия на аренде (с выкупом)	13 868	14 978	15 658

*Источник: Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М., 1998.

Таблица 2. Динамика роста числа предприятий и организаций по формам собственности в России за 1995—2001 гг. (на 1 января)*

Формы собственности	Число предприятий (организаций), тыс.				В % к итогу			
	1995	1997	1999	2001	1995	1997	1999	2001
Всего:	1946	2505	2901	3347	100	100	100	100
— государственная	325	233	148	151	16,7	9,3	5,1	4,5
— муниципальная	171	184	183	217	8,8	7,4	6,3	6,5
— общественные объединения (организации)	53	130	183	223	2,7	5,2	6,3	6,7
— частная	1216	1426	21	2509	62,5	69,1	74	75
— прочие формы собственности, включая смешанную собственность, собственность иностранных юридических лиц, граждан и лиц без гражданства	181	1731	2147	237	9,3	9,3	9,1	8,7

*Источники: Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М., 1998.

период денежной приватизации количество государственных предприятий уменьшилось почти в 2 раза, частных — увеличилось в 1,7, общественных — выросло почти в 3 раза. На 1 января 1998 г. удельный вес предприятий в форме частной собственности составил 73,2%, и они стали занимать в структуре предприятий доминирующее положение. Структура приватизированных предприятий по способам приватизации характеризуется данными табл. 3.

Таблица 3. Структура приватизированных предприятий по способам приватизации*

Способы приватизации (в % к итогу)	1993	1994	1995	1996	1997
Акционирование	31,1	44,8	27,7	22,5	18,1
Продажа на аукционах	6,3	4,4	4,2	3,9	5,5
Коммерческий конкурс	30,4	24,0	15,9	8,9	9,6
Инвестиционный конкурс	1,3	1,2	1,1	0,7	0,5
Выкуп арендованного имущества	29,5	20,5	29,8	32,1	14,6
Продажа недвижимости	-	-	15,4	22,9	38,5
Продажа земли	-	-	0,6	1,5	2,6
Прочие	1,4	5,1	5,3	7,5	10,6

**Источник:* Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М., 1998.

Как следует из данных таблицы, основными способами приватизации за рассматриваемый период стали акционирование, коммерческий конкурс, выкуп арендованного имущества и продажа на аукционах. Очень редко использовался инвестиционный конкурс, а продажа земли как способ приватизации стал использоваться лишь с 1995 г., когда начался денежный этап приватизации.

Каковы же результаты приватизации в России?

Очевидно, что попытка преодоления пропасти, отделявшей страну «казарменного социализма» от «цивилизованного» общества с рыночной экономикой, закончилась неудачей. В итоге десятилетнего реформирования отношений собственности Россия оказалась в состоянии глубочайшего трансформационного социально-экономического кризиса.

Из тех целей, которые были сформулированы в Государственной программе приватизации 1992 г., в какой-то степени удалось реализовать лишь две: формирование слоя частных собственников и демополизацию народного хозяйства. Слой частных собственников создан, но это совсем не тот частный собственник, которого изображали на своих политических плакатах реформаторы. Не решена главная задача приватизации — формирование эффективного частного собственника, повышение эффективности деятельности предприятий и экономики в целом. Да, разрушена монополия государственной собственности, но вместо нее сформировалась монополия олигархических кланов, контролирующих около 50% экономики страны.

Уже на первых этапах обвальная приватизация российская эко-

номика резко пошла вниз по всем важнейшим показателям. Их динамика приводится в табл. 4.

Таблиц 4. Динамика основных показателей экономики России в 1990–1996 гг. (в % к 1989 г.)*

Показатели	Г о д ы						
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Валовой внутренний продукт	98	81	57	51	43	41	38
Промышленное производство	98	83	74	62	47	42	35
Сельскохозяйственное производство	96,4	92	85	81	75	64	63
Инвестиции	100	87	46	40	32	28	24

* Источник: Российские статистические ежегодники.

Замедление технического прогресса, простой производства, разрушение хозяйственных связей и распад единого воспроизводственного комплекса на автономно развивающиеся сектора, хаос в сфере денежного обращения привели к резкому снижению эффективности общественного производства, одним из показателей которой является показатель производительности труда. Падение последнего таково, что статистические органы перестали сообщать сведения о нем. По расчетам Института экономики РАН производительность общественного труда в России в 1990–1995 гг. уменьшилась почти в 3 раза: по отношению к 1989 г. она составила в 1990 г. — 97,3%, в 1991 — 85,4, в 1992 — 68,8, в 1993 — 39,4, в 1994 — 34,7, в 1995 г. — 33,9%. Еще более серьезным будет выглядеть падение эффективности хозяйствования, если учесть снижение фондоотдачи, поскольку простаивало до 45–50% производственных мощностей.

Программа приватизации обещала реструктуризацию и реконструкцию народного хозяйства на новой технической основе за счет отечественных и иностранных инвестиций. Сегодня страна имеет старые, изношенные на 80% основные производственные фонды и массовое бегство отечественного капитала за пределы России. По некоторым данным за рубежом осело 250–300 млрд долл., бежавших из России. Вместе с этим до 170 млрд долл. выросла внешняя задолженность российского государства.

Разрушительными оказались последствия приватизации и в аграрном секторе экономики.

Основными направлениями реформирования аграрных отношений в России стали:

1. Реорганизация колхозов и совхозов путем преобразования их в акционерные общества (АО), товарищества с ограниченной ответственностью (ТОО), сельхозкооперативы и другие коллективные формы.

2. Создание крестьянских (фермерских) хозяйств.

3. Предоставление (за плату и бесплатно) земельных участков в собственность граждан для садоводства, огородничества, организации личного подсобного хозяйства и иных целей.

Большинство реформируемых хозяйств предпочло первый путь. Во всех новых коллективных хозяйствах произведен условный раздел земли между постоянными членами и любой из них имеет право выйти из состава хозяйства со своим паем без согласия на то трудового коллектива или администрации.

Пик фермерского движения пришелся на 1995 г. Затем количество фермерских хозяйств стало сокращаться. В 1997 г. количество хозяйств сократилось на 4,3 тыс., в 1998 — более чем на 8 тыс., в 1999 г. число фермерских хозяйств приблизилось к уровню 1994 г.

Таким образом, хаотичное, беспрограммное, осуществляемое сверху революционным путем реформирование российских аграрных отношений, направленное на создание фермера — собственника, как основного сельскохозяйственного производителя, закончилось полным провалом.

Последствия его катастрофичны. В 1996 г. в процентах к 1989 г. производилось: зерна — 66%, сахарной свеклы — 42, подсолнечника на зерно — 76, овощей — 88, мяса — 53, молока — 65, яиц — 65%.

Главной целью приватизации в России, ее абсолютной ценностью, как это определил А. Чубайс, — было создание частной собственности. В создании же частной собственности, на наш взгляд, главной задачей является **формирование субъекта** частнособственнических отношений.

Между тем ход и итоги приватизации оказали резко отрицательное влияние на отношение населения к предпринимательству. По данным опроса, проведенного ВЦИОМ, в 90-х годах XX в. более половины работников считало его в крупном производстве малоэффективным и даже вредным. 1/3 опрошенных определенно заявила о своей неготовности брать на себя ответственность в конкурентной среде, 30% — не определили свою позицию. В результате приватизации на конкурентную арену вышел социальный слой, готовый к присвоению государственных предприятий за низкую цену, но не располагающий опытом управления

и экономической реализации собственности в современных условиях.

Нерешенной проблемой эффективной конкуренции остается создание рыночной инфраструктуры и правовых основ хозяйственной деятельности. Нестабильность и существенные пробелы в хозяйственном законодательстве до сих пор не позволяют предпринимателю понять, какие правоотношения регулируются различными категориями правовых актов. Недостаточно разграничены полномочия Российской Федерации ее субъектов и местного самоуправления. Главная проблема — невыполнение уже имеющихся законов. Законы подменяются подзаконными актами, субъективным толкованием нормативных документов на местах. На федеральном и региональном уровнях действует много актов, противоречащих друг другу. Из-за недостаточного финансирования и авторитета судебных и исполнительных органов их функции берут на себя мафиозные структуры. Реформы даже близко не подошли к решению проблемы спецификации прав собственности.

Реформирование отношений собственности отозвалось тяжкими последствиями в социальной сфере. Вместо обещанной программой приватизации социальной защиты населения и развития объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации, произошло полное разрушение институтов и системы социального обеспечения и социальной защиты населения, резкое падение уровня жизни и массовое обнищание народа России. Галопирующая инфляция проглотила все денежные сбережения населения. По официальным данным реальная заработная плата уменьшилась за 1991-1996 гг. на 29%, а по сведениям профсоюзов — на 50%. Августовский кризис 1998 г. повторил катастрофу октября 1994 г. Более 40% населения страны оказалось за чертой бедности.

Произошла резкая поляризация общества. В 1996 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 34% денежных доходов, а на долю наименее обеспеченных **семей** — 2,6%.

Интегральным показателем социальной ситуации служит, как известно, продолжительность жизни. Если в конце 80-х годов она составляла 70 лет, то в 1995 г. — 65 лет. В 1960 г. число умерших на 1000 населения составляло 7 человек, а в 1999 г. — 14 человек. Сегодня по показателям уровня жизни Россия занимает 71-е место среди стран планеты.

Разрушение науки, культуры, систем образования и социальной защиты, культ денег, нажива любыми средствами привели к

моральной и нравственной деградации общества. Невиданные масштабы и формы приобрела преступность, из года в год растет число самоубийств. За последние 5 лет число наркоманов и токсикоманов увеличилось в 6 раз и составило около 10 млн человек.

В стране процветает теневая и деструктивная (криминальная) экономика, которая разрушает или сдерживает нормальное развитие человека через формирование и удовлетворение его иррациональных потребностей. Она наносит непоправимый ущерб обществу путем хищений, различного рода аварий, покушений на отношения собственности, системы социального обеспечения, финансов и т.д. Деструктивная экономика подрывает право, мораль, государственные институты. Ее «средствами производства» являются насилие, взятка, коррупция, убийство, лишаящие человека не только прав на свободу, равенство и справедливость, но и на жизнь.

По данным МВД РФ за 1993-1996 гг. в стране выявлено около 800 тыс. экономических преступлений.

К началу 1997 г. в сфере криминального влияния и контроля находилось более 40 тыс. хозяйствующих объектов с разными формами собственности, в том числе 1,5 тыс. государственных предприятий, 4 тыс. акционерных обществ, свыше 500 совместных предприятий, 500 банков, почти 700 оптовых и розничных рынков. 55% капитала и 80% голосующих акций при приватизации перешли в руки отечественного и иностранного капитала.

Эффективность любой деятельности определяется сопоставлением положительных результатов с издержками или затратами, связанными с этой деятельностью. Следовательно, для определения эффективности экономической реформы, осуществляемой на основе реформирования отношений собственности, необходимо сопоставить ее положительные результаты с затратами. Единственным позитивным результатом социально-экономического реформирования России является демократизация общественной и государственной жизни. Надо сказать, что и эти положительные результаты весьма относительны, поскольку стали объектом купли-продажи. Собственность олигархов (частная криминальная собственность) реализует себя в общественной жизни, в политике, в государственных институтах и государственной власти.

Приватизация государственной собственности немислима без развития рыночных отношений, без спецификации, защиты и обмена правами собственности, что необходимо предполагает рост транзакционных издержек. Но этот рост допустим в определенных

пределах. Методика расчета трансакционных издержек не разработана. Об их динамике в процессе реформирования отношений собственности в России можно судить лишь по ряду косвенных показателей, в том числе по величине и доле накладных расходов в себестоимости продукции, занятости в трансакционном секторе и др.

Так, если в 1990 г. в сфере торговли было занято 5,9 млн человек, или 7,8% от общей численности работников, занятых в народном хозяйстве, то в 1995 г. число занятых в торговле превысило 6,5 млн человек, или 9,7% всей численности работников народного хозяйства. Если к этому добавить 10-15 млн человек, которые участвуют в так называемой неорганизованной торговле, и 1-2 млн «челноков», то получается, что в сфере торговли занято 20-30% всех работающих в народном хозяйстве.

Количество занятых в финансовой сфере в 1990 г. составляло 403 тыс. человек, или 0,5% самодеятельного населения. В 1997 г. количество занятых в секторе финансовых услуг составило 900 тыс. человек, или 1,3% общей величины занятости в народном хозяйстве. Выплаченная им заработная плата, включая социальные выплаты, составила около 9 трлн руб., или 0,7% ВВП в сравнении с 0,2% ВВП в 1987 г.

Численность частных охранных структур по разным оценкам достигает 270-300 тыс. человек. Только на выплату жалования этого рода работникам расходуется 1,5-2 млрд долл. в год. Численность личного состава МВД РФ превысила совокупную численность личного состава МВД и КГБ бывшего СССР и приблизилась к 1,5 млн человек.

В 1993 г. расходы госбюджета на правоохранительную деятельность и безопасность составляли 5% всех государственных расходов, в 1995 — 7, в 1997 г. — свыше 10%.

В 2000 г. в России ежемесячно регистрировалось около 30 тыс. предприятий. Совокупные годовые издержки по регистрации составляли до 130 млн долл., по лицензированию — более 100 млн долл., по маркированию продукции знаками соответствия, защищенными от подделок, — 200-270 млн долл. Издержки потребителей, связанные с преодолением разного рода административных барьеров, колебались от 500 до 550 руб. в месяц на семью.

Список примеров стремительного роста трансакционных издержек можно было бы продолжить, но и из приведенных видно, что они выросли многократно. При падении объемов производ-

ства в еще большей степени возрастают удельные транзакционные издержки, что свидетельствует не просто о неэффективности, а о разрушительном эффекте проводимых в России экономических реформ и прежде всего приватизации государственной собственности.

Причиной деструктивности реформирования собственности в России является непонимание и нежелание реформаторов понять ее противоречивую сущность и законы ее движения.

Забвение положения о том, что собственность есть система хозяйственных отношений, включающих в себя и систему технологических отношений, привело к непониманию того, что разрушение сложившихся отношений собственности есть в то же время разрушение общественных производительных сил, к непониманию или сознательному игнорированию того элементарного положения, что прежде чем разрушать до основания старый дом, надо построить новый.

Мы считаем, что в условиях СССР с его мощной индустрией и высокомеханизированным крупным сельскохозяйственным производством не было необходимости в непосредственной форсированной приватизации крупных государственных предприятий. Наиболее эффективным в условиях нашей страны мог бы стать китайский путь перехода к рыночной экономике, предусматривающий **автономное зарождение и развитие** частного сектора вне государственной собственности. Этот путь параллельного существования двух секторов экономики предусматривает создание открытых зон частного предпринимательства, развитие мелкой собственности, привлечение иностранного капитала.

«Либеральные экономисты» утверждают, что китайский путь в нашей стране был невозможен в силу отсутствия сильной государственной власти. Но ведь разрушение всей государственной системы СССР и было первой и главной целью «реформаторов» до и после событий августа 1991 г. В эпоху Ельцина не было никаких попыток создания и укрепления «вертикали власти».

Игнорирование основного закона собственности — права собственности на продукт своего труда, привело к другой крупной ошибке в осуществлении экономических реформ — к резкому сокращению доходов населения по труду и гипертрофированному росту нетрудовых доходов.

Если в своем самом простом определении собственность есть отношение субъекта к объекту как к своему, то каждое **конкрет-**

ное отношение собственности определяется конкретными характеристиками сторон этого отношения, т. е. субъекта-объекта.

Так, всегда и везде в силу своей телесной природы предметы одежды находятся в индивидуальной собственности, городские парки - в общей, оборона — в государственной собственности.

Возьмем такой специфический объект собственности, как земля.

Отношение к земле как к объекту собственности наиболее ярко характеризует понимание радикальными реформаторами соотношения частной собственности и обмена (рынка). По их мнению, достаточно объявить землю товаром, объектом купли-продажи и земельный рынок возникнет сам по себе и заработает в автоматическом режиме. В крупномасштабном **плане** — достаточно молниеносно провести приватизацию, отпустить цены, отменить монополию внешней торговли и сами по себе возникнут необходимые рыночные институты, рыночная инфраструктура, рыночный механизм, правила рыночной игры, которые автоматически обеспечат саморегулирование экономики, ее оптимизацию.

Реформаторы были абсолютно убеждены в том, что согласно теореме Коуза не важно, не принципиально, кто станет собственником на первом этапе приватизации — трудовой коллектив, администрация предприятия или внешний инвестор. Ведь рано или поздно в результате действия саморегулирующего рыночного механизма право собственности на ресурсы получит самый заинтересованный в них и самый эффективный собственник.

Это элементарное непонимание российскими реформаторами природы собственности и рыночных отношений вынужден признать и один из идейных вдохновителей и организаторов экономических реформ в России Дж. Стиглиц.

«Аргумент Коуза, — пишет он, — о том, что произойдет быстрое перераспределение активов в пользу "эффективных" производителей, оказался отчасти несостоятельным ввиду отсутствия подлинного вторичного рынка, по тем же причинам, по каким не было и реального первичного рынка»³². В целом период постприватизационного перераспределения собственности характеризуется концен- ; трацией первоначально распыленного в ходе ваучерной приватизации капитала в руках менеджмента и крупных внешних инвесто- ; ров.

Ожесточенная борьба между последними была базовым кон-

³² Стиглиц Дж. Куда ведут реформы // Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 24.

фликтом первых лет постприватизационного периода перераспределения собственности. В табл. 5 приводятся некоторые данные, характеризующие итоги этой борьбы. Она складывается явно не в пользу старых менеджеров. Если их доля в акциях российских АО составляла в 1995 г. — 10%, а в 1999 г. — 15,0%, то доля внешних инвесторов соответственно — 22 и 45,3%.

Таблица 5. Структура владения акциями в российских АО (в %) *

Собственники	1995 г.	1997 г.	1999 г.
Внутренние, всего:	58,5	51,6	51,3
— работники	48,5	39,5	36,3
— дирекции	10,0	12,1	15,0
— коллективный траст	-	-	-
Внешние, всего:	31,7	41,3	45,3
— юридические лица, всего:	20,7	23,6	22,8
— банки	1,6	1,2	1,7
— инвестиционные фонды	7,2	4,0	5,2
— поставщики, покупатели и другие фирмы	8,1	12,9	11,8
— холдинги и ФПГ	3,5	4,9	3,4
— другие	0,3	0,6	0,7
Государство	9,5	6,5	2,7
Всего:	100	100	100

*Источник: данные Российского экономического барометра.

Другой важной тенденцией в постприватизационном перераспределении собственности является переход от собственности трудового коллектива к собственности обладателей капитала. Если в 1995 г. трудовым коллективам принадлежало 48,5% акций российских АО, то в 1999 г. их доля сократилась до 36,3%. Эта объективная тенденция объясняется тем, что приватизация, формально обеспечив правом собственности большинство трудовых коллективов, не превратила их в реальных собственников. Реально собственность находилась под контролем менеджеров, и они не преминули воспользоваться этим в своих интересах.

Предварительные данные анализа 7534 промышленных предприятий России, проведенного Институтом экономики переходного периода, свидетельствуют о том, что фирмы с большей долей инсайдеров и держателей акций по итогам ваучерных аукционов преобразуются намного хуже, чем фирмы с долей холдингов, иностранцев и «золотой акцией». Фирмы, приватизированные по первому варианту, преобразуются лучше, чем те, которые избрали второй вариант приватизации. Эти же данные показывают, что в сред-

нем в фирмах всех форм собственности преобразования идут слабо, при этом в частных фирмах хуже, чем в государственных. В итоге авторы обследования делают вывод о негативном влиянии приватизации на экономическую эффективность, хотя и отмечают, что ошибочно было бы объяснять это только приватизацией, поскольку результаты деятельности государственных предприятий не намного лучше остальных.

В целом концентрация собственности в руках тех, кто реально контролирует производство и управляет им, выражает объективный процесс создания эффективного собственника. В то же время это противоречит принципу социальной справедливости и демократизации экономической жизни. Ведь одной из целей приватизации, о которой так много говорили реформаторы, было создание в стране **миллионов собственников**.

Мировой опыт показывает, что в современном обществе всеобщего благоденствия предприятия, базирующиеся на коллективной собственности, не только сохраняются, но и укрепляют свои позиции. Это необходимо предполагает совершенствование самих отношений коллективной собственности.

В северной Испании, например, эффективно действует система кооперативов, работающих как самоуправляемые предприятия. Хорошо известны успехи японских корпораций, которые во многом связаны с патерналистскими принципами организации производства. В США широкое распространение получил «План владения акционерной собственностью компаний работниками (ЭСОП)», предусматривающий выкуп акционерной собственности в рассрочку, накопление инвестиционного капитала и участие наемных работников в управлении фирмами. Этот план реализуется под контролем правительства и им же финансируется.

Итак, приватизация, разгосударствление, развал экономики, материальное, нравственное, духовное обнищание населения — свершившийся факт. Можно лишь удивляться как мог сохраниться в десятилетнем авантюрном бурном плаваньи без руля и ветрил, без навигационных приборов и карт, с командой, состоящей из необученных юнг и нетрезвого капитана, российский государственный корабль.

Итогом реформирования отношений собственности в России стали дефолт и финансовый кризис августа 1998 г.

Единственным положительным (с позиций сформулированных в программе «шоковой терапии» задач) итогом деятельности ра-

дикально-либеральных реформаторов является разрушение старой административно-командной системы. Тем самым были сняты и порожденные этой системой жесткие ограничения всех свобод. Точнее, разрушение оков свободы человека и общества означало разрушение старой социально-экономической системы. Вместе с тем это показало, что ничем не ограниченная свобода, и прежде всего свобода экономическая, не совместима ни с эффективной экономикой, ни с социальной справедливостью, ни с подлинной демократией.

Разрушительная фаза реформирования собственности как всеобщего социально-экономического института с объективной неизбежностью порождает свою противоположность — фазу позитивной деятельности, фазу созидания.

3.4. Перспективы развития отношений собственности в Российской Федерации

Всякая созидательная деятельность начинается с разработки ее программы. Такой программой нового постельцинского политического руководства страны должна была стать программа институциональных реформ Г. Грефа. Основные положения этой программы следующие:

- 1) налоговая реформа и сокращение налогового бремени;
- 2) реформирование бюджетной системы. Речь идет о проведении глубоких структурных реформ бюджетного сектора, обеспечивающих рост эффективности использования государственных средств;
- 3) дерегулирование хозяйственной деятельности или, что то же самое, повышение эффективности государственного регулирования. Снижение барьеров для входа на рынок, упрощение системы регистрации, лицензирования и контроля над частнопредпринимательской деятельностью, упрощение реализации инвестиционных проектов;
- 4) обеспечение гарантий частной собственности, включая интеллектуальную. Повышение эффективности использования государственной собственности;
- 5) снижение и унификация таможенных тарифов;
- 6) развитие финансового рынка и финансовых институтов;
- 7) реформа естественных монополий, предполагающая повышение их инвестиционной привлекательности, через разделение на монопольный и конкурентный сектора, что требует максимальной

«прозрачности» их деятельности и максимально возможного стимулирования конкуренции;

8) реформирование системы социальной поддержки и направление концентрации ресурсов на помощь малоимущим;

9) реформирование пенсионной системы в направлении развития накопительных принципов³³.

Изучение этой программы приводит нас к выводу о том, что она исходит из тех же начал и решает те же задачи, которые не смогла или не успела решить до конца прежняя команда реформаторов. Это в основном задачи **тактического** характера.

К сожалению, решать эти старые задачи приходится в значительно худших стартовых условиях, нежели в период начала реформ. Программу Г. Грефа нельзя назвать стратегической, поскольку она, так же как и программа 1992 г., не определяет ни цели социально-экономического развития, ни средства, обеспечивающие движение в направлении реализации цели, ни возможные результаты реализации цели, их эффективность.

Авторы программы не предпринимают никаких попыток ответить на мучительный для всей страны вопрос, что ее может ожидать и что должно быть в ближайшем будущем. По-прежнему один из факторов экономического роста — свобода предпринимательства — абсолютизируется и объявляется целью экономического движения. Тактические задачи, решение которых обеспечивает **целенаправленное** экономическое движение, не субординированы и не скоординированы, т. е. не образуют **системы**.

Мы считаем, что высшей и конечной целью социально-экономического развития страны является создание таких **отношений** собственности, которые обеспечивали бы оптимальное соотношение максимальной эффективности общественного производства и социальной справедливости.

Наполнение этой абстрактной цели конкретным содержанием; обеспечивается решением **системы** социально-экономических задач. Основной, главной среди этих задач выступает задача всемерного развития и укрепления **государственной собственности**. Под последней мы понимаем не только и не столько имущество, которым владеет, пользуется и распоряжается государство, а **осознание** и реализацию государственной властью своей «самости» **как**

³³May В. Экономическая политика России в начале новой фазы // Вопросы экономики. 2001. №3. С. 12–13.

выражение всеобщей воли народа, национального духа, национальной идеи.

Если собственность в своем первом определении есть волевое отношение, то ее совершенствование начинается с укрепления воли, в том числе и **прежде всего воли государственной**.

О какой свободе личности, защите прав, в том числе права на жизнь, может идти речь в стране, где в год регистрируется около 3 млн преступлений. В 2001 г. около 40 тыс. уголовных дел приостановлено, поскольку преступники не были установлены и найдены. Почти каждое второе тяжкое или особо тяжкое преступление остается нераскрытым. По стране разгуливают сотни тысяч преступников, среди которых более 7 тыс. убийц. Ежегодно правоохранительные органы не могут выяснить судьбу более 30 тыс. граждан, пропавших без вести. Это в 10 раз больше, чем потери в боевых действиях в Чечне. О грубом нарушении прав личности говорит тот факт, что в 2001 г. более 1,3 тыс. граждан были незаконно арестованы по постановлению следователей прокуратуры. Взятки, полученные чиновниками только в 2001 г., составили 33 млрд долл., или половину доходной части государственного бюджета.

Падение государственной воли находит выражение и в «параде суверенитетов», во всевластии олигархов, в разного рода правилах поведения для разных лиц, в бесплодных рассуждениях о борьбе с преступностью, в падении международного авторитета страны и т. д. и т. п.

Укрепление и развитие государственной воли, т.е. собственности — это не создание некоей непонятной и неопределенной «вертикали власти», а превращение неупорядоченного множества властей в систему, которая заслуживала бы названия не только хорошо отлаженного механизма, но и организма. Выражаясь образно, система государственной власти — это не только плодоносящее дерево с тремя могучими ветвями (представительная, исполнительная и судебная власть), не только здоровый ствол и развитая корневая система (органы региональной власти), но и садовник, периодически обрезающий ветви, заботящийся о сохранности ствола и развитости корневой системы. Этот садовник не является кем-то внешним по отношению к дереву. Он живет за счет его плодов, а дерево плодоносит благодаря садовнику.

Такая система предполагает земское территориально-административное деление страны, демократически избранный парла-

мент и сильного полномочного президента. Россия должна на деле стать сильной президентской республикой. Нет необходимости говорить о том, что укрепление государственной собственности предполагает укрепление всех атрибутов государственной власти и прежде всего армии.

В условиях **рождающейся** рыночной экономики отсутствует «невидимая рука» рынка, его внутренний саморегулятор. Для того чтобы рынок совершенной конкуренции заработал в автоматическом режиме, он должен быть создан. Процесс стихийного формирования такого рынка занимает многие десятилетия и даже столетия и сопровождается огромными социальными издержками. Чтобы сделать этот процесс «цивилизованным», развитие страны — не «догоняющим», а «обгоняющим», необходимы государственный разум и государственная воля. Особенностью беспрецедентного по своей длительности кризиса, охватившего страну, является то, что в нем отсутствует **внутренний** механизм, обеспечивающий выход из него и переход экономики в фазу оживления и подъема. Выход из застойного кризиса может обеспечить только государство, реализующее свою волю на основе долгосрочных программ, прогнозирования и планирования социально-экономического развития.

Мы отнюдь не призываем к возрождению Госплана и Госснаба. Но не лишним будет вспомнить, что «Новый курс» Д. Рузвельта, экономическая политика Ш. де Голля и Л. Эрхарда базировались не только на теоретических разработках Дж. М. Кейнса и его последователей, но и учитывали положительный опыт регулирования экономики советским государством. Сегодня руководителям России неплохо было бы обратиться к опыту разработки пятилетних планов экономического развития в Японии, долгосрочных крупных экономических программ ЕЭС и самих США. Нельзя забывать и исторический опыт реформирования в нашей стране.

Несмотря на обвальную приватизацию, государству в России на правах собственности все еще принадлежит огромное имущество. Впрочем, по признанию Президента Российской Федерации «мы очень плохо представляем себе, каким ресурсом сегодня владеем. Так, все вроде понимают, что собственность неприкосновенна, но сколько ее, где она и чья именно? Мы сегодня не знаем даже реальных цифр того, что принадлежит государству, начиная с сокровищ Госхрана до авторских изобретений, по праву принадлежащих российским гражданам. Стыдно признать, но никто в стране сейчас не

назовет ни точного числа работающих предприятий, ни их доход, ни даже достоверных данных о населении страны»³⁴.

Некоторые экономисты утверждают, что государственные предприятия менее эффективны, чем частные и предприятия с коллективной формой собственности. Это и не удивительно, если иметь в виду, что государство бросило свои предприятия на произвол судьбы. Формально управлять госпредприятиями от имени государства должно Госкомимущество. Фактически же дело обстоит так, что все силы этого государственного ведомства брошены на приватизацию, т. е. на ликвидацию государственного имущества, а не на управление им.

Необходимость радикального изменения управления государственной собственностью очевидна. Помимо широкомасштабной инвентаризации и мониторинга действий менеджмента изменения должны быть связаны с преобразованием государственных унитарных предприятий и пересмотром соглашений по управлению собственностью с региональными органами власти. Дело в том, что ГУП в России до сих пор действуют на основе рыночных отношений «хозяйственного ведения», которые позволяют бесплатно пользоваться государственным движимым и недвижимым имуществом, нематериальными активами при минимальной степени финансовой ответственности и внешнего контроля.

Большинство ГУП в 2001 г. было нерентабельно и существовало за счет доходов от сдачи в аренду полученной бесплатно недвижимости.

Мы считаем одним из самых главных недостатков всех реформ отношений собственности в России то, что они были направлены прежде всего на **смену субъектов** собственности, а не на изменение **содержания** самого института собственности. Содержание отношения собственности, как отмечалось, определяется содержанием сторон отношения — субъекта и объекта.

Если собственность есть не просто волевое, а моральное, нравственное, духовное отношение, то изменение содержания субъекта собственности связано не только с правовым обеспечением и защитой его личной свободы, но и с изменением его нравственно-духовных начал, изменением его **идеологии**.

В течение 70 лет огромные силы и средства советского государ-

³⁴Открытое письмо В. Путина к избирателям // Комсомольская правда. 2000. 23 февр.

ства и общества были направлены на формирование «нового человека», воспитанного в духе коллективизма и отрицания культа вещей и денег. И эти усилия не оказались бесплодными. Сегодня 15% избирателей, а это в основном люди старшего поколения, голосуют за коммунистов. Новое поколение воспитывается в новых условиях. Идеологией представителей этого поколения является абсолютный индивидуализм, вседозволенность, культ вещей и денег. Можно ли считать это прогрессом в формировании субъекта собственности? Ответ на данный вопрос напрашивается совершенно определенный, если иметь в виду движение мирового сообщества к преодолению современного индустриализма с его вещиизмом и переходом к информационному обществу, где основной формой богатства будет богатство духовное.

Должно ли государство вмешиваться в процесс нравственно-духовного формирования субъекта собственности? Думается, что да. Но это вмешательство должно быть невидимым, подобно «невидимой руке» рынка. Оно будет иметь место тогда, когда отношения государства и членов общества достигнут такого же совершенства, как отношения субъектов на рынке совершенной конкуренции.

В ожидании такого общества мы говорим — сегодняшний субъект собственности в отличие от вчерашнего должен быть **эффективным**. Таких субъектов в России немного. По мнению А. Чубайса, 80-90% населения страны функции активного собственника вообще противопоказаны. Очевидно, под 10% населения, достойными звания активного собственника, А. Чубайс имеет в виду тех «сильных, смелых и наглых», которые в процессе приватизации присвоили имущество остальных 90% населения.

Пытаясь определить критерий эффективного собственника, Г. В. Горланов различает его явную и латентную функции на уровне домашнего хозяйства, частных фирм, государственных и муниципальных производственно-хозяйственных образований. Критерием эффективного собственника на этих уровнях, по мнению Г. В. Горланова, выступает «наличие обязательной совместимости явных функций с латентно-общественными».

Для домашнего хозяйства — это совмещение расширенного воспроизводства принадлежащей ему движимости и недвижимости как материальной основы воспроизводства, семьи (явная функция), с воспроизводством семьи как первичного социального образования, первичной социально-экономической ячейки общества и тем самым воспроизводства общества (латентная функция).

Латентная функция собственника на уровне домашнего хозяйства реализуется трансформацией его сбережений в инвестиционный потенциал финансовых посредников, государственные и корпоративные ценные бумаги. «... Применительно к частнокапиталистической деятельности качество эффективного собственника приобретает и воспроизводит лишь собственник, способный эффективным образом осуществлять конкурентоспособное производство (хозяйственную деятельность), расширенное производство на своем уровне предпринимательской деятельности и тем самым прямо или косвенно (прямо или опосредованно) способствовать расширенному воспроизводству всего общественного (национального) капитала, т. е. осуществлять (обеспечивать) расширенное воспроизводство индивидуального капитала как органической составляющей всего национального (общественного) капитала ... Что же касается критериев определения эффективности самого государства как собственника в лице функционирующих государственных предприятий, то здесь таковыми являются (служат) максимизация непосредственного и опосредованного, в том числе и через частнопредпринимательский сектор, валового национального продукта, минимизация величины издержек, имеющихся в том и другом случаях, для государственных и смешанных частно-государственных предприятий частного права и максимизация удовлетворения соответствующих общественных потребностей для бюджетных предприятий социальной среды и государственных казенных предприятий»³⁵.

Если отвлечься от претендующей на современность научной терминологии Г. В. Горланова, то явная и латентная функции собственности не что иное, как ее частное (индивидуальное) и общественное (коллективное) начало. Обязательная совместимость этих функций есть разрешение противоречия начал собственности как тождества противоположностей. Расширенное же воспроизводство собственности на всех уровнях тождественно самовозрастанию капитала. Вместе с тем давно доказано, что неограниченное и нерегулируемое самовозрастание капитала не только не обеспечивает «наличия обязательной совместимости явных функций с латентно-общественными», но и, наоборот, приводит к непрерывному воспроизводству и обострению противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением его результатов.

³⁵Горланов Г. В. Методология и критериальная база определения эффективного собственника // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 5: Экономика. 2000. Вып. 2 (№13). С. 108.

Призыв же к самовозрастанию собственности во имя ее самовозрастания есть требование к капиталу, чтобы он стал капиталом. Этот призыв тождествен печально знаменитому лозунгу: «Экономика должна быть экономной».

Мы предлагаем, говоря о реализации собственности, различать **эффективного** собственника и собственника **активного**.

Активным следует признать такого субъекта, который делает **свою** собственность реальной, действительной в **любой** форме и на любом уровне хозяйственной деятельности. Он может воспроизводить свою собственность как в простом, так и в расширенном виде. Формальными признаками такого собственника являются его самообеспеченность и своевременная и в полном объеме уплата налогов.

Эффективным выступает субъект, реализующий **свою** собственность в форме **новаторской** хозяйственной деятельности. Такого рода деятельность, по Й. Шумпетеру, имеет место тогда, когда осуществляется:

1) изготовление нового, т.е. еще неизвестного потребителям, блага или создание нового качества того или иного блага;

2) внедрение нового, т.е. в данной отрасли промышленности еще практически неизвестного, метода (способа) производства, в основе которого не обязательно лежит научное открытие и который может заключаться в новом способе коммерческого использования соответствующего товара;

3) освоение нового рынка сбыта, т.е. такого рынка, на котором до сих пор данная отрасль промышленности страны еще не была представлена, независимо от того, существовал этот рынок прежде или нет;

4) получение нового источника сырья или полуфабрикатов равным образом независимо от того, существовал этот источник прежде или просто не принимался во внимание, или считался недоступным, или его еще только предстояло создать;

5) проведение соответствующей реорганизации, например обеспечение монопольного положения (посредством создания треста) или подрыв монопольного положения другого предприятия.

Разумеется, можно назвать и другие признаки-характеристики новаторской деятельности. Но дело не только в признаках, а главным образом в результатах этой деятельности.

Активный собственник — участник конкурентной борьбы, эффективный собственник — ее победитель. Вместе с тем

в реальной хозяйственной жизни возникает необходимость определения эффективного собственника еще до начала его хозяйственной деятельности, так сказать, потенциального эффективного собственника. Такая ситуация возникает, например, всякий раз при распределении и перераспределении прав собственности.

В условиях сформировавшегося хозяйственного механизма и совершенной конкуренции проблема определения потенциального эффективного собственника решается сравнительно просто. Собственником распределяемого и перераспределяемого имущества или прав становится тот, кто ценит их выше и соответственно готов заплатить за них наивысшую из возможных цену.

В условиях же формирующейся рыночной экономики единственным условием решения вышеназванной проблемы является отказ от массовой приватизации и осуществление ее по индивидуальным проектам, обеспечивающим эффективное управление приватизированным предприятием.

Поражает примитивно-торгашеский подход к решению данной проблемы тех, кто оправдывает массовую распродажу государственного имущества за бесценок. «Если вы, — пишет А. Чубайс, — первоначально отказываетесь продавать "задешево", то никогда не получите больших денег»³⁶. Эффективным собственником при таком подходе к решению проблемы оказывается обыкновенный спекулянт, который, используя сложившуюся ситуацию, приобретает государственное имущество «задешево», чтобы продать его «втридорога».

При неработающем рыночном механизме эффективного перераспределения собственности актуальным становится вопрос о ее внеэкономическом, «силовом» перераспределении. Очевидно, что массовой деприватизации наша экономика просто не выдержит. Тем не менее, особо одиозные случаи несправедливого приобретения государственного имущества должны привлечь внимание правоохранительных органов и стать предметом судебного разбирательства.

Примеры такого внимания и такого разбирательства уже имеются. По данным аудита, Счетная палата РФ предложила правительству пересмотреть итоги приватизации двух авиастроительных предприятий («Авиакор» и «Авиастар»). Запрос Госдумы РФ о проверке приватизации пакета акций ТНК летом 2000 г. был на-

³⁶Приватизация по-русски // Под ред. А. Чубайса. С. 360.

правлен в Счетную палату. В ноябре 2000 г. Мосгорсуд принял решение о недействительности аукционов (1994 г.) по продаже 29% акций завода «Сапфир» (высокоточное оружие) и о возврате акций РФФИ³⁷. Очевидно, что для того чтобы ввести эти спонтанные акты деприватизации в цивилизованное правовое поле, необходимы разработка и принятие федерального закона о национализации. Опросы общественного мнения показывают, что большая часть населения (от 70 до 90%) высказывается за национализацию таких «естественных» монополий, как «Газпром», РАО ЕЭС, предприятий оборонной промышленности, нефтедобывающих компаний, золотых и алмазных приисков и др. Мы также относим себя к этой части населения России.

Самым сложным в России всегда был и есть аграрный вопрос —, вопрос о собственности на землю.

Конституцией РФ, наряду с другими формами, утверждается право частной собственности на землю. Непосредственно до 2001 г. земельные отношения в России регулировались рядом указов Президента и постановлений правительства РФ. В некоторых районах страны были приняты местные земельные «законы».

Этими нормативными актами признается многообразие форм собственности на землю, включая частную. Собственники земельных участков имеют право свободной продажи, передачи ее по наследству, дарения, сдачи в залог, аренды, обмена, а также передачи земельного участка или его части в качестве взноса в уставные фонды (капиталы) акционерных обществ, товариществ, кооперативов, в том числе с иностранными инвестициями. Тем не менее правовые основания таких сделок по поводу земли представляются весьма неопределенными. Длительное время на самых различных уровнях в стране велась жаркая дискуссия вокруг статей проекта Земельного Кодекса РФ, разрешающего куплю-продажу земли. %

Сторонники вовлечения земли в свободный товарооборот говорят о преимуществах неограниченной частной собственности на землю перед другими формами землепользования, в частности перед арендой и перед пожизненным, передаваемым по наследству правом землевладения.

Утверждается, что арендатор, в отличие от земельного собственника, менее уверен в завтрашнем дне, поскольку при изменении

³⁷ *Радыгин А.* Собственность и интеграционные процессы в корпоративном секторе // Вопросы экономики. 2001. №5. С. 42. I

шихся обстоятельствах договор пожизненного наследуемого владения землей может быть в одностороннем порядке расторгнут. Но ведь столь же вероятны при изменившихся обстоятельствах и расторжение договора купли-продажи земли, и отмена частной собственности на землю, и запрещение ее купли-продажи или даже национализация.

Говорят, что арендатор, в отличие от собственника земли, не заинтересован в ее коренном улучшении и долгосрочных вложениях в землю, поскольку по истечении договора аренды он теряет на них право. Но ведь это зависит от самих условий договора. В случае пожизненного наследуемого владения арендатор рискует не больше, чем земельный собственник.

Предполагается, что купля-продажа земли, ее залог и т. д. привлекают в сельское хозяйство необходимые ему денежные средства. В действительности дело обстоит с точностью до наоборот. Денежные операции с землей отвлекают огромные деньги от их **производительного использования** в самом земледелии.

Обращение земли в частную собственность означает приватизацию собственности **общественной**. Следовательно, каждый член общества имеет право претендовать на определенную часть этого общественного богатства. Предоставление этого права одним гражданам и лишение его других **неправомерно**. Это не относится к садовым участкам, созданным на бросовых землях, где земля по существу является продуктом труда ее владельца.

Абсолютная частная собственность на **землю-природу** безнравственна, поскольку она предоставляет исключительное право какой-либо части общества лишить другую ее часть естественных условий его жизнедеятельности или, во всяком случае, существенно их ограничить. Свободная купля-продажа земли в соответствии с объективными законами рыночной экономики неизбежно приведет к концентрации земельной собственности в руках немногих, ее монополизации со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Самым сильным аргументом сторонников свободного товарооборота земли, так же как это делали в отношении других объектов приватизации ранние реформаторы, является утверждение, что спонтанный процесс купли-продажи земельных угодий идет уже давно. Будучи полулегальным, он порождает массу злоупотреблений. Задача заключается в том, чтобы сделать этот процесс «прозрачным и законным».

Действительно, статистика свидетельствует о том, что доля сельхозугодий, находящихся в государственной собственности, снизилась к 2000 г. до 40%.

Между тем формальное наделение земельными паями селян не сделало их реальными земельными собственниками. Их пай не определен в натуре, а бумажное свидетельство права собственности на землю имеет не большую ценность, чем печально знаменитый ваучер. Сильно преувеличен и масштаб сделок с землей. Площадь вовлеченных в товарооборот земель составляет лишь 1% земель в индивидуальном секторе сельского хозяйства, или 0,1% всех сельхозугодий России³⁸. Итак, сторонники свободной купли-продажи земли рассматривают ее как обычный товар и считают вовлечение ее в товарный оборот необходимым условием эффективного развития сельскохозяйственного производства.

Сторонники запрета свободного товарооборота сельскохозяйственных угодий считают, что купля-продажа земли экономически не эффективна, юридически не состоятельна и безнравственна. Мы разделяем эту точку зрения.

В 2001 г. Государственной Думой принят и Советом Федерации одобрен «Земельный Кодекс РФ», который, однако, прямо не регулирует вопросы купли-продажи сельскохозяйственных земель. Эти вопросы предполагалось урегулировать позднее, приняв специальный закон рамочного характера. Такой закон был принят в 2002 г.

Он предусматривает регулируемую куплю-продажу земли всюду, кроме пограничных территорий. Продавать землю реально, а не на бумаге, сможет лишь тот, кому ее уже нарезали до принятия закона. Механизм продажи заключается в следующем. Сначала участок надо предложить местным властям, односельчанам, и только после их отказа выкупить землю ее можно продать свободно. Власть может раздумывать над предложением покупки земли 1 месяц, односельчане — еще 1 месяц. Продажа земли иностранным гражданам запрещается.

Допуская возможность ограниченной и жестко регулируемой купли-продажи земли в перспективе, мы считаем, что в настоящее время государство должно решать этот вопрос крайне осторожно, поэтапно и избирательно. «Шоковая терапия» здесь приведет к еще более разрушительным последствиям, чем те, которые мы наблюда-

³⁸Лерман И. Десять лет земельных реформ: какие уроки Россия может извлечь из мирового опыта // Вопросы экономики. 2001. №8. С. 103.

даем в экономике страны в целом. Учитывая такую особенность земли, как ее постоянное местоположение и физическую непеременяемость при решении вопроса о ее рыночном обороте, следует в максимальной степени учитывать экономические, социальные, политико-исторические и национально-этнические особенности того или иного региона.

Предоставляя широкую самостоятельность региональным властям в выборе вариантов рыночного оборота земли и его специфических форм, центральные власти должны разрабатывать общие принципы регулирования земельных отношений и рынка земли на основе федерального закона.

Земельный рынок может появиться тогда, когда появятся субъект и объект рыночных отношений. Субъект — это платежеспособный покупатель, эффективный земельный собственник. Объект — это качественно определенный товар, ценность которого имеет объективное денежное выражение. Ни того, ни другого сегодня в деревне нет. Нельзя считать платежеспособным покупателем и эффективным земельным собственником нищего крестьянина, готового продать свой земельный пай за бутылку водки. Не располагая даже элементарным современным садово-огородным инвентарем, он не в состоянии самостоятельно использовать предоставленную ему в качестве собственности землю как эффективное и главное в сельском хозяйстве средство производства. Таким образом, он объективно не может реализовать **экономически** свой **юридический** титул земельного собственника.

Экономической формой реализации права земельной собственности является, как известно, рента, достающаяся собственнику в форме либо арендной платы, либо цены земли (капитализированная, провинциальная рента).

Как же сегодня в России, где свыше 60% сельскохозяйственных земель юридически находится в частной собственности, реализуется эта собственность экономически? Ответить на этот **главный вопрос**, определяющий **содержание** современных аграрных отношений в России, чрезвычайно трудно, если не невозможно. Очевидно, ренту не получает обладатель бумажного земельного пая, если в доходах, которые он присваивает как член производственного коллектива, она как таковая не присутствует. Она и не может в них присутствовать, если в 1998 г. 88% всех сельскохозяйственных предприятий были убыточными.

В 1990 г. среднемесячная оплата труда в сельском хозяйстве

составляла 93% соответствующего показателя в промышленности и более 95% средней оплаты труда в народном хозяйстве. Сейчас эти цифры равны соответственно 29 и 38%. Таким образом, обладатель земельного пая не получает не только ренты со своего не существующего в натуре земельного надела, но и необходимой платы за труд. Львиную долю земельной ренты в неявной форме присваивают производители и посредники с поставляемых в село экономических ресурсов за счет неэквивалентности обмена продукцией.

В 1990-1997 гг. цены на поставляемые в село ресурсы повысились в 8848 раз, а на сельскохозяйственную продукцию — только в 2000 раз (в денонмированных рублях соответственно в 8,8 и 2 раза). Разрыв в динамике индексов цен составил 4,4 раза. После дефолта августа 1998 г. импорт продовольствия несколько сократился, что способствовало росту цен реализации сельскохозяйственной продукции. В 1999 г. цены на ресурсы села увеличились в 1,6 раза, в то время как на сельскохозяйственную продукцию — в 2 раза. Однако уже в 2000 г. проявилась прежняя тенденция: цены на промышленную продукцию возросли на 66%, а на сельскохозяйственную — лишь на 36%³⁹.

Не присваивает земельной ренты и государство. Федеральным законом от 11 октября 1991 г. «О плате за землю» установлено, что использование земли в России является платным. Плата за землю осуществляется в трех формах: земельный налог, арендная плата, нормативная цена земли.

Земельный налог платят собственники земли, землевладельцы и землепользователи (кроме арендаторов). Арендная плата взимается за земли, переданные в аренду. Нормативная цена земли устанавливается при покупке и выкупе земельных участков в соответствии с действующим законодательством, при получении банковского кредита под залог земли. Средние ставки налога различаются в зависимости от места использования земель (город, село), их расположения (субъект федерации, экономический район), целей использования и их кадастровой оценки.

По формальным признакам земельный налог можно отнести к ренте. Однако юридически он относится к категории местных налогов и используется **исключительно** на следующие цели:

³⁹ Емельянов А. Регулируемый рыночный оборот земли и гибкая собственность на землю // Вопросы экономики. 2001. №8. С. 88.

— землеустройство, ведение земельного кадастра, мониторинг, охрана земель и повышение их плодородия, освоение новых земель, компенсация собственных затрат землепользования на указанные мероприятия и процентов за их использование;

— инженерное и социальное обустройство территории. Закон устанавливает, что средства, поступающие от взимания налога и арендной платы за сельскохозяйственные угодья, расходуются на указанные выше цели только для нужд **собственников, владельцев и пользователей** сельскохозяйственных земель. Но рента, которая взимается с земельного собственника и ему же возвращается, по своему экономическому содержанию рентой не является. По формальным признакам (целевое расходование) такая плата за землю не может быть и налогом. Ее можно, скорее всего, отнести к сборам (подобно дорожным сборам).

Столь же неопределенными по своему экономическому содержанию и форме предстают налог на добычу полезных ископаемых и плата за пользование водными объектами, лесной налог. Наполнение этих понятий конкретным содержанием предполагает исследование экономического содержания самого явления и понятия «налог».

Различного рода подати и налоги появились вместе с рождением государства и выступают не только его акциденцией, важнейшим атрибутом, но и его сущностной определенностью, его **собственностью**.

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть I, ст. 8) определяет налог как «обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований»⁴⁰.

Это определение подвергается критике как со стороны юристов, так и экономистов. В.Г.Пансков видит недостаток приведенного определения налога в том, что здесь отождествляются нормы гражданского и налогового права. «К сожалению, — пишет он, — сегодня этого постулата придерживаются многие юристы. По их мнению, налоговые отношения — это своего рода договор между государством и его гражданами. А раз это договор, то к налоговым отно-

⁴⁰Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. I. М., 2001. С. 10.

шениям можно применять нормы гражданского права. Думается, что это в корне неверно. Хотим мы этого или не хотим, но налоговые отношения — это отношения принуждения. В этих отношениях не может быть равенства участников, так как здесь отсутствует согласованная воля двух сторон. И ее не может быть! Государство принуждает каждого конкретного налогоплательщика при наступлении соответствующих условий платить определенную долю от его доходов»⁴¹. В.Г.Пансков считает также, что предусмотренное Налоговым кодексом взимание платежей в форме отчуждения противоречит ст. 35 Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Представляется, что эта критика В. Г. Пансковым Налогового кодекса основана на непонимании сущности налога как экономико-правовой категории. **Налог** — не контрибуция, выплачиваемая побежденными победителям. Это не репарация, выплачиваемая в качестве возмещения убытков, нанесенных войной, побежденной страной стране, выигравшей войну, и не штраф, который является административным или судебным наказанием в виде денежного взыскания.

Налоговое отношение, вопреки утверждению В. Г. Панскова, есть осязаемое, зримое отношение двух сторон — воли единичной и всеобщей, соотношение особенного и всеобщего в собственности, **нашедшее внешнее выражение**. Особенное и всеобщее, которые суть моменты единого, здесь обнаруживают себя во внешнем враждебном противостоянии. «... Большинство людей, — писал Гегель, — рассматривает требование уплаты налогов как нарушение их особенности, как нечто им враждебное, препятствующее осуществлению их цели; однако сколь истинным это им не кажется, особенность цели не может быть удовлетворена без всеобщего, и страна, в которой не платили бы налогов, не способна была бы отличаться и усилением особенности. Могло бы также казаться, что всеобщности пошло бы на пользу, если бы она стянула к себе силы особенности, как это, например, осуществляется в платоновском государстве; однако и это только иллюзия, поскольку обе они суть лишь друг посредством друга и друг для друга и переходят друг в друга. Способствуя осуществлению моей цели, я способствую и

⁴¹Пансков В. Г. *Налоги и налогообложение в Российской Федерации*. М., 2001. С. 22.

осуществлению всеобщего, а оно, в свою очередь, способствует осуществлению моей цели»⁴².

В этом удивительно емком по своему содержанию фрагменте Гегель утверждает, что налоговое отношение есть в своей **сущности** отношение собственности на одной из самых высоких ступеней ее движения от абстрактно-всеобщего к конкретно-всеобщему.

Налог — это наличное бытие, **действительность общественного начала** собственности, а доход, остающийся после уплаты налогов, — наличное бытие частной собственности. Приобретая наличное бытие, две стороны собственности **внешним образом** противостоят друг другу и противоборствуют.

Стремление увеличить налоги, или, как выражается Гегель, стремление всеобщности стянуть к себе силы особенности сверх положенного, не идет ей на пользу, равно как и стремление особенности неадекватно увеличиться за счет всеобщности, т. е. стремление не платить налоги, в конечном счете не идет на пользу неплательщику. К поиску этой точки равновесия особенного и всеобщего, оптимального сочетания личных и общественных интересов и направлено в конечном счете совершенствование налоговой системы.

При уплате налогов, конечно, происходит отчуждение собственности физических лиц и организаций, но это отчуждение есть возвращение общественной собственности к самой себе. Здесь нет непосредственного обмена, частно-правовой сделки по принципу *do ut des*, но нет здесь и безвозмездного отчуждения. Собранные налоги становятся по своему назначению общественными благами и потребляются всеми членами гражданского общества и каждым гражданином в отдельности. Трансформация частной собственности в общественную через налоги такова: собственность физических лиц и организаций — государственная собственность (собранные налоги) — общественная собственность (общественные экономические блага).

Совершенствование налогообложения за счет отмены многочисленных и дублирующих друг друга местных налогов, акцизных сборов, тарифов, административных ограничений на производство и торговлю, не обоснованных экономической целесообразностью и являющихся несправедливыми с точки зрения населения, представляет собой один из примеров возможной реализации принципов парето-улучшений.

⁴²Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 229.

Итак, говоря о перспективах развития отношений собственности в России, мы имеем в виду прежде всего изменение содержания этих отношений как органической системы врожденных, правовых, нравственно-этических, религиозных норм поведения людей в хозяйственной жизни. Со стороны объектов отношений собственности эти изменения будут связаны с необходимостью большего учета их специфики, определяющей особенности их присвоения. Со стороны субъектов эти изменения выразятся в росте их разнообразия и формировании новой идеологии присвоения, основывающихся на превосходстве духовных начал над материальными.

Государство, будучи организацией властной, призвано реализовывать свою собственность в качестве гаранта реализации собственности всех и каждого члена общества.

З а к л ю ч е н и е

Становление и развитие собственности как всеобщего социально-экономического института прошло сложный и противоречивый путь опосредования, модификации и трансформации.

Субстанциональное определение собственности как присвоение субъектом самого себя в форме знания совпадает с сущностным определением человека как *homo sapiens* (человек разумный, мыслящий). Следовательно, становление и развитие собственности является не чем иным, как становлением, самополаганием мыслящего человека. Такое понимание собственности раздвигает ее границы как объекта познания обществоведения вообще.

Действительно, собственность так или иначе исследуется всеми или почти всеми гуманитарными науками, и каждая из них находит в отношении собственности свой специфический объект познания. Без такой **спецификации** невозможно глубокое, всестороннее, истинное знание о сложнейшем универсальном социальном феномене.

Вместе с тем спецификация, дифференциация знания, претендующего на истинное, необходимо предполагает и его **интеграцию**. Интеграция, конечно же, не выступает простым суммированием знаний о собственности, добытых специальными гуманитарными науками. Это качественно новое знание, полученное на границах предметов смежных наук.

Граница по своему определению принадлежит и не принадлежит каждой из сторон, которые она разграничивает. Она потеряла бы всякий смысл, если бы каждая из сторон не стремилась ее сохранить и в то же время перейти, нарушить. Поэтому интегральное, междисциплинарное исследование собственности предполагает изучение **приграничных** областей гуманитарных наук, где она обнаруживает себя, **границ** и **перехода** этих границ.

Источник движения собственности — ее **противоречия**, которые сами в своем развитии проходят стадии простого тождества, различия, противоположностей и тождества противоположностей.

Началом системы противоречий собственности является ее всеобщее противоречие, которое содержится в ее первом, элементарном отношении. Присваивая самого себя в форме знания о самом себе и окружающем его мире, человек как отношение собственности предстает в виде противоречивого тождества **субъекта и объекта** познания. Это изначальное противоречие содержит в себе в зародыше **всю** систему противоречий собственности, т. е. представляет ее всеобщее противоречие. Самополагание человека как собственности находит выражение в его сознательных, целенаправленных, волевых действиях, в его свободной воле.

Свободная воля, или просто **свобода**, также противоречива. Она по своему понятию не имеет границ и в то же время воля, не преодолевающая своих границ, не может считаться свободной. Свобода, таким образом, как движение в одно и то же время в одном и том же отношении выступает как непрерывное полагание своих **собственных** границ и их непрерывное отрицание, преодоление.

Свобода как отношение собственности ограничивается внешними факторами и внутри самой себя. Внешним образом свобода индивида ограничивается свободой других людей и общества в целом. Внутри самой себя индивидуальная свобода ограничивается отказом индивида от притязаний на свободу других лиц. Таким образом, собственность как индивидуальное свободное волевое отношение опосредуется свободной волей других и **всеобщей, общественной волей**.

Индивид становится собственником вещи не только потому, что он вкладывает в нее свою волю, подчиняет ее своему господству, но и потому, что все другие члены общества отказываются от притязаний на данную вещь, признают господство над ней данного субъекта. В то же время последний отказывается от присвоения объектов, подчиненных воле других. Следовательно, единичная индивидуальная собственность содержит в самой себе свою противоположность — собственность всеобщую, общественную, и, наоборот, общественная собственность отрицается в самой себе собственностью индивидуальной.

Всеобщее противоречие первичного отношения собственности перерастает в противоречие собственности, являющееся в то же время собственностью единичной и всеобщей, индивидуальной и общественной. Индивидуальной собственности в чистом виде в действительности нет. Собственность абстрактного Робинзона есть абстракция. Точно также не существует в чистом виде и собствен-

ность общественная. Конкретно она всегда выступает как собственность индивида или совокупности индивидов.

Развитое всеобщее противоречие собственности находит выражение и разрешение в **обмене**. Последний есть не что иное, как присвоение чужой вещи через отчуждение своей собственной.

Обмен завершает процесс становления собственности как присвоения, который последовательно определяет себя в виде владения, потребления и отчуждения. Вне обмена собственности как ставшего, действительного отношения нет. Но для того чтобы обмен состоялся, обмениваемые экономические блага должны обладать единой всеобщей основой. Этой всеобщностью благ предстает их **ценность**, под которой понимается абстрактная способность удовлетворять абстрактную потребность. Это свойство присуще всем экономическим благам независимо от того, являются они продуктами труда или нет. Очевидно, что этой всеобщностью благ не может быть абстрактный труд.

Обмен — это не просто передача вещей одним собственником другому и **смена** собственников, а **интеграция** воли участников обмена и общественной воли в единую волю, оформляемую контрактом, договором, т.е. принимающая **правовую** форму.

Стороны правового отношения собственности выступают как носители правомочий и юридических обязанностей.

Однако сложность анализа отношений собственности заключается не столько в определении сторон этого отношения, сколько в раскрытии моментов **перехода** их друг в друга.

По своему содержанию, правомочие определяет себя как единичность всеобщей воли, а обязанность — как ее всеобщность. Правомочие содержит в себе обязанность как единичное включает в себя всеобщее, а всеобщее реально существует только как единичное. Имея каждый в самом себе свою противоположность, правомочие и обязанность непрерывно переходят друг в друга.

В результате этого движения право собственности, которое обеспечивалось внешним принуждением (законом), становится **внутренней обязанностью**, убеждением **моралью**, автономией духа субъекта.

Когда мораль субъекта получает общественное признание, становится нормой общественного поведения без какого-либо внешнего принуждения, моральное отношение собственности перерастает в **нравственное**.

Как нравственное отношение собственность проявляет себя в се-

мье, коллективе, гражданском обществе, государстве, мировом обществе, религиозной общности людей.

Действительно, формирование собственности явившегося на свет человека начинается в семье. Вместе с собственностью ребенка формируется и семейная собственность, и его и его родителей. Здесь в первом маленьком коллективе в противоположность эгоизму появляется забота об общем, рождаются общие семейные интересы, общее имущество. Именно здесь индивидуальное отношение собственности переходит в **коллективное (общее) имущественное отношение**.

Как **всеобщее** это отношение обнаруживает себя в гражданском обществе.

Формирование гражданского общества и **его собственности** — сложный, противоречивый процесс. Широко распространенным является утверждение, что первичная ячейка, основа, из которой вырастает это общество — семья. Не менее распространено положение, гласящее, что семья есть продукт, результат развития общества.

Авторитетные обществоведы считают, что гражданин — это «сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным»¹. Им возражают те, кто полагает, что в гражданском обществе приоритетными являются интересы личности. Вместе с тем как бы ни определялось гражданское общество, его собственность выражается в **механическом** единстве воли и интересов его членов. Здесь каждый рассматривает самого себя как цель. Он безразличен, равнодушен по отношению к другим и готов к сотрудничеству с ними лишь как с необходимым условием, средством реализации его цели, его собственности.

Конечно, гражданское общество развивает системы человеческих потребностей и способностей, реализующихся в труде, формирует систему имущественных состояний и сословий, создает **общественное имущество**. Однако его не следует объявлять идеалом общественного устройства. Оно всего лишь этап, важный, но не последний в эмансипации человека, развитии свободы личности, ее собственности. Противоречия гражданской собственности находят выражение в конфликте личных, коллективных и общественных интересов.

Органическое единство воли и интересов индивида, коллек-

¹Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. Т. 1. М., 1934. С. 614.

тива и общества достигается в таком **государственном** устройстве, которое представляет собой тождество всеобщего (государства), особенного (его институты) и единичного (индивидов). Такое государство следует назвать истинным, или социальным. Именно благодаря названному тождеству истинное государство становится духовно-нравственным организмом.

Конечно, такое государство — идеал. Путь к его достижению лежит через всестороннее совершенствование отношений **государственной** собственности. Под последней понимается не просто государственное имущество, а государственная воля, реализующая всеобщую волю народа, национальную идею.

Собственность — это деятельность, реализация воли личности, коллектива, общества, государства.

Важнейшей формой практической деятельности личности является труд. С самого начала он выступает как присвоение сил и веществ природы через отчуждение сил человека, т. е. как отношение собственности.

Оно разворачивается в систему хозяйственных отношений, включающую в себя производительные и потребительные силы, технологические, производственные и экономические отношения. Эти отношения определяют **экономическое** содержание собственности.

Первым или основным экономическим противоречием собственности следует считать противоречие между **конкретным** и **абстрактным** трудом, принимающее в дальнейшем форму противоречия между **трудом частным** и **общественным**. Абстрактный труд выступает всеобщностью всякого конкретного (особенно) труда, его видовой ценностью. Родовая ценность труда выражает его полезность как фактора производства. Всеобщая ценность труда определяется так же, как ценность любого экономического блага. При этом следует заметить, что не труд определяет ценность произведенных им экономических благ, а наоборот, ценность труда производна от ценности созданных им благ.

Известно, что труд как таковой не может быть экономической категорией. Его экономическое содержание определяется степенью его свободы. В связи с этим различается труд рабский, крепостного крестьянина, наемного рабочего и труд свободных от эксплуатации и от всякого внешнего принуждения людей.

Если собственность как ставшая проявляет себя только в обмене, то и трудовое отношение собственности приобретает завершённую форму только тогда, когда труд становится объектом куп-

ли-продажи, т. е. товаром. Поскольку сущностным определением товара выступает его ценность, постольку эволюцией собственности-товара является движение **ценности** как таковой и как само-возрастающей, т. е. как капитала.

Это движение захватывает как физический, так и человеческий капитал, под которым следует понимать все способности человека, реализация которых приносит доход. Законы собственности трансформируются таким образом в законы ценности и капитала.

Если капиталом называется все то, что приносит доход, то собственность-капитал реализует себя в различных формах **дохода**.

Воспроизводство капитала включает в себя не только сферу производства обмена и потребления, но и сферу **распределения**: Анализ динамики собственности поэтому был бы неполным без рассмотрения ее движения в этой сфере. На распределение собственности, наряду с чисто экономическими факторами, существенное влияние оказывают правовые, моральные, нравственные нормы поведения хозяйствующих субъектов, государственная политика. Более того, право, мораль, нравственность становятся не только объектами экономических отношений, но и наполняются экономическим содержанием, приобретают характеристики экономических категорий. Полнота пучка прав собственности на то или иное экономическое благо существенно влияет на его ценность.

Таким образом, право, которое вначале лишь оформляло экономическое содержание отношений собственности, входит в это содержание. В этом же направлении развиваются нормы морали, нравственности, этики. Собственность человека не может быть аморальной и безнравственной. Это противоречит его духовной сущности.

Для человека нравственно то, что справедливо, а **справедливость** есть тождественность индивида его собственности. Другими словами, каждому должно воздаваться пропорционально его вкладу в создание общественного имущества. Сказанное, разумеется, не относится к так называемым ущербным людям.

Стихийно действующий рыночный механизм не может обеспечить реализацию принципа социальной справедливости. Это одна из задач реализации государственной собственности.

Содержание собственности в значительной степени определяется историческими и географическими условиями формирования нации, особенностями национальной психологии, обычаями, характером, духом народа, его культурой в целом.

Особенностями социального наследия сегодняшней России яв-

ляется то, что в нашей стране отношения собственности всегда были относительно неразвиты. Интеллектуальная прослойка российского общества всегда с презрением относилась к стяжательству. Народ никогда не любил имущих, богатых. Дух соборности, коллективизма с необходимостью порождал вождизм, неограниченную верховную власть. В отличие от стран Европы, где государство возникало на основе отношений собственности, закрепляло и оформляло их, на Руси эти отношения изначально были производными от государственной власти. Не собственность порождала власть, а власть — собственность.

Эти и другие особенности исторического социального наследия российского общества в значительной степени объясняют быстрое и широкое распространение в нем социалистических идей и сравнительно легкую победу Октябрьской революции 1917 г., направленной против частной собственности. Эти же особенности обусловили равнодушие подавляющего большинства населения к ликвидации советского государства и «общенародной» государственной собственности.

Социально-экономическое реформирование страны, последовавшее за событиями августа 1991 г., было объективно необходимо. Старая государственная, политическая, социально-экономическая система полностью выработала ресурс своего развития и самообновления. Требовались либо ее коренная реконструкция, либо ее полное разрушение и замена новой. Уделом страны стал второй путь.

Анализ десятилетних революционных преобразований в нашем отечестве свидетельствует о том, что реформаторам удалось реализовать лишь часть намеченного — разрушить старую систему отношений собственности, ликвидировать ее неэффективного собственника в лице советского государства. Разрушение одряхлевшей административно-командной системы означало также и снятие порожденных ею жестких ограничений всех свобод человека. Вместе с тем не удалось решить главную стратегическую задачу любого реформирования — создание вместо старой неэффективной системы новой эффективной. Это обернулось длительным разрушительным кризисом, огромными социально-экономическими издержками.

Среди основных причин, обусловивших провалы реформирования, следует назвать непонимание реформаторами собственности как всеобщего социально-экономического института. Простая

смена субъектов собственности никогда не приводила и не может привести к изменению ее содержания. Решающим для стабилизации экономического развития и выхода страны из затянувшегося кризиса следует признать совершенствование государственной собственности, укрепление и реализацию государственной воли. Это должно найти выражение прежде всего в разработке долгосрочной научно-обоснованной программы социально-экономического развития страны и обеспечения ее реализации.

Развитие собственности как всеобщего социально-экономического института, вторжение в ее экономическое содержание права, морали, нравственности, религии не только обогащает ее содержание, но и создает основу ее самоотрицания. Так, возможность самоотрицания собственности возникает при полной спецификации прав на нее и нулевых трансакционных издержках, предполагающих исчезновение обмена и рыночных отношений.

Таковы не только логика развития собственности, но и наблюдаемые сегодня глобальные тенденции перехода мирового хозяйства к постиндустриальной стадии развития и информационному обществу.

Собственность человека и человечества, конечно, не исчезнет. Однако самим ее развитием закономерно отрицается ее старое содержание и формируется новое. Возникшая как интеллектуальная, духовная, собственность возвращается в свое основание — знание.

Литература

1. *Абалкин Л. И.* Зигзаги судьбы: разочарования и надежды. М., 1996.
2. *Автономов В. С.* Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории западной экономической мысли). М., 1993.
3. *Акулов В. Б.* Кейнсианская модель макроэкономического регулирования: возможность использования в современной экономике. СПб., 1993.
4. *Алексеев И. Н.* Собственность и социализм: опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Под ред. И.К.Исупова, И.Савкина. СПб., 1993.
5. *Андреев В. К.* Право собственности в России. М., 1993.
6. *Арнольд В. И.* Теория катастроф. М., 1990.
7. *Афанасьев В. Н.* Диалектика собственности: логика экономической формы. Л., 1991.
8. *Ахведиами А. А., Ковалев А. М.* Собственность. Власть. Политика. М., 1996.
9. *Вал Д.* Социальные рамки информационного общества: новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
10. *Барнетт Д.* Богатство начинается с Бога: Библейское учение о собственности. СПб., 1997.
11. *Бем-Ваверк Е.* Основы теории ценности хозяйственных благ. Австрийская школа в политической экономии. М., 1992.
12. *Бенкс Р.* Общественное благосостояние и частная прибыль. СПб., 1993.
13. *Бердяев Н.А.* Философия нравственности // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Под ред. И. К. Исупова, И. Савкина. СПб., 1993.
14. *Бляхман Л. С.* Россия на пути к информационному обществу // Вести. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 1997. Вып. 1.
15. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1989.
16. *Бурганов А. Х.* Философия и социология собственности: российские регалии. М., 2000.

17. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
18. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.
19. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
20. Владимирский Е. А., Павлова И. П. Система социалистических производственных отношений. Л., 1986.
21. Гайдар Е. Т. Экономические реформы и иерархические структуры. М., 1990.
22. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
23. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972.
24. Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992.
25. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
26. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1976.
27. Горланов Г. В. Методология и критериальная база определения эффективного собственника // Вести. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2002. Вып. 2.
28. Гриман В. Д. Лекции по догме римского права. Киев, 1919.
29. Дорогое Н. И. Управление хозяйством региона как собственностью. (Теоретические аспекты). Иваново, 1988.
30. Дятлов С. А. Основы теории человеческого капитала. СПб., 1994.
31. Ельмеев В. Я. Воспроизводство общества и человека. М., 1987.
32. Ельмеев В. Я. Социологический метод: теория, онтология, логика. СПб., 1995.
33. Емельянов А. Регулируемый рыночный оборот земли и гибкая собственность на землю // Вопросы экономики. 2001. № 8.
34. Есинов В. М. Развитие отношений собственности. М., 1998.
35. Епифанов А. М. Собственность и власть. М., 1999.
36. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1918.
37. Зибер Н. И. Избранные экономические произведения. М., 1959. В 3 т. Т. 2.
38. Зомбарт В. Современный капитализм. М., 1931.
39. Иванов С. И. Современный капитализм: общественное воспроизводство и денежное обращение. Л., 1989.
40. Илларионов А. Модели экономического развития и Россия // Вопросы экономики. 1996. №7.
41. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека. М., 1918.
42. Исаев А. А. Начала политической экономии. СПб., 1908.
43. Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1, 2. М., 1965.
44. Канов В. И. Отношения собственности на природные ресурсы. Томск, 1991.

45. *Капелюшников Р. И.* Экономическая теория прав собственности. М., 1990.
46. *Козловски П.* Принципы этической экономики. СПб., 1990.
47. *Колесов Н.Д., Щербина В. Ф.* Разрешение экономических противоречий социализма. М., 1993.
48. *Коловангин П. М., Рыбаков Ф. Ф.* Экономическое реформирование России в XX веке. СПб., 1996.
49. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
50. *Корнац Я.* Путь к свободной экономике: страстное слово в защиту экономических преобразований. М., 1990.
51. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М., 1993.
52. *Критский М. М.* Человеческий капитал. Л., 1991.
53. *Кузьмин С.* Социальные системы в состоянии неустойчивого равновесия. Проблемы теории и практики управления. М., 1992.
54. *Лазар Я.* Собственность в буржуазной правовой теории. М., 1985.
55. *Лавров А.М., Сурин В. С.* Собственность. Приватизация. Управление. Маркетинг. Кемерово, 1993.
56. *Лерман Ц.* Десять лет земельных реформ: какие уроки Россия может извлечь из мирового опыта // Вопросы экономики. 2001. №8.
57. *Ложж Дж.* Избранные философские произведения. М., 1960.
58. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1, 2, 3, 20, 22, 23, 46.
59. *Малиновский Б.* Политическая прелюдия // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. №3.
60. *Московский В.* Эволюционная теория и технологический прогресс // Вопросы экономики. 2001. №11.
61. *Мау В.* Экономическая политика России в начале новой фазы // Вопросы экономики. 2001. №3.
62. *Мау В., Яновский К.* Политические и правовые факторы экономического роста в российских регионах // Вопросы экономики. 2001. №11.
63. *Менгер К.* Основания политической экономики // Австрийская школа в политической экономике / Председ. ред. колл. Л.И.Абалкин. М., 1992.
64. *Миль Дж. С.* Основы политической экономики. В 3 т. Т. 1. М., 1980.
65. *Миропольский Д. Ю.* Неравновесие и типы хозяйственных систем. СПб, 1994.
66. *Михеев В. Н.* Экономико-правовые основы хозяйствования. СПб, 2002.
67. *Николаева Т. П.* Основы информационной экономики. СПб, 2001.
68. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. М, 1996.
69. *Нормативные акты, о земле.* М, 1978.

70. *Ольсевич Ю. Я.* Трансформация хозяйственных систем. Уфа, 1995. Ч. 1.
71. *Открытое* письмо В.Путина к избирателям // Комсомольская правда. 2000. 23 февр.
72. *Осинов Ю. М.* Очерки философии хозяйства. М., 2000.
73. *Ослунд Андерс.* Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996.
74. *Ослунд Андерс.* Шоковая терапия в Восточной Европе и России. М., 1994.
75. *Пайпс Р.* Собственность и свобода. М., 2000.
76. *Пансков В. Т.* Налоги и налогообложение в Российской Федерации. М., 2001.
77. *Лигу А.* Экономическая теория благосостояния. М., 1985.
78. *Приватизация по-российски* / Под ред. А. Чубайса. М., 2000.
79. *Платон.* Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1974.
80. *Прудон П. Ж.* Что такое собственность? М., 1998.
81. *Радыгин А.* Собственность и интеграционные процессы в корпоративном секторе // Вопросы экономики. 2001. №5.
82. *Реформы* в России. XIX-XX вв.: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.В.Демкин. М., 1992.
83. *Реформы* или революция? Россия, 1861-1917 гг. // Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992.
84. *Рымашевская Н. М.* Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. 1997. № 6.
85. *Рэфферн Д.* Принципы нового мирового порядка. М., 1993.
86. *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России (XIX-XX вв.). СПб., 1998.
87. *Сакс Д.* Рыночная экономика и Россия. М., 1995.
88. *Сакс Дж., Вернер Э.* Экономическая конвергенция и экономическая политика // Вопросы экономики. 1995. №5.
89. *Скидмор Т.* Права человека на собственность. М., 1988.
90. *Смит А.* Исследование о богатстве народов. Петроград, 1925.
91. *Смит А.* Теория нравственных чувств. СПб., 1868.
92. *Современный японский корпоративизм: научно-аналитический обзор.* М., 1994.
93. *Соловьев В. С.* Оправдание добра // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Под ред. К.Исупова, И. Савкина. СПб., 1993.
94. *Сорокин С. Ф.* Распределение собственности и эффективность хозяйственной деятельности. Саранск, 1999.
95. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
96. *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия... // Столыпин П. А. Поли. собр. речей в Государственной думе и Государственном Совете. 1906-1911 гг. М., 1991.

97. Струве П. П. Россия // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Под ред. К.Исупова, И.Савкина. СПб., 1993.
98. Стиглиц Док. Куда ведут реформы // Вопросы экономики. 1999. №7.
99. Тоффлер О. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. М., 1991.
100. Тульчинский Г. Свобода и собственность // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Под ред. К.Исупова, И.Савкина. СПб., 1993.
101. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая контрактация». СПб., 1996.
102. Улыбин К. А. Социалистическая собственность без иллюзий и драм. М., 1990.
103. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М., 1992.
104. Хорват И. Теория индустриальных систем. М., 1976.
105. Хубиев К. А. Собственность в системе производственных отношений. М., 1988.
106. Флекснер К. Ф. Просвещенное общество. Экономика с человеческим лицом. М., 1994.
107. Фомотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
108. Фридман и Хайек. О свободе. М., 1985.
109. Цивилизационный прогресс и социальные итоги развития США. М., 1993.
110. Шаталин С. С., Гайдар Е. Т. Экономическая реформа: принципы, направления, проблемы. М., 1989.
111. Шкредов В. П. Экономика и право (опыт экономико-юридического исследования общественного производства). М., 1990.
112. Штирнер М. Единственный и его достояние. СПб., 1910.
113. Шумпетер И. Теория экономического развития. М., 1982.
114. Экономическая теория на пороге XXI в. / Под ред. Ю. М. Осипова. СПб., 1996.
115. Эрн. В. Ф. христианское отношение к собственности // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Под ред. К.Исупова, И.Савкина. СПб., 1993.
116. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Dezember, 1976.
117. *Hamilton W.H.* Institution. Encyclopaedi of the social sciences. Vol. 8. New York, 1932.
118. *Hayek F. A.* Drei Vorlesungen tiber Demokratie Verechtigkei und Sozialismus, Tübingen. 1977. S. 24.
119. *North A. N.* Institutions, Transactcon Costs and Economic, Growth // *Economic Inquy*. 1987. Vol. 25. N 3.
120. *Stigler George I.* The Theory of Price. 3 th. ed. N. Y. 1966.

121. *Tanner M.* The End of Welfare. Washington D.C., 1996.
122. *Teitenberg D.* Environmental and Natural Resources Economics. 4 th ed. N.Y., 1976.
123. *The Economics of Property Rights* / Ed. by E. Y. Turoboth, S. Pejovich. Cambridge, 1974.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Понятие экономических противоречий и их системы.	6
1.1. Общее понятие противоречия	
1.2. Экономические противоречия и их классификация.	22
Глава 2. Понятие собственности	30
2.1. Собственность как абстрактное волевое отношение	
2.2. Нравственно-правовые определенности собственности ..	40
2.3. Экономическое содержание собственности.	48
2.4. Собственность как отношение хозяйствования.	64
Глава 3. Развитие собственности	80
3.1. Развитие собственности как разрешение ее противоре- чий	7
3.2. Реформирование отношений собственности в России ...	100
3.3. Социально-экономические последствия преобразования отношений собственности в Российской Федерации ..	111
3.4. Перспективы развития отношений собственности в Рос- сийской Федерации	125
Заключение	143
Литература	151